

П.Н. Бургасов

Я ВЕРИЛ...

Издание четвертое,
исправленное и дополненное

Москва
Санэпидмедиа
2015

УДК [614(091++94)(470+571)+929Бургасов:
ББК 51.1(2)+63.3(2Рос)
Б91

Издание исправлено и дополнено П.С. Бургасовым

Бургасов, Петр Николаевич.

Б91 Я верил... / П. Н. Бургасов. – 4-е изд., испр. и доп. /
испр. и доп. П. С. Бургасовым. – Москва : Санэпидмедиа,
2015. – 288 с.

ISBN 978-5-902586-32-6

«Я верил...» — воспоминания, написанные академиком АМН СССР, заместителем министра здравоохранения СССР, главным государственным санитарным врачом СССР (1965–1986 гг.), генерал-майором медицинской службы, участником Великой Отечественной войны П.Н. Бургасовым. События, которые описываются в книге, тесно связаны с историей становления советского общества и советского государства как сверхдержавы. Наряду с этим автор дает оценку событий современной России (период президентства Б.Н. Ельцина). Приводятся уникальные архивные фотоматериалы автора, в том числе семейные фотографии.

Предназначена для широкого круга читателей.

УДК [614(091++94)(470+571)+929Бургасов
ББК 51.1(2)+63.3(2Рос)

Подписано в печать 20.02.2015. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № 286

ООО «Санэпидмедиа»

Москва, проспект Мира, дом 102, корпус 1

Тел. (499) 393 3803. www.mosgorses.ru

Генеральный директор,
шеф-редактор Д.Ю. Барсук

Отпечатано в Издательском доме «Сталинград»
105005, Москва, Ладужская улица, дом 15

ISBN 978-5-902586-32-6

9 785902 586326

ISBN 978-5-902586-32-6

© Бургасов П. Н., 2001

© Бургасов П. С., 2015, с изменениями

© Оформление. ООО «Санэпидмедиа», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	8
Тула. Семья. Работа. Учеба.....	14
Москва. Студенческие годы.....	26
Аспирантура.....	38
Финская кампания.....	59
Великая Отечественная война.....	66
Львов. Краков.....	85
Капитуляция фашистской Германии. Возвращение на Родину.....	89
Служба в Военно-медицинском управлении.....	100
Работа в группе В.А. Махнева. Убийство Л.П. Берии.....	107
Седьмое управление Генштаба. Свердловск. Возвращение в Седьмое управление.....	120
Гражданская служба. Встреча с людьми, которых нельзя забыть.....	129
Холера Эль-Тор — 1970 г.	153
Зарубежные поездки.....	170
Воспоминания о прошлом на фоне настоящего.....	187
Газетные публикации, новые книги.....	214
Свердловская трагедия.....	229
Фотоархив.....	274

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни каждого нормального человека, когда он приближается к закату своих дней, возникает необходимость анализа своей прошлой жизни, своих переживаний, своих взглядов на прошлое, и особенно это происходит тогда, когда он остается без работы. Не в том смысле, что он не получает зарплату, а в том, что он лишается той деятельности, которой занимался всю свою жизнь. И вот этот перерыв такой обычной, что называется стандартной, жизни, отсутствие работы особенно обостряют внимание, анализ всех существующих событий, которые происходят вокруг него. И, естественно, при этом возвращаясь к прошлому, не можешь не вернуться к тому, как жил и работал раньше, что сейчас вокруг происходит, кто вокруг живет и процветает, а кто ходит нищим.

Все эти события очень тягостно отражаются на мышлении, и единственным выходом из этого состояния является анализ всех ситуаций, которые были в жизни, и оценка их с точки зрения перспектив нашего будущего развития. Однако я имею в виду не свое лично развитие, потому что оно уже кончилось, а развитие тех, кто останется после нас, наших потомков, а их у нас много. Мы не можем не оставить после себя следа: как мы жили, что мы делали, как мы оценивали свою жизнь и как мы относимся к существующей обстановке. А наша обстановка сейчас — она трудно воспринимается людьми моего возраста не потому, что я противник каких-то перестроек, каких-то реорганизаций, а потому, что все новое, что сейчас насаждается без закона, без следствия, воровским путем, популяризируется по телевидению и радио, печатью охаивается все прошлое, топчется все святое, что для нас было в прошлом, оставляет очень тяжелые последствия для мышления и, конечно, заставляет высказать свою точку зрения.

Я не писатель и поэтому не могу рассчитывать на какое-то художественное изложение всех этих событий, но то, что мне пришлось пережить в жизни, а мне пришлось очень много пережить, очень трудно изложить в этой короткой информации с тем, чтобы мои потомки и, самое главное, моя дочь, которую я очень люблю, Марина, которая все-таки, наверное, сделает все для того, чтобы остались какие-то следы в ее памяти и в памяти моих родственников и хороших знакомых о том, как мы жили,

что мы делали и как мы думаем дальше существовать. Все это настолько серьезно, что не дает покоя, и, извините, единственный покой, который я иногда нахожу, связан с одним: с хорошей погодой, с тем, что мне внук купит мотыля, и я беру санки, сверло, иду на зимнюю рыбалку на лед, сверлю лунки и сижу там до вечера, не думая ни о чем. Вот это единственное, что исключает из моей памяти все события, но как только я возвращаюсь, как только ложусь отдыхать, вновь возникают все мысли, все события недавнего и далекого прошлого, которые не дают спокойно жить.

Посмотрите сами, даже вокруг нашей дачи, где мы сейчас находимся, возникают большие крупные особняки. Говорят, и так уже привыкли, что здесь живут «новые русские». Я, к сожалению, не видел этих русских, они, правда, все «новые», но там я русских не заметил, потому что приезжают владельцы, я так понял, как правило, молодые люди, он и она в машинах иностранных марок, ничего общего по внешности с русскими они не имеют. Они строят особняки, стоимость которых не укладывается в привычное представление о стоимости строительства, строят энергично, весело, эффективно, вырубая леса, вырубая столетние деревья, строят дороги, подъезды, живут бурной жизнью.

Это продолжается, и когда закончится, трудно сказать, но самое удивительное в том, что даже здесь проходящее русло Москвы-реки, которое питает Москву водой, это русло, раньше находившееся под контролем московского водоканала, сейчас разделено на участки, находящиеся в ведении местных властей. Вся прибрежная часть земли раньше относилась к санитарно-защитной зоне, где запрещалось строительство, теперь используется владельцами по их усмотрению, как говорится, кто платит, тот и музыку заказывает. И многим известный при советской власти господин Щербаков, попирая все существующие законы, заборами своей дачи не только пересек санитарно-защитную зону, но и внедрил непосредственно в реку. И даже наш так называемый мэр Барвихи, в недалеком прошлом обычный человек, сейчас взлетел вверх настолько, что трудно даже ему смотреть свысока, что происходит. Этот мэр распродает все, что можно распродать, покупает для себя все, что можно купить, строится, процветает и все, так сказать, попирает своими ногами. Такая жизнь, не знаю, сколько будет продолжаться, но она не может быть вечной, все-таки где-то проявится совесть, проявятся мысли людей, ко-

торые желают хорошо жить, и, думаю, что такие макаровы долго все-таки у власти не удержатся. Их сменят, но кто сменит, будет ли лучше или хуже, это сказать очень трудно.

Относительно информации, которая существует сейчас по радио, телевидению и в кино, но про кино я не могу сказать ничего определенного, потому что все, что сейчас демонстрируется из зарубежных фильмов, это в основном, извините, гадость, которая развращает нашу молодежь, наших ребят, это убийства, стрельба, насилие, порнография, это всякая грязь, а мы с удовольствием всегда гордились и смотрели наши старые фильмы, красивые фильмы. Пусть их называют фильмами, которые приукрашивали нашу жизнь и показывали ее с хорошей стороны, но это были фильмы, которые давали нам отдых, мы всегда отдыхали с этими фильмами и можем их смотреть по несколько раз, не уставая, они нам не надоедают. Они нам напоминают не только прошлую жизнь, но напоминают то, как можно было жить и что можно было делать. Ну а когда вы являетесь свидетелем многих событий, и эти события на ваших глазах по телевидению демонстрируются в совершенно извращенном виде, конечно, возмущаешься. Ну, возмущайся, а кому жаловаться, кому звонить, кому говорить, кто будет слушать и кто будет принимать ваши возражения? Таких, по-видимому, организаций сейчас нет, да и никто этим не занимается. Везде сейчас поставлен на первое место доллар, рубль, правда рубль в искаженном виде. Вот сейчас это ценность жизни: там, где есть доллары, там есть все, там, где нет долларов, там жизни нет.

В качестве примера я могу привести следующие события. Речь шла о том, что по телевидению должен был выступить молодой режиссер, который сейчас хотел поставить или хочет поставить хороший фильм. Фильм он посвящает генералу Власову. Он считает, что Власов, в свое время арестованный и расстрелянный после войны, Власов, который дважды предавал 2-ю ударную армию (заводил ее к немцам и сдавал в плен), этот Власов якобы поступал так, потому что он ненавидел Сталина. Вот и подумайте, есть человек, которому доверили огромную массу людей — 50–60 тысяч человек, он заводит эту массу к немцам в тыл и сдает в плен только потому, что он ненавидит Сталина. Потом этот человек, который ненавидит Сталина, организует так называемую русскую освободительную армию, которая воюет с нашей Красной, потом

Советской армией. Если бы это все было так и если бы не было свидетелей, можно было бы принять на веру мнение этого режиссера. Однако я входил в состав комиссии под Мясным Бором, где выходили остатки армии Власова из плена, они шли в июне в короткие ночи через болота, которые простреливались кинжальным огнем немецкими пулеметами. На себе эти солдаты несли только противотанковые ружья и автоматы. Больше они нести на себе ничего не могли, потому что они шли по болотам, по шею в грязи и в воде. Могли бы эти режиссеры или этот режиссер услышать хоть одно слово этих людей в адрес Власова. Кроме как ненависти, злой ненависти к этому человеку, от них ничего не было услышано. Ну и потом, какая могла быть другая обстановка в отношении «власовцев», когда мы, освобождая сперва Краков, гнали «власовцев» на Запад, и не дай бог тогда поручить одному солдату вести одного или двух «власовцев» в штаб полка или батальона в плен. Он их не доводил, он их расстреливал в пути, потому что ненависть к «власовцам» была невероятная и они сопротивлялись насмерть, зная, что их ждет в Советском Союзе не, так сказать, хорошая погода или приятные встречи, а их ждет возмездие за то преступление, которое они совершают.

Это пример с Власовым, и потом дальше этот режиссер говорит о том, что Прагу, оказывается, освобождал не 1-й Украинский фронт маршала Конева, нет, ее освободили «власовцы», и в качестве доказательства приводит пример, что под Прагой он видел могилу, на которой стоит деревянный крест, и на кресте венок, сделанный из соломы, и там написана фамилия «власовца», который там погиб. Мы гнали «власовцев» и из-под Кракова, и из-под Праги, а что касается освобождения Праги, я, немножко забегая вперед, сообщаю, что три дня жители Праги веселились, они вынесли на улицы столы, вынесли все свои продукты, все свои напитки, чтобы встретить нашу армию, наши войска. Наши солдаты под духовые оркестры наших полков танцевали с жителями три дня на улицах Праги. Так встречала Прага наших победителей, и никаких «власовцев» там не было, и не могли «власовцы», которые воевали на стороне немецких войск, вдруг освобождать Прагу. Какая-то глупость и какая-то чушь в этом отношении сказана.

Поэтому положительно оценивать все события, которые сейчас происходят, особенно ту политику, которую сейчас проводит так называемое правительство, невозможно. Я был знаком с пре-

зидентом* раньше, когда он работал в Свердловске и считался серьезным партийным руководителем, а что собой представляют другие лица, пришедшие к власти сейчас? Или появился новый человек, который занимался в Совете Безопасности очень серьезными вопросами, но крупный миллионер и предприниматель. Кому мы доверяем жизнь нашего народа? Людям, которые на нас спекулируют, продают наше богатство. Наверное, это когда-то все-таки закончится, но, я думаю, что я уже до этого не доживу.

Вот эти вещи, которые я вам сейчас, так сказать, коротко изложил, заставляют задуматься: «А что будет дальше и что мы раньше имели, как мы жили, почему у нас несколько по-другому все обходилось?» Или мы такие люди, что не понимаем, что такое хорошо и что такое плохо? Думаю, что дело не в этом, и поэтому я хотел бы свое так называемое покаяние, свой рассказ начать с того, как мы жили, как мы учились, работали, как мы достигали своих успехов в работе и в жизни, и чем мы руководствовались тогда. Неужели только тем, сколько мы получали и какая карьера нас ожидала? Ведь многие сейчас считают, что все, кто вступил в коммунистическую партию, делали это ради карьеры, а без партийности ее не могло быть. Ну, не знаю, как другие, я могу говорить только о себе. Я тоже вступил в партию, я и сейчас коммунист, и у меня партийный билет лежит, я его не уничтожил, но я не тот коммунист, который, скажем, сейчас выходит иногда на трибуну и провозглашает свою принадлежность к новой системе. Я отличаю людей, которые к идеологии коммунизма примкнули, от людей, которые эту идеологию сделали целью своей жизни. Вот в подтверждение этого я могу привести только один маленький пример.

Мне было примерно шесть лет, когда наша семья жила в Туле. Отец работал на патронном заводе, его другом был заведующий заводской столовой дядя Сережа. Мы все его фамилию сейчас не помним, да и тогда не знали. И вот всегда, играя на заводском дворе, мы с товарищами, нас было в компании пять или шесть человек, всегда к часу дня подбегали к дверям столовой. Заведующий столовой выходил к нам с большой миской. В этой миске было подсолнечное или льняное посоленное масло и лежали пять или шесть кусков черного хлеба. Он обмакивал эти куски в масло и давал нам. Мы были в восторге от такого лакомства, потому что

* Здесь и далее речь идет о Б.Н. Ельцине и период его президентства. — *Примеч. ред.*

это был 1922 г., не совсем хорошо жилось, и с продуктами было очень трудно. Но однажды отец пришел домой очень расстроенный и сказал, что его лучший друг, заведующий столовой, вчера умер. И как вы думаете, от чего? Заведующий столовой умер от истощения. Он не имел продуктов, которые поддерживали бы его силы и здоровье. Вот человек, преданный идеологии, идеям, я понимаю, это человек. Но когда сейчас приходят в Государственную Думу люди, выбранные народом, и начинают свою деятельность с того, какие они будут получать оклады, какие будут иметь квартиры, какие у них будут льготы, они сразу выходят на систему наживы, господства над людьми, и они управляют сейчас нами.

Вот это самое трудное, самое тяжелое, что нам с вами сейчас надо переживать, ведь это Государственная Дума. Давайте вспомним 4-ю Государственную Думу России. Кто там был и что они делали? И сравним со своей Думой сейчас, которую выбрал народ, и кто там за этот народ. Выступают-то многие, но делают все для себя, поэтому жизнь сейчас очень сложная, очень трудная, надо жить и переживать, поэтому сейчас я начну с того как мы жили и как мы переживали трудности, и как, заплатив огромной кровью за разгром германского фашизма, угрожавшего странам мира порабощением, мы оказались на обочине истории.

В этих условиях мы должны сохранять и укреплять надежду на выживание России, ее расцвет, восстановление численности ее населения и создание для его развития истинно человеческих условий жизни.

ТУЛА. СЕМЬЯ. РАБОТА. УЧЕБА

Моя семья жила в Туле. Я был четвертым по счету ребенком, самым младшим. Старший брат Виктор 1909 г. рождения, Анатолий был 1911 г. рождения, Павел 1913 г. рождения, а я — 1915-го. Через каждые два года у нас в семье появлялся мальчик. И вот мы четверо, отец — слесарь сначала патронного завода, очень высокого класса мастер, мать — домохозяйка, происходила из большой крестьянской семьи из деревни Гремячево под Тулой, правда, отец у нее был мастером на патронном заводе, хотя они имели в деревне свое большое хозяйство. Так вот, наша семья: отец — мастеровой слесарь, мать — домохозяйка и мы четверо — была, естественно, на иждивении отца.

В семье был один порядок, одна система: никогда отец не наказывал нас. Был только один-единственный случай, о котором я потом расскажу. Никогда он нас не бил, не ругал, мы никогда не слышали какого-то скандала или серьезного разговора между матерью и отцом. И когда возникала необходимость у отца с матерью поговорить наедине, они говорили: «Ребята, идите погуляйте, поиграйте в лапту или в футбол, а нам нужно поговорить». Через несколько часов мы возвращались. У матери, как правило, были заплаканные глаза — значит, был серьезный разговор. У отца было все нормально. Они сидели за столом, пили чай, он называл ее Катя, она его — Коля, как будто ничего не происходило. Это надо было видеть, и поэтому мы никогда не были свидетелями каких-то трагических событий в семье, хотя жизнь была непростая.

Для характеристики отца могу сказать следующее: помимо того, что он был высококлассным мастером (говорю, поскольку я сам потом уже стал слесарем и знаю, что такое слесарная работа), он еще увлекался карточной игрой. В Туле были тогда такие закрытые дома, где собирались игроки в карты. Однако играли не в преферанс и не в подкидного, играли на деньги, очень серьезно. И в памяти остались факты, когда иногда, отсутствуя примерно 5–6 дней дома, отец подъезжал зимой на розвальнях санях, крытых мехом, одетый в хорошую шубу, в шляпе. Он заходил в дом и говорил: «Ну, Катя, я приехал». Он опускал руки в карманы и из них выбрасывал на стол смятые деньги. Сколько их было, я не знаю. «Вот, Катя, я приехал. Больше я играть не буду» — сообщал он. Проходил месяц, два, три, наконец, отец опять исчезал.

Мать по всей Туле его искала. Она знала эти игорные дома, но не всегда могла найти отца. Наконец ночью стук в дверь, тихий, очень такой аккуратный проход по коридору, открывается дверь, и появляется в свете лампы мужчина без усов, а отец всегда носил красивые усы, в телогрейке, в какой-то шапочке, в подшитых валенках, и говорил: «Катя, прости, я больше играть не буду». И вот такая ситуация повторилась однажды на первый день Пасхи, вернее, перед Пасхой, когда мы лежали на печке, все четверо, мама в это время готовила куличи. Стук в дверь. Мама открыла, и заходит отец в таком же виде. Мама простила ему и этот «подвиг», но это был действительно последний его поход в эти игорные дома, и он больше туда не ходил.

Но что он сделал потом? Это ведь надо иметь мужество и, по-видимому, какой-то такт, чтобы использовать свое прошлое для того, чтобы воспитать сына. Анатолий, второй по возрасту брат, увлекся карточной игрой. Тогда он работал и учился в фабрично-заводском училище. Уже получал деньжонки, и мать как-то говорит папе, что вот Толя тоже увлекся картами и ты с ним должен поговорить. Мы полагали, что отец встанет, возьмет ремень и выпорот его за эти увлечения. Он сказал маме: «Катя, ладно, я сделаю все, что нужно сделать».

И вот однажды в воскресенье, а по воскресеньям мать всегда пекла пироги в русской печке, садились все за стол завтракать, отец покушал, закурил и говорит: «Ну что ж. Во что бы сейчас сыграть, ребята? Я со всеми-то не хочу, я хотел бы с Толей в картишки сыграть». У Толи сразу загорелись глаза, он растерялся, говорит: «Папа, я...» — «Да, нет, я знаю, что ты играешь втемную, ну, я знаю, давай сыграем». Толя помялся, помялся, но, по-видимому, было желание действительно с отцом сыграть. А папа говорит: «Только, Толя, играть, как говорят, "кость до кости", до штанишек, до трусов». Сели за стол, а мы окружили их. Минут через 35–40 Толя сидел в одних трусах. Толины деньги, как помню, 2 рубля 60 копеек, были у отца на столе, ботинки стояли на стуле, рубашка, верхние штаны — все было сложено, на Толе были только трусы. Они играли последний кон. И когда он закончился поражением Толи, отец встал и сказал: «Вот, Толя, я тебя обыграл за 35–40 минут, а с твоим отцом так поступали за 10 минут. Ты не умеешь играть и никогда не сумеешь, брось ты эти карты». И, как мне помнится, я больше от Толи о картах никогда ниче-

го не слышал. Это обошлось без наказания, без битья, без шума, только примером отец дал понять Толе, что эта система не нужна ему ни для жизни, ни для развлечений, ни для чего. А поскольку я говорил о наказаниях, то единственным воздействием у нас за столом было одно: когда мы ели вместе, не из отдельных тарелок, а из одной большой миски, куда мать наливала борщ или другое какое-нибудь первое блюдо. Мы все сидели с ложками, ложки у нас были деревянные, ели первое, и в этой миске плавали куски мяса, но боже упаси если кто-то раньше команды отца мог взять кусок мяса. Только когда отец стучал ложкой по миске, можно было есть мясо. И, как правило, у нас отличался Толя. Он опережал команду отца и тащил кусочек мяса раньше срока. Раздавался треск: удар ложкой по лбу. Никаких слез и криков, трапеза продолжалась дальше, как она и была до того, как отец скажет: «Со всеми». Это всегда было за столом принято за обычай, и мы никогда не обижались на отца, если он этой деревянной ложкой хлопал Толю по лбу. К счастью, повторяю, эти ложки были деревянные, поэтому лоб мало страдал.

Вторая особенность моего брата — я на нем почему останавливаюсь, потому что он у нас несколько выделялся, — он очень любил хорошо поесть. Мать держала корову, в подвале под домом всегда были кувшины с молоком и сметаной. Участились случаи, как только к обеду спускаешься в подвал за молоком или сметаной, мать говорит, что опять был кот Антоновых и опять он кувшины повалил и вылил молоко или сметану. И так продолжалось некоторое время. Мы устали от того, что кувшины перед обедом всегда были на боку и якобы из них все вытекало. Мы с ребятами поймали кота и убили его. Жалко, когда сейчас думаешь, что мы сделали, но мы убили, потому что были ожесточены его подвигами. Однако оказалось, что этим котом, извините, был наш Толя. Он заранее спускался в подвал, ел сметану, а посуду из-под сметаны клал набок и тем самым имитировал посещение подвала хитрым котом. Это все было. Это все пережито. Но дело-то не в этом, это дело обычное, житейское.

И последнее, я уж буду о наказаниях говорить. Было время, когда соль ценилась на вес золота, ну, во всяком случае была очень дефицитным продуктом. Однажды у Толи, а ему было тогда всего лет 14, появились очень красивые голуби-турманы. Это такие хохлатые голуби с маленьким носом и большими глазами,

которые в полете иногда кувьркаются, разной расцветки, они и красноватые, и черные, и белые — всякие турманы были. А мы гоняли голубей — это была наша страсть ребячья, мы без голубей не жили тогда в Туле. И вот появляются на голубятне у нас новые турманы. Откуда Толя их взял, мы не могли узнать. Спрашивали — он молчал. А рядом, у Картуновых, тоже гоняли голубей, этих турманов. Как-то вечером отец приезжает с одним своим знакомым во двор на телеге и говорит: «Сейчас я тебе вынесу, что обещал». И пошел в подпол. Вышел он оттуда расстроенный и спрашивает меня: «Петя, ты мешочек здесь не видел?» — «Нет, пап, не видел». Стал он Витьку спрашивать, и тот не видел. Остался Толя и признался, что вытащил этот мешочек, а там было килограммов десять соли, и отдал Картуновым за голубей. Отец молча снял вожжи с лошади, спустил с Толи штаны и выпорол его этими вожжами. Это был единственный случай порки брата отцом. Ну, я думаю, что здесь он поступил очень гуманно, потому что соль тогда составляла часть нашего дохода и позволяла жить нормально — без соли жить было очень трудно. Это все, так сказать, семейные рассказы.

Мы все учились, а мать была неграмотная. И вы знаете, какое воздействие имела она на нас, контролируя нашу учебу! Мы спали в одной комнате все четверо. Когда мы ложились спать, а ложились мы спать всегда одновременно, заходила мать, садилась посреди комнаты на табуретку и начинала тихо плакать. Мы спрашивали: «Ты что, мам, почему ты плачешь, что случилось?» Она говорила: «Вы, ребята, меня, наверное, обманываете. Вы, наверное, плохо учитесь, а от меня скрываете, а я вас не могу проверить. Вы, наверное, ничего в школе не делаете». Мы ее убеждали, что ничего подобного, и я должен признаться, что уважение к матери проявлялось в нашем стремлении учиться нормально. У нас не было никогда каких-то прецедентов, нас не вызывали с родителями в школу по неуспеваемости, по поведению. Этого никогда не было, мы больше всего дорожили тем, чтобы мама была спокойна. Так всегда продолжалось в нашей жизни.

Эти годы, как известно, были исключительно тяжелыми в экономическом отношении. Я не сравниваю их с военным временем, когда продуктовые карточки в какой-то степени гарантировали сохранение жизни. В то время таких карточек в Туле, да и по всей стране не было. Мы, школьники, считали для себя праздниками

строго соблюдавшиеся демонстрации, особенно первомайские. В этот день я мог надеть новые ботинки, которые отец покупал раз в году. Они, естественно, не всегда подходили по размеру, часто были малы, но я им был рад, новым, блестящим, и утвердительно кивал головой, подтверждая свою радость по поводу подарка. После демонстрации я с трудом добирался до дома, снимал эти ужасные оковы и прятал их на все лето — летом мы ходили босиком. Однажды, вернувшись после демонстрации в таких новых ботинках, я застал маму на кухне одну с заплаканными глазами. Она сказала мне, что дома нет никаких продуктов и хлеба. Отец тогда уехал в Москву на заработки, старший брат был в армии, второй — Анатолий — лежал в больнице. Наш квартирант из деревни Малышево, снимавший у нас койку, на праздники уехал домой. Я осмотрел комнату, где находилась койка квартиранта дяди Миши, но ничего съестного там не обнаружил, и вдруг увидел тощий мешок, торчащий из-под кровати, в котором были четыре картофелины. Мама немедленно сварила их в чугунке, и мы отпраздновали первомайский праздник.

В нашей семье было правило — отмечать день рождения мамы 7 декабря. В этот снежный и морозный день всегда съезжалось много гостей, в основном родня, которая давно оценила гостеприимство и кулинарные способности именинницы. Помню, в начале декабря 1928 г. мама мне сказала, что продуктов нет и она не сможет принять гостей. Я знал, что продуктов нет и взять их неоткуда. Что же оставалось делать? Вечером я расплавил свинец в банке, нарезал кусочки свинца, раскатал их на сковороде, забил несколько дробин в ружье-берданку и отправился на рассвете на свалку бойни, куда вываливали отходы после убоя скота, привлекавшие сотни ворон. Подкрался к ним очень близко и одним выстрелом убил шесть ворон. Пришел домой и выложил на кухне добычу. Мама стояла и не знала, что сказать, а потом обняла меня и долго не отпускала. В итоге, используя весь свой талант кулинара и достоинства русской печки, мама приготовила угощение, природу которого никто не узнал. Прошли десятилетия, я много пробовал продуктов, но вкус того мяса, приготовленного мамой, помню до сих пор.

Незаметно прошли тяжелейшие голодные годы, и внезапно для моего детского восприятия проявилась, как во сне, исключительно счастливая пора: вечерами, после посещения пекарни, где

я покупал горячие французские булки и за это получал от пекаря бесплатно пирожное, мы сидели семьей за стол, мама разливала по кружкам молоко, которое мы выпивали под хруст еще не остывших булок. Как стало потом ясно, наступила пора нэпа — новой экономической политики государства.

По субботам или в воскресные осенне-зимние дни отец выходил на дорогу, соединяющую город с деревнями и поселками. Этой дорогой была Старопавшинская улица, переименованная в улицу Смычка, на которой стоял наш дом. Через некоторое время во двор дома отец заводил несколько подвод, нагруженных антоновскими яблоками, картофелем, свежей капустой, свиным или говяжьим мясом — продуктами, которые закупались на зиму на отцовскую заработную плату. Антоновские яблоки мама размещала и в местах, где хранилось чистое белье. Аромат этих замечательных долго сохраняющихся фруктов пропитывал все кругом. Вычеркнуть это из памяти даже на склоне лет невозможно.

Период нэпа — это исключительный расцвет деревни, ее экономики, подъем благосостояния крестьян -- постоянного генофонда страны. Этот период был прекращен с началом сплошной коллективизации сельского хозяйства, осуществленной для немедленного и быстрого развития промышленности страны. Создание мощной промышленности, как известно, обеспечило народное хозяйство необходимыми техническими средствами, но особенно важно — вооружило нашу армию всем необходимым для разгрома самой мощной армии фашистской Германии, поставившей на колени все страны Европы. Как известно, конечной целью руководства фашистской Германии было завоевание мирового господства. Она достигла бы этой цели, если бы на пути у нее не оказалась страна, потерпевшая поражение от Японии в 1905 г. и от Германии в 1914 г. Индустриализация нашей страны, достигнутая самоотверженным трудом и жертвами нашего народа, предотвратила такую трагедию.

В короткий, но оставшийся в памяти период нэпа, мне было 10–12 лет. Кроме кулачных боев, в которых нас сменяли взрослые мужчины, дравшиеся улица на улицу и находившие в этих боях какую-то отдушину для выхода накопившейся энергии, мы играли в футбол, лапту и городки.

А что касается увлечения, то голуби были нашей страстью. И ведь я должен признаться, что, наверное, когда мне было уже

14 или 15 лет, я стал осматриваться: все ли так нормально у меня происходит? Потому что, когда мы ходили по улицам, и я, и братья всегда смотрели вверх — ведь голуби по земле не ходили, голуби летали вверх. А было уже неудобно, уже старшие братья посматривали на девочек, искали какие-то другие развлечения, и голубятня уже перестала быть тем местом, где мы проводили свою жизнь. К этому следует добавить, что, где бы я ни был, а я много объездил, я нигде не видел больших групп голубятников, которые увлекались бы гонкой голубей «в ночную». Это заключалось в том, что голубей держали в апреле–мае в темных голубятнях, во время кормления им открывали свет, а вечером, когда садилось солнце, выпускали на волю и чуть-чуть гоняли над крышами, и этим заканчивалась тренировка. Так продолжалось до 1 июня, когда наступали длинные дни и короткие ночи, и все голубятники поднимали вверх своих голубей. Правда, поднимали голубей так называемых чистых, которые очень хорошо летали, набирали большие высоты. И вот в это время вся Тула свистела, вся Тула била палками в заборы, загоня голубей все выше и выше. Над Тулой фабрикант Боташев запускал тогда вверх до 500 пар голубей, и многие еще существовавшие заводчики запускали такие партии. Эти партии смешивались, а когда темнело, голуби стремились к своим голубятням и растаскивали друг друга, кто куда улетит.

Своих голубей у нас было немного, запускали пар десять, подкрашивая у них крылышко, и, когда наступали сумерки, они начинали прилетать к голубятне, садиться. Мы стояли на голубятне и смотрели: подкрашено крылышко — свой, не подкрашено — чужой. И мы их отбирали в корзинку. Но бывало и так: запустишь десять пар, посвистишь, погремишь, а ни один голубь к тебе не сядет, потому что эти голуби были увлечены другими партиями. И в воскресенье мы шли в Охотное и высматривали своих подкрашенных голубей, скупали их, если у нас были деньги, или собирали для этого деньги. Короче, это уже такая страсть голубятников. Но это закончилось, когда начались серьезная учеба и серьезная жизнь.

Насчет учебы могу только про себя сказать, так как старший брат уже был тогда в армии, Анатолий учился в техникуме, а я еще учился в 7-м классе. Павел у нас перенес менингит и поэтому оглох, он специальную школу заканчивал в Москве, был

грамотным человеком, но не слышал и плохо говорил, поэтому с нами в школе в Туле он не учился. И вот когда я заканчивал 7-й класс, я получил плохую отметку по немецкому языку. Это было большое переживание. Мать сказала: «Ну что ты, позанимаешься и сдашь за 7-й класс». А я был в классе самым маленьким, потому что пошел учиться в шесть лет. И поэтому мать сказала: «Ну и не сдашь, так еще на год останешься». Она сказала это между делом, и я этому не верил. И вот однажды, когда играли в лапту на полянке, вдруг появляется Андрей Петрович, директор школы, и спрашивает у меня, где моя мать. Я показал ему, и он пошел в дом. О чем они там говорили, я не знаю, но когда я пришел обедать, мать сказала: «Знаешь, Петя, ты не занимайся сейчас немецким языком, отдохни, погуляй, побегай, а потом пойдешь в 7-й класс». Я говорю: «Мам, но почему?» — «Ну, потому, что ты плохо выглядишь, во-первых, ты и поменьше всех, и тебе нужно годик подождать. Ну зачем ты сейчас торопишься?» Ну что я мог сделать, я остался на второй год в 7-м классе. Однако когда я его закончил, я сдал экзамен в школу ФЗУ Тульского оружейного завода, а тогда экзамен был очень серьезный. Окончил школу ФЗУ. После этого поступил на оружейный завод. Нужно было сдать пробу по специальности слесаря. Я эту пробу сдал на седьмой разряд, это самый высокий слесарный разряд, и был назначен бригадиром комсомольской бригады 20-го цеха Тульского оружейного завода. Работа была сдельная — это означало, что если недоделаешь два-три ружья, которыми мы занимались, то вместо зарплаты пять или шесть рублей в день получишь два или три рубля. Это было очень тяжело, а потом, когда ты приходил на работу, смотрел на верстак, и, если на верстаке у тебя красовалась красная звезда, значит, ты свой план выполнил, и бригада твоя выполнила. А если черный гроб, значит, план не выполнил. Это была система, и поэтому работали не покладая рук, по существу работали и стремились выполнить план, чтобы не опозорить свою бригаду. Кстати сказать, в это время, как мне помнится, в Германии была безработица, и группа специалистов-рабочих приехала на наш оружейный завод. И вот в нашем цехе немецким рабочим (их было человек двадцать) отвели два длинных верстака. Они работали не на сдельной, а на поденной работе, то есть у них был твердый ежедневный оклад. Однако кроме этого булочная Филиппова, где было все по карточкам, отпускала им без карточек

булочные изделия. И вот, когда наступал у нас обеденный перерыв, мы брали в буфете по бруску — это черный хлеб, смешанный с патокой, пресованный и сладкий — наливали в кружку кипятка и съедали этот брусок хлеба, если не ходили в столовую. В столовой могли кашу пшеничную съесть. А они в это время доставали термосы, наливали кофе, который издавал невероятный для нас запах, кушали бутерброды и булочки и приступали к своей работе. Вот жили два лагеря: рабочие те и другие. Немецкие — в таких условиях, которые создавало наше руководство для возможного задержания их на заводе. А потом эти рабочие исчезли куда-то или были арестованы, мы не знаем, но во всяком случае их работа закончилась. Это был оружейный завод.

Дома, когда садились за стол обедать, отец всегда наливал себе рюмку водки и по рюмке наливал нам всем четверым. Естественно, мы водку эту не трогали. Отец не обращал внимания, он молча выпивал свою порцию, заканчивал обед, закуривал, но потом говорил: «Ну вот что, вы не пили, но если кто-то из вас прикоснется без меня к водке, вы имейте в виду, я вам этого не прощу». К слову сказать, я впервые узнал вкус водки на втором курсе медицинского института на молодежной вечеринке. До этого я никогда водку в рот не брал. Была система воспитания, и мы это все понимали.

Заканчивался обед, отец был в хорошем настроении и говорил: «Ну вот что, Виктор сейчас уже пойдет в летную школу, в армию пойдет, Анатолий заканчивает техникум, ну а Петька умрет». Все это произносилось так, как будто сказано, что Петька завтра пойдет гулять. Почему Петька умрет? Потому что я был, как говорят, очень истощенный, худой. Правда, дрался я очень здорово, я не хвастаюсь, потому что двух моих сверстников я бил обоих подряд. Они жаловались отцу. Правда, я бил и сам падал от ударов, но дрался здорово, хотя был тощий. Отец говорит: «Ну, Петька умрет». Так что здесь вопросов уже никаких не было.

Вот такая была обстановка в семье, и когда я начал работать на заводе, хотелось все-таки учиться дальше. Не знаю, почему, но такое было желание. И естественно, желание было учиться все-таки в плане освоения специальности, связанной с металлом, с техникой. И мы с моим приятелем Николаем Сопиковым решили поступить на индустриальный рабфак. «А на какой курс сдавать?» — «Как на какой? Мы закончили школу ФЗУ, а там уровень знаний очень высокий. Будем сдавать на четвертый курс

вечернего рабфака». Пришли мы, сдаем документы. Посмотрели документы и говорят: «Нет, молодые люди, только на будущий год. Мы сейчас 15-го года не принимаем на четвертый курс, это рано». Мы вышли растерянные. Что же нам делать? Нас не приняли по документам на индустриальный рабфак. Николай говорит, пошли. А у нас были старинные метрики, красивые, написанные таким каллиграфическим почерком зелеными чернилами. Николай берет свою и мою метрики, достает какую-то кислоту и там, где прописью было написано «пятнадцатый», на три буквы «пят» наносит каплю кислоты на свою и на мою метрики. Расплылось это пятнышко и обесцветилось, и зелеными чернилами мы написали вместо «пят» «четыре». И у нас получились метрики не 1915, а 1914 г. рождения. Однако идти на рабфак мы уже не могли, нас знали. Мы пошли куда? Открылся филиал рабфака 2-го Московского медицинского института. И мы тогда уже даже немножко с пренебрежением: «Ну, в индустриальный не взяли, так уж в медицинский мы попадем».

Мы пришли на медицинский рабфак. Документы у нас приняли, у нас был 14-й год рождения. Начались экзамены. И вот, я помню, сдаем экзамен по физике. Я сижу с Колей Сопиковым, а экзаменующиеся сыплются на одних и тех же вопросах: точка росы, точка туманообразования и т.д. Вот такие точки. Мы судорожно листаем учебник Шингера по физике и находим напечатанную мелким курсивом в середине такую сноску — «точка росы, точка туманообразования». Колю Сопикова вызывают, а я ему в спину шепчу, что это такое. Он выходит, отвечает на вопрос, получает пятерку. Я иду, он мне шепчет, я получаю пятерку. Мы сдали на рабфаке все экзамены.

Учились мы там год вечерами, и, я должен сказать, этот год был самым тяжелым в моей жизни. Я ни разу не вставал утром без того, чтобы не упасть в обморок. Мать меня сажала на кровать, а это было в половине седьмого утра, а в половине восьмого был самый последний гудок — гудок оружейного завода, когда перекрывались проходные. Что такое проходные завода? Если я к этому гудку не проходил на завод, позже уже туда не мог попасть. Я терял карточку первой категории, на которую жила вся семья. По этой карточке выдавали продукты: масло, мясо, рыба и хлеб. И за эту карточку мы дрожали. И вот, когда мать сажала меня на кровать, а я падал в обморок, она меня тормошила, потом давала

мне что-то попить, я быстро ел и потом по улице Смычка, которая примыкала к заводу, преодолевал расстояние полтора или два квартала, подбегал к проходной до начала последнего гудка. Это был год работы и жизни. А вечером, к шести часам я шел пешком в другой район Тулы на вечерний рабфак. Заканчивались там занятия в одиннадцать часов вечера. В двенадцать я был дома, на столе лежал кусочек черного хлеба и, может быть, стоял стакан молока. Это мать не стала есть и оставила для меня свой хлеб. Я ел этот кусочек, выпивал молоко и ложился спать. И опять утро, опять обморок, подъем, бегодня, завод. Так вот, это был 1932 г., самый тяжелый год в моей жизни. Потом меня отпустили в Москву с завода, выдав дополнительные деньги за хорошую работу.

В общежитии на Трубной площади, в комнате, где нас жило человек восемь, я за пять или шесть месяцев набрал значительный вес. На Сретенке были булочные, пекарни, где по карточкам можно было получать батоны. Ну, мы пережидали два-три дня, чтобы сразу взять три-четыре батона. Два продавали, два брали себе для еды. Но кроме этого в коммерческом магазине я покупал любимую сырковую массу. И вот сырковая масса и эти батоны сделали невероятное — за полгода я сильно поправился. Я стал, так сказать, потяжелее, но стал нормально жить и учиться. По мнению других, я стал крепким парнем. Это был период нашей жизни уже в институте.

Однажды у меня спросили: откуда у меня такая фамилия — Бургасов. Мне рассказал уже старший брат, а ему детали этой истории рассказывал отец. Фамилия происходит из Тульской области из поселка Венева под Тулой. Так вот, тогда в этот Венев, во время турецкого нашествия на Болгарию, многие болгары приезжали из своей страны. И в том числе в Тулу приехал один болгарин из города Бургас. И оттуда началась семейная ветвь этой фамилии. Я мало встречал своих однофамильцев. В Туле, правда, были дальние родственники отца, но больше мне эту фамилию нигде встречать не пришлось. Так что я, наверное, по происхождению имею отношение к болгарам.

Что касается учебы во 2-м Московском медицинском институте, не могу не вспомнить своих наставников, преподавателей, руководство института. Вот когда сейчас говорят об антисемитизме, что русские кого-то сейчас оскорбляют, преследуют, в то время в институте мы не знали такого слова — антисемитизм,

хотя это были уже 1933-й, 1934-й, 1935-й. Директор у нас был по фамилии Рыбак — еврей. Заместителем у него был Маргулис — изумительный человек. С директором мы редко имели дело, в основном с заместителем по хозяйству — он нас всем обеспечивал, и мы на него молились, как на бога, он относился к нам как отец. Наш декан Михаил Михайлович Авербах — сын крупнейшего окулиста Михаила Иосифовича Авербаха — был спортсменом. Лучшего человека в студенческие годы я не встречал. Если у вас не хватало 2–3 рубля на обед или до стипендии не дотягивали, зайдите к Михаилу Михайловичу, он посмотрит и скажет: «Ну что, наверное, с деньгами что-нибудь такое?» Сейчас же из кармана доставал 3–5 рублей и обязательно давал. Отказаться было невозможно. Это был действительно родной отец для всех студентов, и кто знал его — боготворили. Ну, что сказать, какой же мог быть тогда у нас антисемитизм? Я продлю эту мысль, потому что у нас сейчас эта проблема все больше времени занимает на телевидении, на страницах печати. Следует напомнить, что кроме руководства института большинство кафедр занимали крупные ученые еврейской национальности, а самыми близкими моими друзьями кроме туляков были Саша Стыллер и Марк Зигберман.

МОСКВА. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

В наше трудное, непредсказуемое время при широком распространении туберкулеза, сифилиса, наркомании и преступности в результате развала страны и ее разграбления, при прогрессивном увеличении смертности и падении рождаемости и беспрерывной на этом фоне смене руководителей правительства трудные студенческие 30-е годы представляются как яркое светлое пятно на мрачном, черном фоне так называемого перестроечного периода.

Мы учились в трудные, даже тяжелые для страны годы в период завершающейся коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, когда питание населения страны регламентировалось продуктовыми карточками, а доллар стоил меньше рубля.

Я приехал поступать во 2-й Московский медицинский институт из Тулы после окончания школы ФЗУ Тульского оружейного завода, работы на нем в качестве слесаря и окончания четвертого курса вечернего медицинского рабфака. Нас, студентов из Тулы, Серпухова и других городов, поселили в общежитии, находившемся на углу Трубной площади. На первом этаже в комнате с большими окнами-витринами разместилась наша группа туляков: Миша Захаров, Николай Сопиков, Николай Голиков и примкнувшая, как говорят, к нам группа спортсменов, из которых в моей памяти остался Миша Раушенбах, высокий, красивый спортсмен, занимавший в институте первое место на спринтерских дистанциях и в прыжках в высоту. В то время в институте существовала система социалистических соревнований между студенческими комнатами и общежитиями. Основными признаками качества являлись общий порядок в комнате, чистота постельного белья и общая опрятность жильцов, не говоря уже о том, чтобы они не имели каких-либо административных и других замечаний или нарушений, привлечших к себе внимание.

Так сложилось, что из квартала в квартал наша комната завоевывала первое место. Постоянный представитель комиссии, заместитель директора института по хозяйству Исаак Иосифович Маргулис награждал нас денежными премиями, на которые мы приобрели тюлевые занавески на окна, посуду, красивые абажуры на лампочки, и комната приобрела вид благоустроенной квартиры. Такая отделка комнаты нам серьезно испортила жизнь. Как

только наступало вечернее время и мы садились заниматься, в большие окна комнаты стали часто заглядывать старожилы этого района. Они становились друг другу на плечи, использовали другие средства, чтобы можно было подняться и заглянуть в окно. Секрет этого оказался прост: до организации общежития в этом помещении на углу Цветного бульвара находился публичный дом. Позднее на один из наших праздничных вечеров пришла красивая пара: он — майор милиции, она — статная, красивая, культурная женщина, бывшая «работница» этого дома. Она сказала, что исключительно тяжелая жизнь заставила ее торговать своим телом, а сидящий с ней майор, теперь ее муж, фактически вытащил ее из этого болота.

При организации института в нем был создан так называемый врачебно-физкультурный факультет, которым руководил известный гинеколог и спортсмен, велосипедист Михаил Михайлович Авербах. Отец Михаила Михайловича — небольшого роста и огромного профессионального авторитета как хирург-окулист, говорил о своем сыне примерно так: у меня три сына, два из них — ученые, а третий — велосипедист. Это, естественно, отцовская шутка. До поступления в институт я не занимался спортом, если не считать бега на коньках по улицам, обледеневшим от пролитой на них воды, разносимой гражданами в ведрах из стоявших на углах колонок, и спасения на коньках от милиционеров, которых мы называли снегирями за красные околыши на их головных уборах. Нам запрещали кататься по тротуарам, вот мы и спасались от своих преследователей.

При первой же зимней спартакиаде в институте меня спросили, по какому виду спорта я буду выступать. В том, что я буду выступать, руководство спортклубом не сомневалось, поскольку при медицинском освидетельствовании на факультете мне был поставлен диагноз: перетренирован, общая утомляемость, хотя речь шла о моем истощении и переутомлении, приобретенных на работе на оружейном заводе и вечерних занятиях на рабфаке. Чтобы не вызывать каких-либо сомнений, я ответил, что буду выступать на коньках, которых у меня не было. Не было у меня и спортивного костюма. Эти вещи мне выдали: хоккейные коньки и лыжный костюм. Собрались мы на стадионе «Красная Роза», который находился в районе нашего института, рядом с Погодиной. Разыгрывались пары в беге на 500 метров. Мне выпало

бежать с Николаем Старновкиным, который учился на старшем курсе.

Для меня это было первое испытание: я никогда не бегал на дистанции, я всегда бегал-спасался от преследователей, и каким образом я вдруг преодолел предстоящие повороты, я не знал. Николай Старновкин вышел на лед на хорошо наточенных беговых, как говорили, норвежских, коньках, в отличном облегающем тело спортивном костюме. Дали старт на 500 метров, я сорвался с места, не помню, как вошел в поворот и вышел из него, и я выиграл забег на хоккейных, не беговых (!) коньках у чемпиона института Николая Старновкина.

С тех пор как мне выдали беговые коньки и спортивный костюм, коньки заняли в моей жизни определенное место. Позднее я стал помощником тренера по конькам и часто встречался на стадионе с Зоей Мироновой, студенткой 1-го Московского медицинского института, красивой и прекрасно сложенной женщиной, которая всегда тренировалась в присутствии своего мужа Павла, не покидавшего лед до конца тренировок. Со мной тренировалась и моя первая жена Валентина Чистякова, которая временами оказывала конкуренцию Зое и выступавшей тогда и выигравшей первенство Москвы Холщевниковой. За всю короткую историю студенческой жизни мне только раз пришлось бежать в паре с Константином Кудрявцевым — чемпионом Союза на дистанции 500 метров. Бежали на 3 тысячи метров, и он сошел с дистанции, сказав, что у него не выдерживает пояса. Однако я имел счастье наблюдать и бег Якова Мельникова и Аниканова. С первым я встретился на льду в командном забеге «Медика». Был всеобщий восторг — мы одержали победу в забеге с выбыванием. Чтобы завершить повествование о спортивной жизни студенческих лет, следует сказать, что волейбольная команда института считалась одной из сильнейших в Москве. В институте учились многие известные гимнасты, мировые чемпионы братья Серафим и Георгий Знаменские.

Некоторым может показаться, что авторитет братьев Знаменских в институте определялся только спортивными успехами. Это не так. Несмотря на то что они были приняты в институт без полного среднего образования, способности, усидчивость и ответственность быстро определили их стойкое положение как серьезных студентов. На кафедрах им не давали никаких поблажек,

и если переносились экзамены, то только по причине отъездов за границу для участия в спортивных соревнованиях. Отличительной чертой этих замечательных братьев было то, что и зимой, и летом при переезде с кафедры на кафедру, из больницы в больницу они никогда не пользовались транспортом. И зимой, и летом, и в осенние дни, и в непогоду без пальто и шапок они преодолевали все расстояния только бегом, никогда не опаздывали на лекции или занятия. Братья Знаменские пользовались всеобщим уважением у преподавательского состава и, естественно, у студентов.

Переход от особенностей слесарной работы, от обстановки производственных цехов завода к аудиториям анатомического корпуса, где на столах раскладывали трупы умерших или погибших, на которых изучалась анатомия человека, — процесс очень сложный. Некоторые студенты не выдерживали его и покидали занятия, другие пытались смягчить восприятие курением. Наша тульская группа не прибегала ни к первому, ни ко второму. Забегая вперед, скажу, что я первый раз закурил не в финскую кампанию, а только в 1942 г. в действующей армии.

Так сложилось, не знаю почему, но с первого до пятого курса я был старостой группы. Может быть, занятия спортом значительно приблизили меня к декану нашего факультета — Михаилу Михайловичу Авербаху, и я, как говорили, был вхож к нему. Может быть, моя «популярность» в группе, да и на факультете укрепилась после выхода на экраны кинотеатров фильма «Цирк», в котором Петровича играл артист Столяров. Знакомые девчата усмотрели некоторое мое сходство с этим артистом и прочно приклеили мне это имя — Петрович, с которым я и закончил институт.

В нашей группе стихийно установился порядок, по которому на все экзамены я заходил к экзаменатору первым, после чего заходили и сдавали экзамены мои товарищи. Все шло хорошо, но однажды, может быть, от лишней самоуверенности, подкрепленной загорелым телом и значком парашютиста на белой майке, я вошел в кабинет заведующего кафедрой фармакологии профессора Скворцова. Профессор отсутствовал, и экзамен принимал его заместитель, доцент кафедры. Я взял билет, подготовил ответы на вопросы и стал ждать доцента, который в это время принимал экзамен у студентов другой группы. В это время вошел профессор, которому я пожаловался, что мне очень долго приходится ждать. Профессор жестом остановил меня и сказал, что он

быстро меня освободит, предложив написать рецепт на бензойно-кислый натрий. Я, не задумываясь, написал и услышал слова профессора, что нельзя допускать таких ошибок и вместо буквы Z писать букву S.

Он предложил мне подготовиться и прийти повторно на экзамен. Моя группа ушла, не сдавая фармакологию. Я растерялся, попав в такую ситуацию, и пошел к Михаилу Михайловичу Авербаху, который давал разрешение на пересдачу экзаменов. Он внимательно посмотрел на меня и, ни о чем не спрашивая, предложил отправиться в общежитие отоспаться, отдохнуть, не открывать учебник и прийти за разрешением через три дня. Я так и поступил и через три дня пришел со всей группой на кафедру для сдачи экзамена. Доцент кафедры задал мне пять вопросов, на которые я ответил, взял мою зачетную книжку и, не ставя оценку, предложил мне уже с третьего курса посещать кафедру, с тем чтобы после окончания института остаться на ней преподавателем. По-видимому, мой ответ, что я не собираюсь работать с лягушками (это была наглость), изменил намерение доцента, и он поставил мне очень жирную четверку.

О кафедре фармакологии, вернее о ее руководителе, у меня и у моих сверстников осталось исключительно хорошее впечатление. Профессор Скворцов обладал блестящей речью, его можно было слушать часами, особенно лекции, посвященные некоторым медикаментам. Тогда в Москве было обычным, что, когда профессор Скворцов читал лекцию об атропине, места в аудитории занимали заранее. Профессор красочно излагал историю о том, как красавицы Древнего Рима перед пышными торжествами закапывали в глаза атропин и из-за расширившихся зрачков нередко не узнавали своих поклонников, становясь жертвами других мужчин.

Относительно спокойная жизнь на третьем курсе института была нарушена объявлением набора в Ейскую летную школу, куда отбирали физически здоровых студентов для подготовки летчиков-истребителей. Естественно, я попал в число обследуемых. Медицинские, психологические и просто умственные тесты обследования с каждым днем уменьшали число студентов набора. Многие из них освобождались, симулируя некоторые заболевания. К концу второго месяца очень серьезных обследований я остался единственным кандидатом в курсанты этой

школы. Узнав об этом, мой старший брат Виктор, летавший на бомбардировщиках, стал уговаривать меня отказаться от перспективной службы в военной авиации, настаивая на том, чтобы в семье слесаря появился хотя бы один врач, а летчик уже существует. Убеждения Виктора мне импонировали, тем более что прошла анатомия — самая трудная часть медицинского образования и появились клинические проявления дисциплины: широкое поле деятельности — сохранение здоровья и оказание помощи больным. Я стал искать выход из создавшегося положения. И вот в заключительной беседе председатель приемной комиссии спросил меня, занимаюсь ли я танцами. Я ответил, что люблю танцевать, особенно бальные танцы, но не могу долго танцевать, начинает кружиться голова и даже появляется тошнота. Беседа была закончена, и я был направлен в военный госпиталь, где меня испытывали на параллельных качелях с закрытыми глазами и во вращающемся по кругу подвижном кресле. При последнем вращении я попросил врача дать мне стоящий в углу таз, якобы меня тошнило. Он наклонился за тазом, а я, прощу прощения, засунул пальцы в рот и вызвал рвоту. В результате на последней комиссии председатель удовлетворил мою просьбу об освобождении, хотя и сказал, что не все летчики выдерживают такую нагрузку, которую я испытал в госпитале.

На пятом курсе института, когда мы изучали судебную медицину, нам была предоставлена возможность присутствовать на закрытом судебном процессе, где известная талантливая артистка выступала против своего мужа, не менее известного талантливого эстрадного певца Вадима Козина. Закрытое судебное заседание проходило в Доме медицинского работника на улице Герцена. Артистка хотела развестись с ним, так как, по письменному заявлению, он пытался использовать ее как гомосексуального партнера. В те годы гомосексуализм преследовался законом, а выявленные представители сексуальных меньшинств приговаривались к десятилетнему заключению. Суд удовлетворил просьбу женщины о разводе, а Вадима Козина сослали в Магадан на 10 лет. Как известно, он прожил там много лет и в Москву не вернулся. Однажды, отмечая таланты и заслуги в искусстве этого известного артиста, комментатор по телевидению сообщил, что Вадим Козин по политическим соображениям был отправлен

в Магадан Берией «для проветривания мозгов». По-видимому, комментатор не знал эту историю.

В нашем институте были некоторые особенности преподавания и отношений с преподавателями, которые уже в 1970-е годы в этом институте утратили свое значение. Я не помню, чтобы в отсутствие профессора лекцию читал кто-то замещающий его по кафедре. Мы знали всех заведующих кафедрами, и, самое главное, они запомнили многих из нас по фамилиям. Такие профессора, как анатомы Дешин и Дьяконов, хирург Спасокукоцкий, терапевты Зеленин и Виноградов, микробиолог Кричевский, гистолог Лаврентьев, остались в памяти навсегда. Тот, кто слушал лекции профессора Спасокукоцкого, посвященные непроходимости кишечника, или илеусу, навсегда запомнил его изречение. Оно звучало так: если вы, врач, видите перед собой пациента с непроходимостью кишечника, то «держите кал в голове». Это значило, что прежде чем отправить заболевшего на операционный стол, чтобы предупредить острое воспаление внутренних органов — перитонит, обязательно нужно проверить, не связано ли его состояние с прочным переполнением кишечника каловыми массами, состоянием, которое поддается терапевтическому, а не хирургическому вмешательству.

На последних, четвертом и пятом, курсах института обязательной программой предусматривалось дежурство в институтских больницах. На одном из таких дежурств, на пятом курсе, наша группа заняла место в хирургической клинике Спасокукоцкого. Она находилась на втором этаже здания больницы, а первый этаж занимала терапевтическая клиника профессора Виноградова. Этот известный терапевт имел присущую некоторым людям слабость: он был азартным игроком на скачках. Когда такие скачки или бега совпадали по времени с лекцией, он приезжал к нам в аудиторию и сообщал, что в эти часы занят важными делами и лекцию переносит на следующий день. «Извините, — говорил он. — Каэца [кажется], мои дорогие, мы встретимся завтра». Садился в роскошную пролетку и следовал на ипподром. Свою фразу «каэца, мои дорогие», как говорили знающие его люди, он использовал вместо заикания, которым страдал в молодости.

Так вот, поздно вечером в кабинет Спасокукоцкого, где находилась наша группа, поднялся терапевт с первого этажа и сообщил, что в приемном отделении находится очень пожилая

пациентка, диагноз которой можно поставить только при консультации с хирургом. Среди нас был Марк Зигберман, мощный и очень привлекательный мужчина, перворазрядник по гимнастике, с аккуратной черной бородкой и короткими усами. Мы показали терапевту на Марка и сказали, что это тот человек, который ему нужен. Марк не стал возражать, поправил халат, галстук и отправился в терапевтическое отделение. Позже Марк рассказал следующее: когда он вошел в приемный покой терапевтического отделения, там на кушетке лежала пациентка, а около нее сидел профессор Виноградов, который, делая вид, что знает вошедшего специалиста, пригласил Марка сесть и осмотреть пациентку. Больная, увидев представительного высокого мужчину в белом халате, обратилась к нему: «Профессор, доктор долго осматривал меня, но ничего толкового не сказал. Помогите ему разобраться в моей болезни». Марк потерял дар речи, а профессор Виноградов еще раз подтвердил необходимость осмотра пациентки, что Марк и сделал. В заключение профессор поблагодарил студента Зигбермана за полезную консультацию, но на этом встречу с Марком не закончил.

Наступила пора государственных экзаменов, перед которыми, как известно, следует сдать все текущие экзамены, в том числе по внутренним болезням. Первое посещение Марком профессора Виноградова окончилось неудачно: Марк плохо ответил на вопрос о болезнях почек. «Приходите, мой дорогой, в следующий раз, экзаменационный билет я портить не буду». В следующий раз профессор спросил Марка о болезнях печени, которые он не повторил, уделив все внимание заболеваниям почек. Для сокращения изложения могу сообщить, что после четвертого посещения Марк, крупный, сильный мужчина, плакал, так как не видел выхода из создавшегося положения. Мы уговорили его снова идти к профессору, он пошел и вернулся успокоенный, даже повеселевший, показал нам зачетку, в которой в графе «внутренние болезни» стояла отметка «хорошо». Марк сказал, что на этот раз профессор не стал задавать ему вопросы, сказав: «Вы, профессор, как я теперь убедился, знаете терапию».

Последний раз я видел Марка в августе 1941 г. на погрузочной станции Брянского вокзала. Подошел ко мне улыбающийся человек, и только по глазам я узнал Марка, ведь усов и бороды

у него не было. Он сказал, что был вынужден сбрить бороду и усы, так как это было условие, поставленное профессором Спасокукоцким при приеме на кафедру: сбрить эту мерзкую растительность. Он выполнил условие этого замечательного хирурга и теперь работает у него.

В 1964 г. во время чтения лекций в Центральном институте усовершенствования врачей я обратил внимание на молодого человека, чем-то напоминающего мне Марка Зигбермана. Он подошел ко мне и оказался действительно Зигберманом, только в миниатюре, врачом, сыном до сих пор чтимого и уважаемого мной товарища.

Знакомясь с кратким изложением моей студенческой жизни, читатель может подумать, что кроме учебы и спорта в среде молодых людей 30-х годов не было ничего другого. Это не так. Нам, как и современной молодежи, были близки и душевные переживания при встречах и расставаниях с любимыми, но были и особенности. Далеко в прошлое ушел обычай пачкать дегтем ворота и калитку девушке, потерявшей девственность. Нас не интересовала эта проблема, мы влюблялись, но целовали свою избранницу не в момент знакомства, а только через несколько месяцев после наших встреч и только с разрешения девушки. Сейчас я и многие мои сверстники поражаемся тому, что нередко молодой человек знакомится с женщиной и просыпается в ее постели. Это демонстрируется часто в заграничных фильмах и находит отражение в некоторых наших современных кинокартинах, режиссеры которых стремятся подражать Западу, боясь отстать от западной культуры. Другой особенностью нашего поколения было то, что мы, мужики, не носили косичек, не зарастали до пояса волосами, а после 20–30 лет не искали искусных мастеров для пересадки на облысевшую голову волос с других частей тела. Все это, естественно, субъективно, это моя точка зрения на воспитание нашей молодежи.

Кроме напряженной учебы и спорта в институте были незабываемые развлечения: по субботам танцы, которые я очень любил и часто посещал, и концерты, которые давали нашим студентам лучшие артисты Москвы — артисты Художественного театра. На сцене педагогического института часто выступали Москвин, Тарханов, Тарасова, Еланская, Яншин, Кторов и другие артисты, которые приезжали вместе с Москвиным, бывшим тогда нашим де-

путатом. Кроме этих известных артистов нашей любимицей была Изабелла Юрьева, жизнерадостная, с исключительным голосом, с большой любовью выполнявшая бесчисленные просьбы присутствующих на концертах студентов. Наши концерты посещали и Козловский, и Лемешев, и если первый исполнял какую-либо арию и немедленно уезжал, то второй пел студентам, как говорят, до изнеможения.

Сдав государственные экзамены, мы, иногородние студенты, мечтали о работе на крайних широтах великого Союза, — на Колыме, Камчатке или в других районах. Многие такую возможность осуществили, а меня постигла, мягко говоря, неудача. 10 апреля 1938 г. в Туле, в пулеметном цехе оружейного завода был арестован мой брат Павел, глухонемой, с группой таких же глухонемых — всего 20 человек. Арестован по статье 58 с какой-то дробью — за подготовку контрреволюции и террора. В Туле, дома, где проживала и семья Павла, и мои родители, перерыли все помещения и подвал, разыскивая взрывчатку и оружие. Ничего не нашли. Накануне, будучи комсомольцем, я подал заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б). Моими поручителями для приема были Гречиков — директор Московского медицинского рабфака, и Бородин — председатель спортклуба института. При получении телеграммы от мамы из Тулы я направился в партийное бюро и сообщил о случившемся. Секретарь бюро заверил, что они меня хорошо знают и завтра на общем партийном собрании будут принимать в кандидаты. Однако надежды не оправдались: Бородин отозвал свою рекомендацию, несмотря на настоячивые просьбы членов партбюро не делать этого. В партию меня не принимали еще несколько раз, и только в 1942 г. моя мечта осуществилась.

Сейчас некоторые так называемые лидеры различных политических программ утверждают, что в партию раньше рвались люди для карьеры и продвижения по службе. Хотелось бы знать, какую цель преследовали солдаты целых соединений, подавая документы о приеме в партию перед предстоящими сражениями? Роль партии, которую значительно поколебали такие, как Горбачев, Александр Яковлев, да и сам президент Ельцин, можно было оценить тогда, когда немцы стояли под Москвой, правительство выехало в Куйбышев, а в Москве остался Иосиф Виссарионович Сталин. Все ожидали захвата Москвы немцами. Однако у нас в

действующей армии стало законом, если Сталин в Москве, то немцам Москвы не видать. Это было. А сейчас эти так называемые красно-коричневые, по злобному определению демократов, которые организовали и осуществили разгром фашизма, поставившего на колени всю Европу, кроме Англии, и освободили весь мир от фашистской чумы, которая, если верить произведению Платонова «Терновый венец России», полностью соответствует идеям Сиона, протоколам мудрецов. Эти красно-коричневые, по настойчивому убеждению Жириновского (телепередача от 10 августа 1999 г.), подлежат запрету и суду. Выступавший был трезв, но задавал вопросы, на которые и сам бы не ответил. Эти преступники, как именовал их Жириновский, уничтожили систему, которая сородичей Жириновского по национальности миллионами сожгла в печах. Трудно понять этого богатого лидера партии, который располагает значительными средствами, кроме зарплаты, чтобы оплачивать продолжительное время, занимаемое на экранах телевизоров.

В моей жизни наступило неожиданное затишье. Студенты, получив дипломы врачей, разъезжались к местам будущей работы. Я был один в комнате и один в общежитии на Якиманке, но никто меня не беспокоил и никто не вызывал. И вот однажды, уже в июле, когда я находился, как говорят, на птичьих правах в общежитии, комендант сообщает, что меня вызывают в ЦК ВКП(б), сообщает номер комнаты и время посещения. Я прибыл по указанному адресу и был принят, написал на одной странице свою автобиографию, указав в конце, что у меня в Туле арестован брат. Мне в управлении кадров ЦК сказали, что это им известно. Ответственный товарищ по фамилии, если не ошибаюсь, Андреев предложил мне поступить в аспирантуру. Предложение было неожиданным, и я не сразу отреагировал на него. На вопрос, по какой специальности, мне ответили, что по микробиологии, и, видя мою неудовлетворенность ответом, сказали, что по этому предмету на кафедре Кричевского в институте мне поставлена пятерка, а в стране идут массовые аресты, в том числе специалистов, и ваш профессор Кричевский тоже арестован. Кто-то же должен заниматься наукой, продолжали представители ЦК. Вы пытались вступить в партию, значит, одобряете ее политику, не возражайте. Вот направление в ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. А.М. Горького), поезжайте туда и устраивайтесь.

МОСКВА. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Я прибыл в поселок Балтийский (метро «Сокол»), нашел институт и явился к его руководству. Директора института замещал Борис Иннокентьевич Лаврентьев, наш институтский профессор, заведовавший кафедрой гистологии. Исключительные знания и художественные способности Бориса Иннокентьевича знали все студенты. Вряд ли кто мог, как он, на черной доске цветными мелками изобразить строение клеток различных тканей человека. Узнав меня, он сказал, чтобы я немедленно сдавал экзамены в аспирантуру по микробиологии (эпидемиологии), немецкому языку и истории партии. На мою очень вежливую, но отрицательную реакцию на его предложение, обоснованную усталостью от только что сданных государственных экзаменов в институте, он ответил утвердительным, не терпящим возражения указанием своему секретарю пригласить экзаменаторов: Марию Клементьевну Крантовскую, преподавателя по немецкому языку Нину Витальевну Пахлавунью и экзаменатора с кафедры марксизма-ленинизма.

Мария Клементьевна задала мне несколько простых вопросов, на которые я ответил, и поставила оценку «пять». Нина Витальевна поинтересовалась моими знаниями немецкого языка и, услышав от меня что-то невразумительное, попросила проспрягать глагол «иметь». Я выполнил ее просьбу и получил «пятерку», а также хорошую оценку за прекрасную фонетику. По истории партии мне поставили «пять».

Я пришел к Борису Иннокентьевичу с полученными отметками. Он улыбнулся и предложил мне немедленно спуститься в военный отдел с военным билетом. Я выполнил его указание и отправился в отведенную для каждого аспиранта 20-метровую комнату. Не успел еще осмотреться, как пришлось впустить в комнату солдата, который грозно спросил, почему я не явился в военкомат для оформления прохождения воинской службы, поскольку мой возраст был призывным. Я показал ему только что полученный воинский билет, просмотрев который, он изрек: «Так бы и сказал, что аспирант и пользуешься отсрочкой». Так началась моя жизнь и работа в аспирантуре.

АСПИРАНТУРА

Шеф у меня был, когда я учился в аспирантуре, Леонид Моисеевич Хатаневер. Изумительный, достойный человек. Да, таких мало сейчас. В период аспирантской подготовки во Всесоюзном институте экспериментальной медицины им. А.М. Горького в отделе особо опасных инфекций, возглавляемом профессором Хатаневером, у меня установились тесные связи с замечательным человеком, известным ученым, художником, работавшим в отделе паразитологии, профессором Федором Федоровичем Талызиным. Шефом отдела был академик Павловский Евгений Никанорович. Поскольку в программе аспирантской подготовки значительное место занимала паразитология, Федор Федорович в июне 1939 г. предложил мне принять участие в работе экспедиции на Байкале, где, работая в качестве врача экспедиции, я смог бы одновременно освоить и многие разделы паразитологии, а точнее гельминтологию. Я не мог отказаться от такого заманчивого предложения и с согласия Леонида Моисеевича принял участие в экспедиции. Юридически ее возглавлял профессор Анатолий Алексеевич Скворцов. В июне экспедиция в составе 12 человек отправилась на остров Ольхон.

Остров Ольхон, на котором нам пришлось работать, отличается по своим климатическим условиям от побережья. За все время работы мы ни разу не видели там дождя, хотя побережье Байкала посещали большие ливни, дожди и грозы. Остров стоял, как будто какая-то свечка в темноте, всегда солнечный, всегда свежий, всегда почти что безоблачный и без дождей. Если бы только эти климатические условия были особенностью этого острова, то это была бы его неполная картина.

Конечно, его особенность представляли жители этого острова. Надо сказать, что доверчивость этих людей, даже предельная наивность в некоторых вопросах, никак не увязывалась с природными условиями на этом острове. Скажем, нам приходилось очень часто быть в компании этих людей. По плану санитарно-профилактической и просветительной работы нам приходилось собирать жителей в небольшом клубе, который был на острове. И самое интересное заключалось в следующем. Они спокойно приходили, усаживались, внимательно слушали, когда докладываешь им об условиях жизни в Москве или о других городах нашей страны или зарубежья. Однако стоило только мимо

окон клуба пробежать лошади или другому животному, или ребяташки гусей гнали, сразу поднимались все со своих мест, подходили к окну, долго смотрели, потом садились, закуривали и начинали обсуждать имевшее место событие.

Вначале это меня очень смущало, приходилось все начинать сначала. Потом я привык к этой особенности жителей острова, они не могли, по-видимому, по-другому поступать в этих условиях. Но самое главное и самое интересное было потом. Когда я заканчивал, а эти беседы были неоднократными, вначале оценка их у меня, так сказать, вызывала странные ощущения. Я спрашивал о том, что им понятно, а что непонятно. Один из них поднимался и говорил: «Ну и брехать ты здоров!» Я думал, что «брехать», может, в том смысле, что обманывал их, может быть, искажал какие-то факты? Оказывается, это у них самая высокая оценка докладчика. Вот брехать я был здоров — это значит, что очень все было хорошо сказано.

В плане просветительных работ мы занимались и некоторыми постановками художественных произведений. В частности, мы решили поставить спектакль по чеховской «Хирургии». Федор Федорович Талызин играл пациента, а я — фельдшера. Федор Федорович сидел в кресле, а я ходил около кресла и с ним общался. Я был в халате, у меня была искусственно сделанная борода из пеньки, но, когда я подходил к краю сцены, все хохотали, не знаю почему, и цепляли меня за халат. Я вначале думал, что им очень нравится наша постановка. Однако потом выяснилось, что они смеялись и шумели потому, что узнали в артисте доктора, который их лечит. Вот это им доставляло истинное удовольствие — это, к примеру, одна из особенностей бурят.

И последняя особенность их, если не считать другие мелочи. Я не видел, чтобы кто-нибудь из них купался в Байкале. Правда, байкальская вода не превышала 10–12°. Я купался, но я был еще молодым. Да у них тоже молодых много, но они к Байкалу для купания не подходили. Мне сказали, что среди жителей острова существует такое поверье: если упадет рыбак с лодки в воду, его никто не спасает, а поскольку они плавать не умели, то он, как правило, тонул. Однако если случалось, что этот человек все-таки выплывет, его к себе домой не пускали. Значит, ему помогла черная сила избавиться от смерти.

Наша лечебная работа продолжалась, но, помимо лечебной, была работа и диагностическая, связанная непосредственно с

экспедицией и занимавшая основное время. Для того чтобы обследовать все население острова, нужно было прилагать много усилий — нужно было разнести в каждую семью коробочки, в которые каждый член семьи должен положить свои испражнения, которые потом исследовали на яйца глистов, и в зависимости от результата исследований человек подвергался лечению или освобождался от такого лечения. Но чтобы не ходить всем по домам, мы приглашали старших из семей этих домов. Они приходили, мы надписывали на пустых спичечных коробках имена всех членов семьи, передавали старшему и просили его, чтобы каждый, кто здесь обозначен, положил вот этот материал в эту коробочку.

И однажды, когда я просматривал мазки членов одной семьи, их было всего девять человек, я обратил внимание, что у всех взрослых результаты были положительными, но когда я увидел, что и у детей трехмесячного и полуторагодового возраста тоже яйца глистов в испражнениях, это меня озадачило — эти ребята еще не едят недоваренную или недожаренную рыбу, поэтому у них глистная инвазия не могла быть. Я пригласил отца этого семейства и спросил его: «Как же так получилось, что и дети у вас уже заражены этими глистами? Вы у кого брали весь этот материал?» Он говорит: «А что, доктор, ты мне дал эти вот коробочки, и что ж я буду всех беспокоить? Я взял и положил во все коробочки свой кал». Мне была ясна тогда вся эта система.

После этого мы уже стали более тщательно относиться к этим исследованиям и предупреждали взрослых, чтобы они не допускали такой практики. Когда у нас набиралось таких обследуемых примерно человек 80–100, мы их собирали, разделяли на две группы — мужчин и женщин. На полянке лежали сосновые бревна. Одну группу, женщин, скажем, сажали на бревна справа, мужчины садились слева. За бревнами был кустарник, где мы вырыли ровики, в которые испражнялись все подвергавшиеся лечению. После приема мужского папоротника в капсулах (6 г — для взрослых) мы давали всем по полстакана очень крепкого солевого раствора слабительного, причем если женщины спокойно выпивали его, то мужчины всегда кричали и говорили: «Доктор, очень хорошее лекарство. Можно еще налить?» Еще мы не давали, потому что концентрация была там предельная. Через 30–40 минут после того, как все люди выпили слабительное, мы проверяли, у кого сколько вышло паразитов. Это фиксировалось, потом мы обрабатывали все

территории, на которых проходила дегельминтизация, чтобы не осталось зараженных мест. Работа проходила успешно, и буряты верили, что мы занимались очень хорошим делом, освобождая их от паразитов. В качестве примера массивного поражения я должен сказать, что у некоторых мы выгоняли и до десятка экземпляров этих глистов. Как они жили, как они вообще существовали, трудно себе представить. После лечения они как будто вновь родились. Стали веселей, отзывчивей и к нам стали часто заходить, чтобы отблагодарить за эти услуги. Один вопрос оставался в нашей экспедиции неясным, незавершенным, касающимся биологии этого паразита, его цикла развития, это было для нас самым главным. Помимо того что мы должны провести дегельминтизацию, мы должны были изучить биологию этого паразита.

Так вот, биология паразита заключалась в том, что омуль был основным источником заражения людей. Даже не сам омуль, а его внутренности, на которых имеются выросты, включающие в себя яйца или развивающегося паразита. Буряты очень любят (я не знаю, как сейчас) жарить рыбу на рожне — надевают свежего омуля на палочки, устанавливают эти длинные палочки в виде шатра вокруг костра и поворачивают их. Омуль обжаривается сверху, но температура недостаточна, чтобы и внутри все прожарилось. А буряты едят кроме мяса омуля его белые внутренности, которые содержат в себе паразита.

Но откуда сам омуль мог заразиться этими яйцами, чтобы у себя получить уже стадию развития этого глиста, которым заражались люди, если в Байкал не впадает ни одна канализационная система, а буряты никогда не купаются и не подходят близко к Байкалу? Однажды мы заметили на камне, который стоял в воде, взрослого глиста. Откуда появился этот паразит на камне, взрослый паразит? Решили, что, по-видимому, какая-то из птиц, которая обитает на Байкале, является жертвой этого паразита.

Стали обследовать уток, других птиц, обследовали чаек. А перед этим во время поездки вокруг острова под парусом на лодке мы имели возможность убить одного-двух лебедей, поскольку их там достаточно было и мы получили разрешение на отстрел этой птицы в небольшом количестве. Нужно было вскрыть лебедей и посмотреть, нет ли у них этих паразитов. И вот однажды, заворачивая к одному мысу, где была прекрасная бухта, окаймленная высокими скалами, поросшими кустарником, мы заметили двух

лебедей. Я сидел в лодке, у меня было ружье, и Федор Федорович Талызин говорит мне: «Петр Николаевич, пожалуйста, убейте хоть одного». Никогда я лебедей не стрелял и никогда не стал бы стрелять, если бы не такая необходимость. Я прицелился и убил одного лебедя. Второй поднялся, очень долго с криком кружился над нами, потом улетел. Мы вышли на берег, вскрыли лебедя, ничего там не обнаружили, а проводник наш, необычно высокого роста бурят, исчез. Мы ждали его весь день, нам нужно было дальше трогаться, но без него мы не могли плыть. Он явился только на второй день. Я подошел к нему и спрашиваю: «Куда ты уходил, нас не предупредив? Ты же знаешь, что мы в экспедиции, у нас время ограничено и нам нужно ехать». Он сказал мне следующее: «Знаешь, доктор, лебедь и орел у нас священные птицы, и кто посмеет их обидеть или убьет, сам подвергается обязательно убийству, потому что мы таких людей у себя не терпим. Ну а поскольку ты убил лебедя, я должен был тебя убить, но ты — доктор, ты нас лечишь, и я подумал, подумал, и, чтобы успокоиться, ушел. Всю ночь бродил и вот вернулся. Сейчас я трогать тебя уже не буду». Вот что означало убийство лебедя или орла.

Поскольку у лебедя паразитов не обнаружили, Анатолий Александрович Скворцов, начальник экспедиции, настойчиво попросил меня вместо охоты на уток, на которую я иногда ходил в свободное время, подстрелить чаек. Вместе с юным охотником, студентом, который поехал в экспедицию для заработка, я вышел с ружьем на высокий скалистый мыс, на котором гнездились чайки. Эти птицы, как только увидели меня с ружьем, стали сверху на меня пикировать. Но от этого они и пострадали. Во время пикирования я стал в них стрелять. Сбил я четырех чаек, очень крупных байкальских чаек, но они упали в воду, прямо к подножию скал. И их тихонько от берега ветер относил дальше от этого мыса.

Я спросил охотника, не поможет ли он мне достать чаек. Он ответил, что вода холодная, в такой воде он не купается. Я разделся, поплыл за этими чайками, они уже были от берега метров на 150–200. Я взял только двух чаек, потому что плыть с ними было трудно. Подплыл я к камням, которые омывались волнами, выбросил этих чаек моему спутнику, а сам встал на камень и должен был выйти подальше на берег.

В этом месте между камнями была глубокая расщелина шириной примерно около метра, но она тоже омывалась волнами. Я даже не

обратил на это внимания, будучи убежден, что эта ширина для меня не предел и я могу спокойно перешагнуть расщелину. Но, по-видимому, я настолько устал во время транспортировки этих чаек, что промахнулся и полетел в расщелину. Я ударился головой о плоский камень и очнулся, когда мой спутник держал меня за волосы, а я висел в этой расщелине. Потом я пришел в себя, он меня вытащил из расщелины, но я там потерял два зуба, два резца слева. Это было мое первое, так сказать, поражение в этой экспедиции. Многие еще можно было говорить об условиях жизни на этом острове, но я должен сказать, что все, что там происходило, имело настолько давние традиции, что с ними просто невозможно было не считаться.

Мне пришлось ехать по вызову в один поселок на острове. Он был заселен не бурятами, все по фамилии были Бирюзовы, как сейчас помню. Это русское поселение старообрядцев, как мне сказали. Список жителей, которых мне нужно было осмотреть, у меня был; там я тоже интересовался глистами, причем глистных инвазий у них не обнаружили, но меня заинтересовали два долгожителя на этом острове, которые там очень давно живут и многое знают. Я приехал в один дом. Чисто вымытые скамейки, чисто вымытые столы, все блестит. Половики домашней ручной работы были постелены в доме, свет и чистота везде. Я попросил напиться воды. Мне подали воду, я выпил и отдал кружку. Как мне потом сказали, эти люди, если они раз дали чужому кружку, ее уже больше не используют. Однако дело не в этом. Я назвал имена жителей этого дома, которые меня интересовали. Мне показали, что вон там они косят траву. Я вышел, впереди вдалеке увидел высокого человека, очень стройного, сухого. Он от меня уходил в покосе, стоял спиной ко мне, очень энергично отмахивая косой. Я подошел к нему, назвал его по имени, как у меня значилось. Он говорит: «Доктор, я не тот, кого вы назвали, вон он, впереди косит, а я его сын». Вот этому сыну было, как потом мне сказали, 78 лет, а впереди косил траву его отец. Он был такой же стройный, такой же высокий, конечно, ему было за 100 лет. Старообрядцы, которые жили на острове, сохранили все свои привычки и свою культуру, свою веру и жили там прекрасно. Я видел по чистоте, по уходу за животными, что это были вполне обеспеченные люди.

До приезда нашей экспедиции на остров медицинское обеспечение его населения находилось в распоряжении фельдшера Евлашина. Узнав, что в экспедиции есть врач, фельдшер Евлашин

отпросился в отпуск, которым, как он сообщил, не пользовался уже 3 года. Я не возражал, тем более что на острове была амбулатория и оставалась медицинская сестра, она же санитарка. По случаю отъезда в отпуск Евлашин пригласил меня к себе домой, где жил с женой и ребенком. После продолжительного застолья он стал упаковывать фанерный черный чемодан, который никак не закрывался. Помогая Евлашину, надавливая на крышку коленом, я обратил внимание на то, что в основном в чемодане были пачки денег, сложенные рядами. На мой вопрос, откуда такие накопления, Евлашин ответил, что когда поработаете здесь, тогда и поймете, а объяснять здесь нечего. И действительно, скоро я убедился, за счет чего так обогатился фельдшер Евлашин.

Однажды председатель поселкового совета на острове, он же председатель животноводческого совхоза, обратился ко мне в амбулаторию с просьбой оказать ему помощь: он ничего не слышит. Я согласился его принять. Стал осматривать и обнаружил, что у него оба уха абсолютно забетонированы песком и грязью. Ушных наружных проходов нет. Они заглажены совершенно. Я никогда не видел такого загрязнения ушей, но решил все-таки восстановить его слух. Взял разведенную перекись водорода, спринцовки различные, вату, пинцет, и вот этим восстановлением я занимался ровно четыре часа.

Я размочил все камни, все осадки, которые были у него в обоих ушах, удалил их, потом смазал, и вдруг он мне говорит: «Вот, доктор, какой молодец, вот я даже сейчас услышал, как летит муха». Так я завоевал первый авторитет по лечению. А через три дня он пришел ко мне и говорит: «Доктор, очень болит зуб. Ты хорошо лечишь, полечи мне зуб». Я посмотрел, у него коренной справа зуб раскрошился. Пломбировать и обрабатывать зуб мне было нечем, а потом у меня и в практике никогда не было, чтобы я занимался этим делом. Для меня это было ново. Я даже и не удалял зубы, когда занимался в медицинском институте, у нас этого не было, мы изучали только теорию по этому вопросу. Ну, делать нечего, надо оказывать помощь. Я долго искал новокаин, нашел, ввел председателю в десну, справа и слева от зуба. Тогда он посидел и говорит: «Доктор, спасибо, я пошел». Я говорю: «Как ты пошел?» Он говорит: «Уже не болит». Я говорю: «Вот теперь и будем лечить». Стал выбирать щипцы, их было несколько, и думаю: «Какие щипцы взять для того, чтобы удалить коренной

зуб?» Думал, думал и выбрал щипцы, которые, как мне казалось, как раз те, которые нужны.

Председатель сидел, я попросил его открыть рот, ввел щипцы, захватил зуб, и в это время он схватил меня за руки, но он был небольшого роста и не тяжелый, он фактически повис у меня на руках. Я надавил неумело, наверное, и услышал хруст. Я сломал этот зуб. Делать нечего было, пока обезболивание действовало, я ему надрезал десну и удалил корни. Вот после этого он совсем уверовал, что я мастер высокого класса. Полез в карман, достает, по-моему, пятерку и кладет на стол. Я его спрашиваю, что это означает и зачем такие деньги? Он говорит: «А что, доктор, этот зуб стоит пять рублей, Евлашин так брал, правда, он рвал их, и было больно, а ты рвешь без боли. Это пять рублей. А вот этот зуб стоит, — показывает на резцы, — три с полтиной, а вот этот впереди зуб стоит полтора рубля». Я, конечно, денег у него не взял, уговорил его, что это не нужно, дал ему полоскание, и он ушел. Вот одна из «статей», которая позволяла фельдшеру Евлашину набивать свой чемодан деньгами. Однако потом я убедился и во второй доходной статье.

Подъехало к амбулатории несколько пар подвод, в каждой подводе стояли по три бочки с соленым омулем. Значит, завтра утром приходит корабль, на который грузится соленый омуль в Иркутск. Однако корабль не грузит этого омуля, если нет документов от фельдшера или от врача. И вот председатель рыболовецкой артели пришел ко мне и попросил посмотреть этого омуля. Омуюлю некогда было портиться, потому что каждую неделю они этого омуля отправляли. Он был свежий, 2–3-дневной засолки, отличный омуль, я несколько бочек попросил вскрыть, посмотрел, — хороший омуль. Сел за стол и заполнил бланк, который он мне дал, что разрешаю погрузку омуля как качественного, и поставил печать. Я даю этот бланк со своей подписью и печатью, он берет, лезет в карман, достает пачку денег и начинает отсчитывать. Я не ошибусь, он отсчитал что-то около 800 рублей и положил на стол. В то время у меня стипендия аспирантская была 400 рублей в месяц, а эти 800 рублей были только за то, что я пять минут посмотрел на омуля. Я сказал, что денег не беру, потому что я врач экспедиции и мне деньги платит государство, и здесь я с них деньги за это брать не буду. Тогда он мне отвечает: «А если ты деньги не берешь, то, значит, твоя бумага поддельная, она мне не нужна».

И возвращает мне этот бланк. Я оказался в затруднительном положении и стал срочно искать решение.

Не задумываясь, я попросил выделить мне транспорт — лошадь с повозкой, для посещения больных в районе. Пешком туда трудно добираться и далеко. Вместо денег я попросил поставить около амбулатории лошадь с кормом и двухколесной тележкой, чтобы я в любое время мог сесть и поехать. Он подумал и говорит: «Что, доктор, это хорошо. Деньги не берешь, лошадь я приведу». И он на второй день привел мне лошадь, на которой я разъезжал по этому острову к больным.

И следующий доход, я не знаю, еще какие были, меня тоже поразило. Меня пригласили обследовать женщин рыболовецких артелей. Две артели, что-то около 300 человек, нужно было осмотреть. Ну, осмотр был телесный, беглый, на это надо было потратить дня два, никаких исследований, никаких анализов делать не нужно было. Я согласился, все это сделал. Наконец, эти два председателя сложились и опять выкладывают мне на стол 1500 рублей. Я от них отказался при всех. Они понимали, что я эти деньги не возьму. Это так все и прошло. Вот вам доходные статьи людей, которые спекулировали своей специальностью на острове и брали все, что можно было взять с бурят.

И последнее, что у меня осталось в памяти от событий на острове, — мне сказали, что здесь в отдалении существует еще маяк, он не работает, но там живет жена бывшего владельца этого маяка. Подсказал мне это высокий такой, среди бурят это редко встречается, пожилой человек. «Она живет хорошо, но она просила вас к ней заехать», — говорит он. Я с двумя членами нашей бригады к ней приехал. Она очень хорошо нас приняла, накрыла стол. Водка у нее была еще царского происхождения, но не водка меня удивила. Я пошел помыться в баню, у нее баня была, топилась по-черному, попросил у нее мыло. Так вот, она достала мне брусок совершенно прозрачного желтого мыла, на котором были какие-то печати еще царского времени. Вот считайте, это был 1930 г., а мыло еще сохранилось. На дворе я обратил внимание на группу бурят и заметил, что они, по-видимому, работают у хозяйки. «Они не работают, я их просто подкармливаю, и они мне немножко помогают», — ответила она, а по существу, она просто их эксплуатировала.

На третий день после встречи эта женщина приехала ко мне в амбулаторию и потребовала справку о том, что она инвалид

и нуждается в пенсии. Вот когда она мне это сказала, я понял, что дело имею не с простым человеком, и сказал: «Вы здоровая женщина, вы никогда инвалидом не были, а может быть, даже и не будете. Вам возраст уже сейчас позволяет спокойно отдыхать, тем более, у вас для отдыха все есть, и я вам справку не дам». У нас произошел разрыв.

И было еще одно событие, связанное с пребыванием на острове, забегая вперед. Наша экспедиция брала у председателя животноводческого совхоза молоко, сметану и сливочное масло. Мы жили там несколько месяцев, и когда наступило время нам уезжать, Анатолий Алексеевич Скворцов попросил меня расплатиться за взятые в совхозе продукты, которые записывались каждый день. Экспедиция была в составе девяти человек, и на эту компанию мы брали все продукты.

Я пришел к председателю и говорю, что вот мы скоро уезжаем и хотели бы расплатиться за продукты, которые у него брали. Он сказал: «Доктор, молоко я не буду считать, молоко это молоко, у нас его много, и я не хочу им заниматься. Ну, сметана то же самое, а вот за масло давай с тобой рассчитаемся». Я не стал с ним спорить. «Только ты скажи мне, доктор, кто вас направил сюда на остров?» Я говорю: «Ну, кто, народный комиссар здравоохранения. Он распорядился, дал разрешение на экспедицию, а вообще-то директор Института экспериментальной медицины, где находится отдел, люди которого работают на острове». — «А, доктор, не то совсем говоришь. Кто вас направил на остров?» Я опять ему повторяю, что нарком. Я говорю, ведь все-таки у нас есть советская власть, Министерство здравоохранения, и начинаю ему, так сказать, политику рассказывать. «Опять, доктор, не то. Ты мне скажи конкретно, кто вас направил к нам на остров?» Я говорю: «Ну, кто, ведь мы же подчиняемся Центральному комитету, а Центральный комитет — это товарищ Сталин». — «О, вот вас направил к нам товарищ Сталин, поэтому вместо двух рублей шестидесяти копеек за килограмм платите за масло по рублю за килограмм». Поэтому я в два с половиной раза сэкономил средства, отпущенные нам на продукты. Он с нас взял какой-то мизер, и уговорить его на другую цену было просто невозможно. Вот какое отношение было у бурят на острове Ольхон, на Байкале, к нашей тогда существующей системе.

Федор Федорович Талызин, который был у нас фактически заместителем начальника экспедиции, профессор, исключитель-

но красивый и умный человек, хорошо пел, отлично рисовал. Он увлекался на острове поисками различных фигурок древнего происхождения, а поскольку Скворцов редко отпускал его от себя, всегда просил меня сказать, что у меня сложный больной и нужна консультация, и я, как только уезжал куда, говорил: «Анатолий Алексеевич, мне одному трудно, там такой случай, я прошу, чтобы Федор Федорович со мной». — «Ну, пусть едет». И мы с Федором Федоровичем объезжали остров обычно вдвоем.

Он не пропускал ни одной пещерки, ни одного места, где можно было что-то найти, искал этих божков. Но проще всего, если бы он пришел в семью бурят, увидел бы на столе или в углу какое-то изображение божка и просто взял его и положил в карман, никто бы ему ничего не сказал. Однако Федор Федорович начинал так: «Вы не могли бы мне продать вот этого божка?» Хозяин сразу настораживался: «Ага, продать, значит, это представляет какую-то ценность». И начинались торги, и доходило до того, что Федор Федорович говорил: «Да нет, я вам таких денег просто не могу заплатить». Однако хозяин, зная, что два доктора приехали, до какой-то степени смягчался и уступал этого божка за меньшую сумму, но все-таки деньги брал. Это вот в характере, когда просят продать, тогда он начинает торговаться, но если бы так брали, он бы и торговаться не стал, он просто отдал бы этого божка, потому что для него он не представлял никакого интереса.

И конечно, очень впечатляющей для постороннего была у нас система проведения санитарно-просветительной работы, которая посвящалась вопросу профилактики глистных заболеваний. В частности, тех глистов, которыми мы занимались на Байкале. Работа заключалась в следующем. Наш кинооператор Семен Вайнер выходил со своей аппаратурой на полянку. На полянке укладывали бревна, на которые усаживались жители поселка. Анатолий Александрович Скворцов облачался в белый халат, в белый колпак, брал в руки омуля и вставал перед киноаппаратом. Как только появлялось солнце и можно было снимать, он обращался к слушающим: «Вот перед вами омуль». И начинал про омуля рассказывать, что он собой представляет и как люди заражаются глистами. В это время облако накрывало солнце. Он говорил: «Сеня, подождем». Сеня останавливался, Анатолий Александрович спокойно ходил вдоль сидящих слушателей. Наконец, солнце опять появлялось, он говорил: «Сеня, начнем», — и начинал сна-

чала, повторяя то, что уже сказал. И так шло в течение трех-четырех часов. И дальше того, что омуль является носителем вот этой болезни, что его нужно жарить, Анатолий Александрович не мог уйти. Это называлось санитарно-просветительной работой.

К этой работе мы привыкли, Анатолию Александровичу мы не могли ничего возразить, но если буряты что-то из этого усвоили, то это очень хорошо. И последнее, касающееся характера начальника нашей экспедиции. Мы там находились несколько месяцев, а из мужчин там были Анатолий Александрович Скворцов, Федор Федорович Талызин, я, Юра и Вайнер. Но мы с собой, естественно, не могли везти туда ни вина, ни водки, ничего. Прошло время. Ну, бывает период, когда хочется посидеть, хотя бы рюмку спиртного выпить, а запасы спирта у нас были в 20-литровых бутылках. Стояли бутылки три-четыре нетронутые. И вот, представляете, наступает день рождения Анатолия Александровича Скворцова. Мы к нему, так сказать, мягко подъехали и говорим: «Анатолий Александрович, хорошо бы ваш день рождения отметить». Он говорит: «Да что отмечать». Он думал, что мы хотим ему собрать какую-то сумму денег на подарки. «Вот приедем в Москву, там как-нибудь приказом оформим». Я говорю: «Да нет, Анатолий Александрович, мы не об этом. Вот мы будем ужинать в день вашего рождения или обедать, как хотите, но у нас ничего нет, что можно было бы поставить на стол». Он говорит: «А что вы хотите?» Я говорю: «Доверьте мне взять хоть 500 граммов спирта. Нас несколько человек, и 500 граммов спирта — ну что это за количество». — «А как вы возьмете?» Я говорю: «Я не буду открывать эти пробки, я просто шприцом большим прокалю, насосу, вот и все». — «Ну, хорошо».

Вместо пол-литра я взял, конечно, литра два, это вполне понятно, был бы предлог. Часть спирта я развел. Тогда были медикаменты, которые красили очень хорошо. Я получил розовые, разной степени окраски, напитки, поставил четыре бутылки по пол-литра на стол на всех. Анатолий Александрович спрашивает: «Вы сказали, вам надо одну бутылку?» Я говорю: «Я ведь одну взял, но я развел, чтобы легкий был напиток, и вот четыре». — «А, ну хорошо». Ну, все было хорошо. Мы посидели, поговорили, а потом началось уже отхождение ко сну. Это был самый замечательный период нашего пребывания в этой школе.

Он заключался в том, что нас донимали там блохи, их была такая масса, что от них некуда было деваться. Мы знали, что блоха

выше метра не прыгает. И мы с Федором Федоровичем установили парты на парты в углу этой школы, и получились двойные парты вверх, а наверху мы положили доску, на которой ученики писали. На доску постелили свои постельные принадлежности. Когда все отходили ко сну, мы с Федором Федоровичем раздевались донага. Он с меня, а я с него стряхивали всех блох и как обезьяны прыгали на эти парты, садились наверху и оставшихся блох, которых не успели сбросить, мы оттуда сбрасывали. Тогда мы ложились и спали всю ночь спокойно, а наш начальник экспедиции на раскладной кровати мучился, вставал, ходил, вздыхал, ругался, но ничего не мог сделать, его блохи одолевали, поэтому он днем где-то на солнышке ложился и отдыхал, ночью он спать не мог. Обилие блох меня поражало. Я думал, что это связано с поселком, с населенным пунктом, где много всякой живности, но когда мы попали в район, где вообще никто не жил, и решили на берегу острова ночевать, то все-таки были вынуждены часа через два после того, как улеглись, подняться, отряхнуться, как следует, забраться на сосны, они там очень ветвистые, и на этих соснах продремать всю ночь. На берегу, на земле из-за блох спать было невозможно.

Один раз в неделю с материка на остров приходил корабль и привозил, в том числе, алкоголь. Крепких спиртных напитков туда не привозили, а портвейн привозили. Все жители знали даты прихода этого корабля, который выгружал портвейн прямо в магазин на берегу пирса. Так вот, к этому времени со всего острова семьями съезжались жители. Подъезжали к магазину, располагались, коней пускали пастись на поляны, около своих телег разводили костры, что-то жарили, кипятили чай и отдыхали.

Когда корабль приходил и выгружался, никто с места не поднимался. Как только заканчивались разгрузка и занос в магазин портвейна, корабль уходил, тогда все взрослые одновременно поднимались и бежали к магазину. Кто занял очередь вперед, кто после — толпа ломилась в дверь магазина. Однако самое-то интересное было в том, что проникший туда покупал не бутылку, никто за бутылкой там не стоял, он вытаскивал на себе или под собой на четвереньках ящик или такую корзину переплетенную, в которой стояли бутылки с портвейном. Он вытаскивал, подходил к телеге, где стояла его семья, бутылки распределялись очень просто — каждому давалась в руки бутылка, никаких кружек не

полагалось, причем эти бутылки выдавались даже ребятишкам. И вот все, сидя вокруг костра, пили из бутылок.

Если приходили часа через два посмотреть на обстановку, то она была такова. Лошади паслись на лужайке, телеги стояли, вокруг телег лежали приезжие жители этого острова. Они все выпили, и все спали. Потом они собирали лошадей, запрягали и разъезжались по домам. Это было каждую неделю, в даты, которые были там известны. Эта система поддерживалась жителями, без нее буряты, по-видимому, и не представляли себе жизнь.

Что касается вообще спиртных напитков, то буряты страстны к этому зелью. Должен сказать, что у них в практике было зелье, которое трудно даже себе представить. Не только поднести его ко рту, но даже воспринять носом, обонянием, как говорят, свежему человеку невозможно. Напиток готовили следующим образом. В каждом доме у бурят стояла в передней или на кухне бочка. Молочные продукты, которые оставались от питания, сливали в эту бочку, которая закрывалась фанерой, а потом какими-то тряпками. И это продолжается не день, не месяц, а годами. В бочке происходило брожение молочного сахара, которое сопровождалось гниением и запахом.

Когда я принял роды у жены председателя сельсовета, а для меня это было событие очень серьезное, потому что я впервые принимал самостоятельно роды, я подвергся большому испытанию после этих родов. Как роды происходили, я могу рассказать.

Пришла ко мне санитарка нашей амбулатории и говорит: «Доктор, председатель просит вас прийти, потому что у него жена рождает». Ну, я прекратил свой прием, дом у него был недалеко от амбулатории. Я прихожу и вижу, что в затемненной комнате стоит металлическая кровать, за спинку кровати держится женщина, а под ней стоит таз. Председатель сидит на скамеечке. Я говорю: «Что это такое?» Он мне говорит: «Как что, доктор? Это моя баба собирается рожать». Я говорю: «Если твоя баба будет стоять, я уйду. Я не принимаю роды стоя, и твоя баба должна лечь на кровать, тогда я буду ее смотреть». Он ей что-то сказал, она легла на кровать. Я спрашиваю у санитарки, а уж время прошло после схваток порядочно: «Воды отошли у роженицы?» Она говорит: «Да, доктор, она облила всех здесь и на половик все вылилось». Думаю: «Боже мой, отошли воды, и мне придется принимать сухие роды. Это страшное дело. Тут неизвестно, сохранится ли младенец или сохранится ли роженица».

Я посидел 10–15 минут, переживая, что мне делать, хотя у меня сумка с инструментом гинекологическим здесь лежит, а что я с ней буду делать? Я решил все-таки убедиться, отошли ли воды. Я посмотрел, попросил роженицу немного натужиться и вижу, что у нее выбухает пузырь, еще наполненный околоплодной жидкостью. И для меня стало ясно, что воды-то не отошли. Она просто, извините, помочилась. И вот они решили, что это воды отошли. Я надрезал этот пузырь, и через 15 минут при хороших схватках она родила парнишку.

Радость была невероятная у мужа, потому что, если родится сын в семье, это праздник на 1–2 месяца. Если родится дочь у буряты, его ходят поздравлять, но говорят: «Поздравляем тебя с новорожденным», но не говорят с кем, с мальчиком или с девочкой, а здесь родился парень. И вот когда на следующий день пришел сам отец новорожденного и сказал: «Доктор, ко мне пришли все родственники, пора уже за стол садиться», не пойти мне нельзя было. Я пришел.

Запах в столовой меня, конечно, сразу ошарашил, запах тяжелый. Это запах тарасуна, вот этого так называемого напитка, который пьют буряты. И мне наливают бокал, не бокал, а такую кружку мутной этой жидкости с тяжелым запахом. Я говорю председателю, что не привык к легким напиткам, и этот напиток для меня, пожалуй, легче кваса. Я попросил санитарку принести мне флакон спирта из шкафа амбулатории. Она принесла. Там было, наверное, кубиков 200 спирта. Я налил рюмку неразведенного спирта и дал попробовать хозяину дома. Он язык обмакнул и говорит: «О, доктор, это очень серьезная, хорошая водка». Я говорю: «Вот я только такую и пью». Я избежал пробы этого тарасуна, потому что не мог преодолеть отвращение к его запаху. Ну, все закончилось благополучно. Я думаю, слава богу, первые роды, первые празднества по поводу родов, и все уйдет уже в прошлое. Но оказывается, это было только начало, потому что потом праздники по поводу рождения устраивали родственники его, потом родственники его жены, потом братья и сестры, короче говоря, около месяца нужно было ходить по гостям и праздновать рождение этого мальчика.

И самое последнее необычное и, по-видимому, не встречается нигде. Когда я однажды подошел к ребятишкам, гоняющим мячик, с целью узнать расположение одного дома и обратился к одному из них, спросив как его зовут, он ответил: «Володя». Я громко сказал: «Володя!», и все ребятишки обернулись. Я гово-

рю: «Как так?» Оказывается, всех мальчиков они в то время называли Володями, в знак уважения к В.И. Ленину.

Однажды Федор Федорович Талызин попросил меня взять его с собой на лодке на охоту. Сам он охотником не был, но великолепно рисовал и прекрасно пел. В этот период утки линяли, поэтому не улетали далеко, а гнездились вокруг острова в камнях и пещерах. Вот одну такую пещеру мы и присмотрели. Был небольшой прилив, пещера была высотой около двух метров в начале, а затем сходила на нет, и в конце был виден песок, а так как сверху, по-видимому, было отверстие, то солнце, проникая в него, освещало всю пещеру и уток, сидевших на песке в глубине пещеры. Вот видите, говорю я Талызину, нам повезло, утки никуда от нас не денутся. Я сижу впереди на носу лодки и, отталкиваясь руками от стен пещеры, передвигаю лодку ближе к уткам. Глубина там была приличная, но пещера была очень узкая, и грести было невозможно. А в этот момент Федор Федорович вдруг запел: «Плыви мой челн по воле волн...» Голос у него был звонкий, да еще отражался от стен пещеры. Я наслаждался песней, тем более что уткам некуда было деваться.

И вдруг позади меня с кормы что-то бухнуло, и песня прекратилась. Я оборачиваюсь и вижу, как из воды появляется голова Федора Федоровича. Я помог ему забраться в лодку и спросил, что случилось. Он пел стоя, а так как потолок пещеры постепенно сходил на нет, когда волна приподняла лодку, он стукнулся головой о потолок и вывалился из лодки. Однако после того, как мы выжали его одежду, мы выехали из пещеры на солнце, и он опять начал петь. Случившееся не испортило ему настроение. Этот эпизод оставил в моей памяти самые хорошие воспоминания о нем как о прекрасном, неунывающем человеке, с которым мне пришлось встретиться и долгое время работать, о хорошем человеке, которых было тогда немало.

Закончилась экспедиция, и настало время отъезда. Мы собрались, погрузились на корабль и стали ждать отплытия, но был мрачный, ветренный день, и корабль качало. Многие подходили к фельдшеру и нюхали нашатырный спирт. Талызин сказал, что нам бы тоже не мешало понюхать. Мы подошли к фельдшеру, но, узнав, кто мы, нам посоветовали спуститься в носовое отделение в буфет, выпить по рюмке водки и закусить, тогда станет намного легче.

Так мы и поступили. Спустились туда, все сделали, как и задумано было, вышли в кубрик, который находился над буфетом.

Стоим у стенки при выходе. Напротив нас у стенки стояли два бургя, молодые парни, они ехали уже с каникул на учебу в Иркутск. Около них, спиной к нам стояли два неряшливо одетых типа. Ребята стали шарить по карманам, собрали какую-то сумму денег и отдали этим двум типам. Те взяли деньги и спустились вниз в буфет. Минут через сорок они поднимаются обратно, подходят опять к двум ребятам и говорят: «А ну, соберите еще». Это меня возмутило. Во-первых, я немножко был ну не совсем под градусом, но навеселе чуть-чуть. Стояли мы с Федором Федоровичем в таких брезентовых плащах, дождик немножко накрапывал. Я обращаюсь к одному, широкоплечему: «Тебе что, не хватает денег, что ли? Иди, я дам». Он поворачивается с такой усмешкой наглой: «Ну, не дашь, так сам возьму», и идет ко мне спокойно. Он был пониже меня немножко, а в плечах-то крепкий. Дошел до меня, я развернулся и ударил его в челюсть. Он свалился. Полежал секунд 20–30, приятель ему помог подняться, он сел, потом встал, потом посмотрел и говорит: «Ну, это другой разговор», и ушел. Больше он к нам не подходил. Вот я понял, что такое уважение силы. Это был явный уголовник, который вот так занимался вымогательством, и как только он почувствовал, что здесь не пройдет и можно получить сполна, он сразу ретировался.

Приехали мы в Москву. Начались обычная аспирантская учеба, подготовка, экспериментальные исследования. Было очень много вопросов, задач очень серьезных, которые я все-таки решал, потому что шеф у меня был исключительно грамотный человек, помогал мне всемерно и везде, когда и где только мог помочь, и я у него как будто на счету был очень хорошим.

Особое развитие в 30-е годы и в теоретическом, и практическом плане занимала генетика, генная инженерия. Это касалось не только медицины, но и в значительной мере всего народного хозяйства страны. По этому вопросу, а вернее проблеме, часто проводились конференции, симпозиумы, совещания. На одной конференции, на которую съехались ученые из многих городов страны, мне повезло присутствовать. Конференцию проводил Николай Федорович Гамалея, ученый с мировым именем. На конференции присутствовали не только молодые ученые, но и руководители больших направлений в медицинской науке. Доклады были разные. Один из них, если я не ошибаюсь, был сделан аспиранткой кафедры микробиологии 2-го медицинского института Ниной Грачевой. Он

был посвящен передаче наследственных признаков одного микроба другому при выращивании на специальных питательных средах. С резкой критикой доклада выступил академик Лев Васильевич Громашевский, заявив, что при соединении ужа и ежа Грачева захотела получить что-то новое. В поддержку Грачевой на трибуну вышла ученая дама из Иркутска и в быстрой речи решила показать свою эрудицию. Она сказала: «Я хорошо помню, что написала в статье академик Гамалея». Зал мгновенно затих. Николай Федорович, председательствовавший на конференции, опираясь на стол руками, медленно встал во весь свой могучий рост и сказал, обращаясь к залу: «Я теперь полностью уверен, что уже не мужчина».

Время шло, наступила глубокая осень, началась финская кампания. Мрачные ходили люди, потому что хоть эта война была как будто далеко от Москвы, но все-таки чувствовалась. Однажды, а я уже в то время был в бюро комсомола военным работником, райком комсомола пригласил всех аспирантов к себе на беседу. Мы поехали, нас было около 30 человек. Приехали мы в Ленинградский райком комсомола на беседу. Ко мне вышла секретарь и говорит: «Ты подожди, мы знаем тебя, а вот мы поговорим с вашими комсомольцами». Ну, через каждые три-четыре минуты каждый из этих комсомольцев покидал кабинет и уходил. Я спрашиваю: «Как дела?» Они говорят: «Все в порядке». Так вот, доходит очередь и до меня. Я захожу, меня секретарь спрашивает: «А кто вы по специальности?» Я говорю: «Как кто? Врач и аспирант». А секретарь говорит, что, мол, те тоже аспиранты. «Так они тоже ведь врачи, и я врач». — «Ну как же это мы просмотрели? Они все утверждают, что они аспиранты». — «Ну, конечно, аспиранты сейчас, но они же врачи по специальности. У них дипломы-то врачебные». — «А нам-то нужен только один врач, поэтому мы не будем их задерживать. Давайте с вами договоримся».

Секретарь сказал, что в Москве сформирован 72-й отдельный комсомольский добровольческий легколыжный батальон из спортсменов, студентов третьих курсов институтов столицы. «Там нет врача, там все спортсмены, а мы знаем, что вы тоже занимаетесь спортом, и на коньках, и на лыжах вы ходили. Так вот, мы вам предлагаем должность врача этого батальона». Что я мог сказать тогда? Я не советовался со своим шефом Леонидом Моисеевичем. Ну, во всяком случае вопрос был поставлен конкретно, и как я мог уйти от предложения, сказать, что не поеду. Я сказал, что, если та-

кая необходимость существует, я согласен. Меня поздравили, что я согласился, пожелали мне удачи, успеха и отпустили.

Я приехал в этот же день в отдел, где работал у Леонида Моисеевича, и сказал ему об этом. Он очень переживал, он так переживал, не находил себе места, а потом сказал: «Знаете, Петр Николаевич, все, может быть, к лучшему. Если бы вы отказались, не знаю, чем бы закончилось, а так как вы не отказались, это все хорошо». Потом, на второй день появилась наша преподавательница немецкого языка Нина Витальевна Пахлавунья. Она увидела меня и передает сверток. Я спросил: «Что это такое?» Это она узнала, что я еду в батальон и отправляюсь в Финляндию. Она мне принесла шелковое нижнее белье, поскольку, она говорит, в нем паразиты никогда не заводятся. Я ее поблагодарил за то внимание, с которым она отнеслась к моему отъезду в Финляндию.

Прибыл я в Серпухов, где формировался и тренировался этот батальон. Слово «формировался» не то, а вот «тренировка» это совсем другое дело. Батальон насчитывал 900 человек. Минимум два раза в сутки нас поднимали по тревоге. Мы одевались, облачались, подгоняли лыжи, на лыжные установки клали носилки, пулеметы, отправлялись в поход, через три часа возвращались, отдыхали несколько часов и опять подъем. Это продолжалось почти каждый день. У нас на шинелях лед появлялся слоем от нагрузки, от замерзания на ходу паров пота. Но мы ходили.

И вот однажды, когда нам нужно было менять амуницию, старшина батальона, а это самый большой начальник, отбирает четырех человек, в том числе меня, идти на склад за амуницией. Грузим мы на себя амуницию, идем через двор, и вдруг команда: «Остановитесь!» Мы останавливаемся, и нашего старшину приглашает к себе человек с четырьмя ромбами на петлицах, как оказалось, командующий военным округом, и спрашивает: «Кто у тебя несет амуницию?» Он говорит: «Вот тот, тот и тот, а это доктор». — «Как ты посмел доктора послать за амуницией? Да я тебе то, другое, третье, четвертое...» В общем, он ему какие-то наряды суточные дал. С тех пор старшина меня не трогал. Но дело закончилось совсем другим.

Через несколько дней тренировок меня поднимают ночью, а со мной работали в батальоне два врача из Первого московского медицинского института, женщины. Они проводили прием вместе со мной, помогали мне, очень хорошие женщины, знающие, они уже не первый год работали врачами, и мне было с ними легко. Во

всем основную работу приходилось выполнять мне, потому что я отвечал за батальон.

И вот однажды, часа в два ночи, меня будит посыльный, командир батальона вызывает меня. Я спускаюсь вниз, захожу в кабинет командира. Освещенное помещение, лежат лыжи, носилки стоят, сидит тот же военный, который останавливал нас с амуницией во дворе, а я еще сплю фактически, я только лег и не успел еще глаза, наверное, открыть. Он меня спрашивает: «Доктор, сколько больных в батальоне?» Я на память, мог и ошибиться, говорю: «Восемнадцать человек». И так ходом перечисляю, что у трех ангина, два — такие-то, три — такие-то, двух отправил туда-то и закончил на этом деле. Он говорит командиру батальона: «Вот, смотри, человек еще спит, глаза закрыты, но знает, что у него происходит. А тебя я мучаю два часа, и ты не можешь собрать мне носилочные установки на лыжах», которые выпускал тогда авиационный завод и направлял к нам в батальон. Потом прерывается и говорит: «Доктор, а ты можешь носилочные установки собрать?» А мы их в день по несколько раз собирали. Это дело нескольких секунд. Тот говорит: «Вот видишь, он и это хорошо делает. Так вот что, сейчас пусть он отдохнет, а завтра явится в Московский округ. Я у тебя его забираю». Комбат говорит: «Товарищ командующий, мы, как только отправимся в Финляндию, ему присвоим звание старшего лейтенанта». Командующий ответил: «Ну, наверное, ты ничего не смыслишь, потому что у доктора первое звание, он носит шпалу, то есть он уже старший офицер, а старший лейтенант это не старший офицер, поэтому сейчас об этом и говорить не стоит. В общем, он должен быть завтра в Московском округе».

А перед этим нам ЦК комсомола в знак благодарности и внимания к нашему батальону прислал всем красивые наручные часы. Я еще и студентом, да и все мы мечтали о часах. Когда я окончил институт, нам выдали за 60 рублей карманные часы каждому врачу, а вот наручных часов с браслетом у нас ни у кого не было. Всем комсомольцам выдали часы, и я пришел за часами, а командир батальона их забрал при мне и говорит: «Поскольку ты с нашим батальоном не едешь, а откомандировываешься, часы тебе не положены». Он нанес мне этим оскорбление, но не в этом дело. Я очень переживал такую потерю, потому что он неправильно поступил тогда в этих условиях.

Я приехал в Московский округ и получил назначение во Владимир. В командировочном удостоверении было указано, что я на-

значен начальником санитарной службы 612-го мотострелкового полка. Никогда я еще начальником не был, но здесь я назначался начальником. Я добрался до Владимира в валенках, в шинели, в солдатской шапке-ушанке. У меня не было еще никаких знаков различия и отличия. Прибыл в полк ночью, застал в приемной одного человека, это оказался комиссар полка Логинов. Я спросил: «А где командир?» Он говорит: «Вот сюда заходи в кабинет, и там командир». Время уже было позднее, ночь. Я постучал, зашел в кабинет, увидел, что ко мне стоит спиной, смотря в ночное окно, человек. Звания его я не разглядел. Докладываю, что такой-то прибыл в его распоряжение. Не поворачивая головы ко мне, он спрашивает: «Сколько лет в армии?» Я ему отвечаю: «Двадцать два дня». — «Ну, иди в санчасть. Опять мальчишку прислали». Я поворачиваюсь и иду в санчасть.

В санчасти стоял храп, на первом этаже все уже спали, и только один человек с черными усами примерно 45–48 лет сидел за длинным столом и пил чай. Я вошел со своим вещевым мешком, поздоровался, положил мешок на свободную койку и спрашиваю, можно ли с ним попить чай. Он говорит: «Пожалуйста, садись». Я сел, стали пить чай и немножко знакомиться. Ну, как знакомиться, я спрашивал, а он отвечал и больше всего молчал. Так вот, когда я напился чаю, спросил: «А где можно спать?» Он говорит: «А вон свободная койка, где твой мешок лежит. Вот ложись и спи».

Утром я проснулся от звона котелков с ложками. Все выходили на кухню за завтраком. Оживление было, но еще никто из помещения не выходил. Я подошел к этому доктору, это был старший врач полка, мой подчиненный, Николай Иванович Ершов. Я говорю: «Товарищ старший врач, постройте санитарную часть». Он посмотрел на меня и говорит: «По какому случаю?» Я говорю: «Я — начальник санитарной службы полка». Он говорит: «Вот это да, — и кричит: — Становись!» И у нас после этого установилась исключительная дружба с Николаем Ивановичем не только как с врачом, но и как с человеком внимательным, хорошим, думающим. Помню, как он однажды сказал: «Петр Николаевич, ну что вы сделали? Женились... У меня такая дочь выросла! Какой бы у меня был зять!» И уже потом, после финской кампании, когда он уезжал в отпуск, я спросил: «Николай Иванович, а как вас отозвать в случае необходимости? Куда вы едете?» Он говорит: «Очень просто. Пишите: Юрьевец на Волге, Н.И. Ершову и больше ничего, все меня там знают». Вот что за личность был Н.И. Ершов. И вот с ним мы отправляемся в Финляндию.

ФИНСКАЯ КАМПАНИЯ

Было у нас много переживаний, морозы стояли невероятные. Никто из нас в то время не мог знать и не знал, как строить землянку, как сделать баню. Мы не мылись, могли только на кухне где-то около солдатской столовой немножко лицо вымыть, спали на снегу. Что спасало? Спасало одно — очень хорошее питание, и каждому было положено 100 г водки, но ведь потери же были, война шла, и вместо, скажем, 300 человек оставалось 200, значит, уже водка остается, кто ее учитывал. Обморожений у нас в полку не было.

Больше всего нам досаждали подвижные финские отряды, которые иногда были скомплектованы из женщин. Наши транспортные эшелоны растягивались на многие километры по заснеженным дорогам. Их отряды на наши колонны нападали, забирали продукты, вещи, убивали людей и скрывались в лесу. Они ходили без палок на лыжах, и их маршруты определяли только с самолетов по теням, которые образовывали лыжни, по которым они проходили.

Наши командиры, приехавшие в Финляндию, сразу облачились в черные полушубки, очень красивые, с большими воротниками, но они в этих полушубках проходили только один день. На второй день они их сняли и надели белые полушубки, потому что финские снайперы работали настолько эффективно, что никто из людей, появившихся на передовой в черном тулупе или черном полушубке, живым не уходил, на белом снегу эта была мишень исключительная.

Однажды мы получили команду выйти нашему полку на Ладожское озеро. Оно, естественно, стояло подо льдом, морозы были сильные. Чтобы выйти на это озеро, нужно было пробить в лесу большую дорогу. Саперные батальоны всю ночь выпиливали деревья, делали трассу, и по этой трассе наши части стали продвигаться. Мы вышли на берег озера. Вдалеке, примерно в 700–800 метрах от берега, возвышался остров, укрепленный финскими войсками. Тишина. Связой, который приполз к нам, сказал: «Лежите, но огня ни в коем случае не открывайте». Это было 12 марта. Команда поступила, мы лежим, не открывая огня, а в 12 часов дня, когда мы пролежали часа четыре в снегу, поступила команда всем выйти на лед, так как заключено перемирие.

Здесь появился наш полковой оркестр, машины прошли этой траншеей, пробитой на озеро, с продуктами, со спиртным. Спустились финские военные с острова к нам, и вот мы вместе, только что стрелявшие друг в друга, собрались, танцевали, пели, разговаривали. Однако самое интересное, я увидел, как наши два солдата, пробив лунку во льду, нашли где-то снасти, крючки, какие-то кусочки хлеба и таскали рыбу. Я увидел подледный лов рыбы впервые в жизни, и это меня в конце концов заразило, и сейчас я отчаянный рыбак.

Стали возвращаться после перемирия. Наше возвращение шло через поселок Лодейное поле. Здесь есть о чем сказать. Мы остановились в доме учителя, где жили он и его жена. Он сказал, что у него все время останавливаются военные, на 1–2 дня, и все уходят. Мы засхали к нему на машинах нашей санитарной части, а машины были с теплой амуницией, со свитерами, с бельем хорошим. После тяжелого перехода мы буквально свалились на голый пол в отведенной нам комнате, где останавливались все ночевавшие здесь военные. После сна первым делом я спросил этого учителя: «Где можно помыться?» Он сказал, что банька топится и мы можем помыться. Мы вымылись с начальником аптеки в бане, переоделись и пришли, сели за стол завтракать. Там были и учитель с женой. Я смотрю на своего подчиненного, он — на меня, что-то на нас шевелится, что-то происходит. Ну, наверное, и он, и я подумали, что давно не мылись в бане и кожа не может привыкнуть к чистому белью. Потом я ему мигнул, и мы вышли на зимний двор под навесом. Поднимаем рубашки — там полно вшей. Это были рубашки, которые мы только что надели в бане. Мы сняли это белье, телогрейки, надели чистое белье. Через два часа мы его опять поменяли, потому что эти паразиты забрались уже с верхнего белья на нижнее. В общем два раза мы меняли белье, и когда зашли в комнату, где мы ночевали, а там кроме крашенных полов и стен ничего не было, под ногами местами был хруст — там ползали эти паразиты. Завшивленность этой комнаты была огромная, и ее оставляли, конечно, военнослужащим, выходящим из Финляндии. И мы в том числе были жертвами.

Забегая несколько вперед, скажу, что, когда я изучал эпидемиологию, я усвоил, что именно со вшами связано распространение сыпного тифа. Я знал, как распространяется малярия — комар летает, заражает здорового человека от больного; как

возникает сибирская язва — оводы, шмели летают, передают возбудителя от больных животных здоровым. Это все понятно. Однако каким образом вошь, которая гнездится на человеке, может распространять эту заразу на других, причем распространять не просто один от одного, а один к десяти, один к двадцати? Когда я уже в Отечественную войну выписывал из госпиталя выздоровевших раненых, вымытых, в чистом белье, и сажал их в проходящий эшелон, который следовал на фронт, а солдаты этого эшелона, скажем, неделю или две не были в бане, то мои раненые писали мне, что они замучались, потому что наутро фактически на себя собирали всех вшей вагона, в котором ехали все эти немытые люди. Однажды мне пришлось посетить полк, который шел на марше и остановился в Будогощи. Мы солдат вымыли, привезли чистое белье и положили его в углу одной комнаты, а грязное складывали в другой угол. Расстояние между чистым и грязным бельем было 2,5 метра. И что вы думаете? За два часа все паразиты, что были на грязном белье, переползли на чистое. Когда ходили по этим местам, хруст стоял под ногами. Тогда я понял, что самое чистоплотное насекомое — это вошь, потому что она немедленно покидает или температурающего больного, ей эта температура не подходит для житья, или грязного человека. Это хуже, чем когда комар летает. Вошь покидает больного, переползая на соседа, на следующего соседа и т.д. Вот это — эпидемиология сыпного тифа.

Я ушел в Финляндию добровольцем, и у меня никто не спрашивал, хочу я остаться в кадрах Красной армии или не хочу. Мне присвоили тогда звание военврача третьего ранга. Финская кампания закончилась, а тогда существовало постановление правительства, по-моему, подписанное даже товарищем Сталиным, что все лица, которые добровольцами участвовали в финской кампании, возвращались обратно к прежней работе, и им выплачивалась определенная сумма денег за время отсутствия на этой работе.

Шел 1940 г. Весной я стоял с частью на станции Дно в Белорусском округе. Рядом были большие озера. Работы было мало, потому что народ уже отдыхал после всех событий в Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии. Везде все как будто стабилизировалось. Иногда я утром выходил на эти озера порыбачить. Работы было, повторяю, мало. Однажды вечером я ушел в офицерский клуб играть в бильярд. Поиграл я, наверное, часов до двух ночи. Возвращаюсь,

дежурный по части подбегает ко мне и говорит по секрету: «Говориц начальник, пришла телеграмма: "Немедленно освободить, изложить причину задержки..."» Я даже вздрогнул, потому что вспомнил, что многократно отправлял во все инстанции телеграммы: в Министерство обороны, в ЦК комсомола, в ЦК партии с просьбой освободить меня от службы в армии. Мне все отвечали, что я еще нужен армии. Я не выдержал и написал тогда просто: «Москва, Кремль, Сталину. В соответствии с таким-то постановлением, подписанным вами, я подлежу освобождению. Однако до сих пор, несмотря на мои требования и просьбы, никто меня не освобождает. Подпись. Печать, откуда послано». Начальник почты говорит: «Я такую телеграмму не приму». Я спрашиваю: «Почему?» — «Ну, как Сталину телеграмму...» Я говорю: «Какое мне дело? Им подписан документ, я ему и пишу, потому что все остальные никак не отреагировали на мои телеграммы». — «Ну, ладно. Посмотрим, что из этого выйдет». И вот эта телеграмма ушла, и ответ был: «Немедленно освободить и доложить причину задержки».

Что мне делать? Два часа ночи. Я собрал комиссию из врачей и предложил им немедленно принять от меня медицинское имущество части. Сидели мы часов до шести утра. Я вышел на солнышко отдохнуть около палатки, мы находились в лагерях. Выходит командир части и спрашивает: «Что ты, доктор, не на рыбалке?» Я отвечаю: «Да так, уже надоело на рыбалке быть, то другое, третье, четвертое». — «Ну, вот что, сегодня у нас все-таки суббота, мы поедем в город, там получим деньги и немножко погуляем». Я сказал ему: «Знаешь что, командир, я прошу тебя за меня получить зарплату и прогулять ее вместе с моими товарищами, со всеми, кто будет там». Он спрашивает: «А почему так?» Я отвечаю: «Ну, у вас же есть телеграмма». — «Как, откуда ты знаешь?» Я сказал, что не в том дело, откуда я знаю, но телеграмма есть. Он молвит: «Да, есть. Но нужно сдать еще все дела и материалы». Я ответил, что акты готовы. «Ну что я могу сделать?» — «Я прошу, командир, в 8.20 мимо этой станции проходит поезд Рига-Москва, а сейчас восьмой час. Нужно добраться до станции. Отпусти меня, пожалуйста, а мою зарплату вы прогуляйте, так сказать, в знак моего уважения к вам». — «Ну, ладно».

Я схватил свой чемоданчик, прибыл на станцию. Поезд подходит, у меня был билет, я даже не помню, какое место и в каком вагоне, но я зашел в вагон-ресторан. Вот когда я сел в вагон-ресто-

ран, был девятый час, и вышел я в Москве из вагона-ресторана около двух часов дня. Я больше никуда не ходил, настолько был счастлив, что освободился от этого дела. Прибыл я без денег, но мне выплатили стипендию за все месяцы отсутствия, когда я был в армии, но сроки аспирантуры на три года не продлили. Мне пришлось аспирантуру заканчивать за два года и три месяца. Говорят, худа без добра не бывает, я и за этот срок все закончил. Началась Великая Отечественная война. Тяжелое время было.

Молодежь уходила на фронт. Меня никто не тревожил. Я ходил в отдел, работал, хотя в первый день войны лежал больным — в лаборатории заразился туляремией при экспериментальной работе. Но потом поправился, стал ходить уже на службу, и, конечно, единственное, что я делал, это ночами дежурил на объекте, около своего отдела, и в случае авиационного нападения надо было защищать объект от зажигательных бомб. Эта была основная задача. Так проходило время.

Через несколько дней приглашает меня мой шеф Леонид Моисеевич и говорит, что были представители из органов и сказали, чтобы все штаммы туляремии, бруцеллеза и других возбудителей особо опасных инфекций, которые имеются в отделе, немедленно были уничтожены по акту, и акт должен быть передан этим органам. Когда он мне это сказал, а у нас были уникальные штаммы, без которых отдел вообще не мог бы работать, я сказал Леониду Моисеевичу: «Наша столовая на первом этаже в подвальном помещении с забетонированным полом. Разрешите мне сегодня за время дежурства выбить нишу в этом полу, сухие культуры, высушенные в пробирках, я упакую и заложу в эту нишу, а сверху залью цементом. А органам мы пробирки набьем питательными средами и покажем, что мы их уничтожили и акт представим». Он спрашивает: «Вы думаете, выйдет?» Я говорю: «А почему не выйдет? У нас ведь будет вполне без свидетелей, мы сами сделаем». И мы это дело проделали.

Забегая вперед, скажу, что если бы мы так не поступили, мы бы нанесли большой ущерб лаборатории. Леонид Моисеевич в 1942 г. вернулся из Горького, пешком, прибыл в лабораторию, уже было много заявок с фронта на диагностические и лечебные препараты туляремии и бруцеллеза. Если бы мы тогда эти культуры не поместили в эту нишу и не забетонировали ее, работать было бы не с чем и взять эти штаммы неоткуда. Это вот был такой эпизод. Однако дело не в этом.

Продолжается мобилизация, люди уходят, а мне даже неудобно стало ходить в костюме по Москве. Здоровый мужик, загорелый, ходит, а многие уже в армии служат, а я все хожу по улицам.

На следующий день после объявления войны я был принят кандидатом в члены партии в третий раз. В институте принимали, принимали, когда уходил в Финляндию, а это был третий прием уже в начале войны. Я принимался в кандидаты партии вместе с академиком Алексеем Дмитриевичем Сперанским, замечательным человеком, хирургом высокой квалификации. Он работал хирургом у Колчака, как он говорил. Когда я свою биографию рассказал, она у меня была очень короткая. Он, выступая, сказал, что у него не такая красочная биография, как у его предшественника, и свою биографию он рассказывал ровно 40 минут. В зале ни шума, ни возгласа, ничего. Он прекрасно все изложил и был тоже принят кандидатом в партию вместе со мной.

Хочу отметить один эпизод, который был связан с риском для жизни. Первый налет авиации немцы осуществили 22 июля, через месяц после нападения. Я сидел в комнате, была объявлена воздушная тревога, а перед окном моей комнаты между студенческим городком и нашим домом был лесной склад и проходила железнодорожная ветка. Я посмотрел и вдруг вижу, что горит лес на этом складе, немцы сбросили зажигалки. Чтобы рассмотреть все, я лег на стол, он прямо был вплотную придвинут к окну, и стал смотреть, где горит, куда идти, что делать. Потом слез со стола, открыл дверь и побежал вниз.

И в это время я почувствовал сильный удар, который сотряс наш дом. Я вышел. Около подъезда лежала женщина. Ее волной отбросило и ранило, и мы ее перенесли в подъезд. Выбежали мы на лесной склад и начали гасить огонь. В это время зажигалки были брошены на котельную, а рядом с котельной у нас стояли ванны, куда был, как потом выяснилось, вылит весь бензин из котельной, все горючее, которое там было. Поскольку были смрад, дым, гарь, люди черпали из этих ванн ведрами, думая, что это вода, и поливали на огонь, который возник в котельной.

Половина котельной у нас сгорела, но дело не в этом. Когда измученный, весь закопченный я возвратился в комнату и стал открывать дверь, она у меня легко открылась. Я же помню, что защелкнул ее на замок. И когда я вошел в комнату, я ничего не мог понять: все было в пыли, окна не было, оно в виде кусков стек-

ла и кусков рамы было врезано в противоположную стену возле двери. Если бы я лежал на этом столе и пролежал бы еще две минуты, да не две минуты, а десять секунд, которые я спускался вниз, когда произошел удар, то вместе с окном, по-видимому, в стену врезался бы и я. Ну, это счастье. Насчет счастья я потом еще сообщу, а его было еще у меня много, связанного с некоторыми очень рискованными событиями.

Наконец, после длительного ожидания я получил повестку явиться на станцию Брянского вокзала на погрузку в воинскую часть. Было написано: «...на должность начальника лаборатории». У меня не было никаких сомнений, поскольку, когда я обращался в военкомат, мне сказали: «Мы вашу специальность знаем, и, когда будет нужно, мы вас вызовем по специальности». И когда я увидел, что начальником лаборатории, то подумал, что начальником бактериологической лаборатории, другой-то не может быть, я по специальности бактериолог.

Я приехал на эту станцию погрузки. Стояли товарные вагоны, и в них грузили инвентарь: никелированные кровати, рентгеновские установки, тумбочки, стулья хорошие, необычные. Стоял перед вагонами военврач второго ранга, как потом оказалось, Радуцкий Феликс Исаакович. Я подошел к нему и спрашиваю: «Это к вам я приписан?» Он говорит: «О, это ко мне». Я спрашиваю: «А что за часть?» Он говорит: «Как что за часть? Госпиталь № 1853». Как я узнал, это был госпиталь газеты «Правда», оснащенный по всем законам, богато оборудованный. И вот этот госпиталь грузится для отправки на фронт. Я стою. Радуцкий: «Ну, что вы стоите? Вы посмотрите, я начальник, Радуцкий, второй — старший лейтенант-начпрод, и вы третий мужик. Женщины грузят вещи всякие и инструменты, и ящики, а вы стоите. Давайте, помогайте». Я не мог ничего сделать, подошел и стал грузить это имущество в вагоны. Когда погрузка закончилась, Радуцкий мне говорит: «Знаете что? Вы не беспокойтесь, в лаборатории есть хорошие лаборантки. Они все будут делать, вы будете только подписывать. А вы, у меня сейчас вакансия есть, будете начальником хирургического отделения». Я говорю: «Я же ведь никогда не работал хирургом». — «А кто работал? Мало ли кто не работал? Привыкнете, будете работать». И вот я в качестве начальника хирургического отделения в госпитале № 1853.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Мы прибыли под Тулу на станцию Хомяково. Это места моего детства, где мы ходили за грибами, очень хорошо я эти места знал. Там был санаторий, в котором разместился наш госпиталь. Принимаем раненых, лечим и отправляем в Тулу на товарную станцию. Там стояла летучка, которая их брала и отправляла дальше. И вот однажды, когда я сопровождал транспорт в Тулу, я увидел, что саперы копают большую траншею, перерезают шоссейную дорогу Москва–Тула. Около этой траншеи стоял комиссар того полка, в котором я служил в финскую кампанию. Он узнал меня: «О, доктор! Давно вас не видел. Сейчас я позвоню командиру, он тоже вспоминал вас. Куда едете? У нас врача нет, друг мой». Я говорю: «Слушай, комиссар, я не могу, я везу раненых». — «Да без тебя отвезут». — «Нет, я не могу, я в хирургическом отделении начальником сейчас работаю». Ну не мог я остаться, не мог нарушить приказ, это же не просто так. В общем, я сдал всех этих раненых, приехал, доложил начальству.

В это время на Тулу наступала танковая армия Гудериана. На следующий день была дана команда всем нам собираться из Хомякова и следовать дальше, неизвестно куда. Я об этом узнал и заехал домой к маме. Там были мама, брат Анатолий, его жена Зина и годовалый племянник Юра. Заехал и говорю, что отправляюсь дальше с госпиталем. Мама просит взять их с собой. «Анатолий уходит с оружейным заводом на восток, Зина остается — что мы будем делать в Туле?» Ну как я мог взять или не взять? Я приехал в госпиталь, и, надо отдать должное начальнику госпиталя, я ему до сих пор признателен за такое отношение ко мне, я его спросил: «Можно я заберу с собой мать и невестку? Они остаются одни в Туле». Он подумал, подумал и говорит: «Петр Николаевич, едем в товарном вагоне, там двойные нары, ну, смотри сам, можно или нельзя, я не буду возражать, если вы на это решитесь».

Я обрадовался, приехал домой, а мы жили около Курского вокзала. Мама погрузила на тележку бочку соленых огурцов, капусту, и мы эти огурцы и капусту привезли на станцию погрузки в Туле. Толя уехал на следующий день в Новосибирск, а мы отправились дальше в этом вагоне. Прибыли мы в район Свердловска, в местечко Сухоложье. Морозы были крепчайшие. Нам отвели школу, но в школе не было водопровода, и вот мы все вышли, ста-

ли копать траншею, чтобы провести в школу водопровод, а земля промерзла на полтора метра. Шли местные жители, смотрели на нас и говорили: «Какие молодые, а уже заключенные». Они решили, что мы заключенные и поэтому копаем траншею. Только мы осели, только провели водопровод, только стали размещаться, получаем команду погрузиться и ехать на фронт. Вот это уже было другое дело.

Мама и моя невестка опять стали просить, чтобы я их взял с собой. Радуцкий тогда сказал: «Петр Николаевич, здесь я ничего не могу решить. Это уже военная служба, это не просто госпиталь, и поэтому оставьте маму и Зину здесь». Радуцкий и начальник склада обеспечили их мясом, молоком, маслом, чтобы они не нуждались до возвращения в Тулу, когда блокада с Тулы будет уже снята.

Поехали мы с этим госпиталем, и вдруг на станцию погрузки приезжает представитель эвакуопункта и заявляет, что есть команда, чтобы мы с собой не брали ни кроватей, ни другого имущества, которое можно найти на фронте, а это оставили на месте. Радуцкий говорит: «Что делать?» Я говорю: «Нельзя этого делать. Мы же ведь приедем, и нам придется работать, не на снегу же, здесь-то еще можно кое-что сделать, а там где мы будем искать?» Он говорит: «Вы правы. Ничего я не отдам». Закрылись мы в вагонах и отправились.

Эта поездка была очень серьезной. В пути следования я заболел воспалением легких. Состояние было тяжелое, и на одной из станций, не доезжая Будогощи, меня сняли с поезда мои товарищи, отнесли в привокзальный госпиталь, если можно так его назвать, — это была школа, где были кровати, но было холодно, — положили мне под подушку сульфидин, он тогда был единственным препаратом для лечения, и уехали. Я пришел в сознание на третий день. У меня была температура. Холодно, лежу. В палату, а палата у нас была большая, человек 20 там лежали, заходит солдат с мисками и разносит холодный какой-то борщ, который готовили во дворе. На стуле каждого висит его амуниция, и у меня висит амуниция. Все нормально. И вот заходит в палату военный врач, а я уже не спал, подходит ко мне и говорит: «Знаете, коллега, сейчас вот иду по станции здесь, гляжу — идет огромный кобель». Я на него смотрю. Он говорит: «Вы что, не понимаете? Я стою на станции, на платформе, и мимо меня идет кобель, и его никто

не трогает». Я говорю: «А почему его должен кто-то трогать?» — «А, да вы ничего не понимаете. Я из Ленинграда. У нас в Ленинграде кошек тоже уже нет. Всех съели, а здесь кобель бродит, и его не трогают, значит, жить еще здесь можно».

Наконец на четвертый или на пятый день после того, как я здесь лежу, я говорю начальнику, который нас приютил: «Отпустите меня. Я знаю, куда наш госпиталь отправился, знаю, где он разгружается, я уж там долечусь. Я знаю, что воспаление легких нужно лечить не 2–3 дня, а 2 недели, но я туда доберусь. Сейчас уже температура у меня нормальная». Он очень долго сомневался, а потом говорит: «Ну, ладно, вы все равно не отстанете. Пожалуйста». Я вышел, оделся, у меня были хромовые сапоги, обмундирование офицерское, но, правда, на голове была шапка кожаная, ее сшила мама в Туле из светло-коричневой кожи.

Я вышел на перрон, идет летучка. Я в эту летучку сел, она шла как раз до станции Хвойная. Думаю: «Ну, что же, на Хвойной, мне сказали, должна быть разгрузка нашего госпиталя». Я вышел на станции Хвойная, походил, посмотрел — никого из наших не видно. Наконец, я обратился к военному коменданту и спрашиваю: «Не разгружался ли здесь такой госпиталь?» Он говорит: «Разгружался. Вот выйдешь сейчас на дорогу, прямо от станции дорога ведет в лес, выйдешь в лес, через километр сделаешь поворот направо, потом налево и прямо, и там упруешься в свой госпиталь». Думаю: «Слава богу, я уже на месте».

Я вышел на эту дорогу, светила луна, мороз был около 30°, и в хромовых сапожках, я думал, что дойду. Зашел в лес, вижу, веером расходятся дороги. По какой идти, я не знаю. А там за лесом стоял аэродром, поэтому дорога была наезжена машинами, которые возили горючее. Шел я, шел и думал только об одном: «Сесть я не могу. Если я сяду, замерзну, ноги замерзнут, я сам замерзну». Я иду по обочине дороги, она, правда, плотная, хрустит снег, я не помню, сколько уже я прошел, куда поворачивал, но я иду и не сажусь. И вдруг мимо меня пронесится грузовая машина, и там кто-то кричит: «Петр Николаевич!..» — я вздрогнул даже. Машина остановилась метрах в 100 впереди меня, оттуда выскакивают люди. Вижу, наши медицинские сестры подбегают, меня хватают, обнимают: «Петр Николаевич, то, другое...»

Это оказываются сотрудники нашего госпиталя № 1853, который находится отсюда в 20 километрах. Они ехали за дровами

для госпиталя, и меня узнали только по моей коричневой шапке. Если бы не шапка, они меня бы не заметили и не остановились. Вот вам второй случай, который меня спас, связанный с шапкой, которая была сшита моей мамой.

Работа в госпитале продолжается, поступают раненые, идут операции. У меня лежат с ранениями верхних конечностей. Наш шеф, главный хирург фронта Александр Александрович Вишнеvский, тогда уже много издал инструкций по лечению таких ранений. Я очень быстро увлекся этой работой, и для лаборатории у меня времени не остается, да там и делать было мне нечего. Так продолжается несколько месяцев. Наконец, вышестоящая комиссия проверяет состояние работы в госпитале. А я, когда прибыл, сразу же в сарае сделал дезинфекционную камеру. Нашли бочки, металл, материал строительный и сделали дезкамеру, а в отделении у меня лежали 110 раненых. И у каждого поступающего в отделение брили все места, которые возможно и невозможно, потому что были гниды, раненых мыли хорошо, а все белье обрабатывалось в дезкамере. Это делали только в моем отделении. Другие, было там еще три отделения, считали, что все будет нормально и без этого.

И вот комиссия, которая все проверяла, собирается на совещание, а перед совещанием приглашает мою старшую сестру. Она была исключительная женщина, уже в возрасте. Опыт, дисциплина, а самое главное, способность руководить коллективом была невероятная. Ее, Екатерину Сергеевну, с ходу узнавали все наши работники отделения, и, что бы она ни сказала, делалось немедленно. Когда я жил в этом отделении, у меня прямо в кабинете стояла кровать, я утром выходил, зная, что старшая сестра идет сзади, и пальцем проводил где-то по подоконнику, по какой-то планке, и она замечала, что я поморщился. Следом за этим выходили две-три сестры с тряпками, со швабрами и терли, чистили, т.е. она с одного намека все понимала, и в отделении был блеск у нас исключительный. Ну и, кроме того, вшивости вообще не было.

И вот, когда комиссия пригласила эту старшую сестру и спросила: «Мы посмотрели весь госпиталь. Почему во всех отделениях есть вшивость, небольшая, но на каждом из десяти человек мы находили гнид и вшей, а в вашем отделении, сколько не искали, ничего нет?» Она им говорит: «А как им быть? У нас начальник, Петр Николаевич, сделал дезкамеру, сказал, как на ней работать, приказал нам всем, чтобы мы выбривали все подмышки, все места, которые вызывают

сомнение, поскольку на них гниды откладываются, и поэтому у насшей не может быть». Следом за ней вызывают меня. Спрашивают: «Вот сестра сказала, что вы построили дезкамеру, вот то-то, то-то. Что вы заканчивали?» Я говорю: «Второй Московский медицинский институт». — «Так, а еще что-нибудь, может?» Я говорю: «Ну, аспирантуру». — «Как аспирантуру?» — «Так, аспирантуру». — «По какому разделу?» — «По особо опасным инфекциям». — «Видали, отсиживается и думает, все так пройдет».

Немедленное назначение, и куда, вы думаете, меня назначают? Меня назначают уже начальником другого госпиталя, № 3420 днепропетровского формирования. В этом госпитале было 45 медицинских сестер, красивых девочек, они все были комсомолками, и я комсомолец. И когда я принимал этот госпиталь, майор Пожарицкий, который был до меня там начальником, рекомендовал мне, кого нужно увольнять, а кого не нужно. Я ему ответил, что мы это потом обсудим. После продолжительных рассуждений акт о сдаче и приемке госпиталя был подписан. Мы сели с Пожарицким обедать. Это был прощальный обед, но он был испорчен тем, что Пожарицкий настойчиво повторял мне фамилии лиц, которых нужно было удалить из госпиталя. Естественно, я это пропускал мимо ушей.

Начинать свою работу с того, чтобы кого-то увольнять, было просто нельзя, я еще не знал людей, не знал обстановку. Ну, а работа началась с обычной истории. Собрал я врачей. Пришли ко мне, извините, замызганные, запущенные люди. Грязные воротнички, пуговицы нечищенные, сапоги нечищенные, в общем, смотреть на них было неприятно. Я спрашиваю: «Что за вид? Почему такой?» В госпитале не было ни душа, ни санитарного пропускника. В течение четырех дней силами выздоравливающих, медицинского персонала мы все-таки в этой школе сделали санитарный пропускник, навели порядок в коридорах, на кухне, и вы знаете, за несколько дней как-то все преобразилось. Люди стали более опрятными, чистыми, все было, как говорят, на мази, и работа продолжалась.

Но что оставалось еще нетронутым? Госпиталь большой, персонала много, раненых тоже, но питание в то время было с перебоями, и не всегда можно было хорошие продукты достать, но все-таки наш персонал по окрестным деревням находил кое-какие продукты, особенно овощи, которые и привозил в госпиталь. Моя задача заключалась в том, чтобы каждое утро ходить с начпродом и поваром по всем отделениям и спрашивать у раненых и боль-

ных: «Что бы вы хотели сегодня на обед?» Были разные, естественно, запросы, но мы все-таки записывали основные просьбы, и эти просьбы выполняли.

Были двухъярусные нары в этом госпитале, пестрые одеяла, пестрые подушки, наволочки — все было пестрое, но главное было только одно — очень монолитный, очень хороший состав медицинских сестер, которые работали, не покладая рук. Так продолжалось долго, и вот однажды, месяца через два, а может быть, через три после начала моей работы приехал в госпиталь начальник санитарного отдела 4-й армии полковник медицинской службы Александр Григорьевич Парамонов. Я познакомился с изумительным человеком, хорошим, порядочным, понимающим своих подчиненных и всегда поступавшим так, как позволяла ему его совесть. Александр Григорьевич Парамонов мне сказал, что он был в Боровичах и говорил там с ранеными и больными, которые отправлены из нашего госпитального комплекса. И все просили отвезти их обратно в госпиталь № 3420. Он им говорил: «Может быть, в № 3740, госпиталь рядом, очень хорошо оснащенный?» — «Нет, в № 3420, в тот госпиталь, где высокий молодой начальник». — «А в чем дело, почему?» — «Да потому что он о нас беспокоился, мы там хорошо питались, и там отличный персонал».

И вот Александр Григорьевич говорит: «Я объявляю тебе благодарность за хорошую работу, а сейчас собирайся, поедем в санитарный отдел, ты мне нужен там». Мне пришлось собрать медицинских сестер, весь персонал и попрощаться. И вот сидим мы, разговариваем за чашкой чая, и вдруг одна из сестер встает и говорит: «Товарищ начальник, почему вы, молодой человек (а мне действительно было всего лишь 27 лет), никого из нас, из 45 сестер, не выбрали? Неужели мы все такие неприглядные?» Я ответил медицинской сестре, что если бы я обратил внимание на одну из 45 сестер, то как бы остальные 44 на меня посмотрели? В компании сразу же поднялся шум. «Конечно, мы по-другому бы отнеслись к вам и к вашей избраннице». — «Вот видите, поэтому я, невзирая ни на что, все-таки не счел возможным вот этим делом заниматься».

И второе: уходя, Пожарицкий особенно почему-то настаивал на увольнении из госпиталя Ворониной, начальника аптеки. Почему он это делал, не знаю, но я с Ворониной столкнулся, с ее исключительным отношением к руководству. Комиссия головного эвакуационного пункта проверяла госпиталь, ну и занялась, конечно, про-

веркой аптеки, а перед этим я на восьмое марта собирался с товарищами по прежней службе в другом учреждении и не мог прийти туда с пустыми руками, потому что продукты везде были, а достать спиртное было большой проблемой. Я зашел к Ворониной, протянул ей записку: «Прошу мне выдать пятьсот кубиков спирта». Она на меня посмотрела, налила этот спирт, завернула и отдала. Я записку оставил у нее на столе. И когда комиссия проверяла аптеку, у Ворониной в журнале была отметка об этом спирте, а кому выдано, она не написала. Они довели ее до истерики, до слез, пытались узнать, кому она выдала спирт. Она говорит: «Я начальнику ничего не давала. Он у меня ничего не спрашивал, это какая-то подделка, записка осталась на столе, но он это не писал». Я в присутствии этой комиссии пригласил Воронину и сказал: «Не надо нервничать, я у вас взял спирт, и, пожалуйста, пусть комиссия отметит эти мои действия как незаконные и я буду нести ответственность. А вы здесь ни при чем». Вот это Воронина! Она плакала, чтобы не выдавать меня. Вот какое отношение персонала было ко мне.

В общем, я собрался и с Парамоновым прибыл на станцию Хвойная, где стояли штаб 4-й армии и санитарный отдел армии. Я был назначен начальником противоэпидемического отделения санитарного отдела армии. В состав этого отделения входил главный эпидемиолог армии, тогда это место занимал Василий Федорович Дубровин. Ему было тогда лет 56–57. Это был опытный эпидемиолог, изумительного характера, только что вернувшийся из Китая, знавший эпидемиологию по существу. Около станции Будогощь был овраг, в землянках которого размещался второй эшелон штаба. Мы с Василием Федоровичем жили в одной землянке. Он не называл меня начальником, а называл Петрусем, потому что мне было 27 лет, он вполне годился мне в отцы, и здесь субординация была ни к чему. Я к нему относился с большим уважением, предупреждал его какие-то небольшие просьбы, за что он был очень признателен.

Однако однажды я его подвел. В первомайский праздник мы шли обедать в военоторговскую столовую. А в то время вышел приказ, что все военнослужащие должны носить с собой противогазы, поскольку это тоже оснащение военнослужащего, такое же, как оружие. Я выхожу из землянки и вижу, что Василий Федорович на плече несет сумку с противогазом. Я говорю: «Василий Федорович, ну идем же завтракать Первого мая в столовую —

я же не беру с собой противогаз. Оставьте и вы. Сейчас покушаем, тогда вы опять возьмете». Он на меня посмотрел и, вернувшись в землянку, положил противогаз к себе на койку. Идем мы к столовой, и вдруг около самого входа в столовую стоит полковник Сербин, начальник тыла армии, человек, который требовал выполнения всех распоряжений и не прощал тому, кто не выполнял его указания. Он смотрит на Дубровина и говорит: «Слушайте, полковник Дубровин, как вам не стыдно. Какой вы пример подаете молодому майору, который с вами идет? На каком основании вы сняли свой противогаз? Был же приказ, чтобы противогазы носить с собой». Василий Федорович стоял, руки по швам, слушал и молчал. Сербин ушел. Мы зашли в столовую. Аппетит у Василия Федоровича был уже испорчен. Мы вышли, и он говорит: «Вот, Петрусь, послушал я тебя. Вот теперь полковник Сербин будет ко мне придирааться». Однако полковник Сербин к нему не придирался, все обошлось и пошло своим ходом. Работа оставалась работой.

Нам с Василием Федоровичем в отделении подчинялись обмывочно-дезинфекционные роты (ОДР), санэпидотряд (СЭО), банно-прачечные отряды. А еще Парамонов, в отличие от многих начсанармов, как я узнал, подчинил нам и инфекционный госпиталь, считая, что этот госпиталь является противоэпидемическим учреждением. Там впервые ставится диагноз инфекционных заболеваний и начинают приниматься меры, которые должны ликвидировать эту заболеваемость в армии. В обычных армиях инфекционный госпиталь входил в состав лечебных учреждений и подчинялся начальнику первого отделения.

Кто тогда входил в состав санитарного отдела армии? Начальником первого лечебного отделения был Гриша Сорин, его заместителем был Миша Милютин, начальником третьего отделения банно-прачечного обслуживания был Лазарь Гортаницкий, начальником отделения кадров был Арнольд Лапидус, которого я знал по институту. Он никогда не имел с собой записей, в журнал даже иногда не записывал, но в голове у него всегда выстраивались четко все события, с которыми он сталкивался и которые нужно было запомнить. Этот Арнольд Лапидус поражал своей памятью, и, когда нужно было навести какую-нибудь справку, он здесь же возникал и давал точную справку. Можно было проверить по всем документам, все совпадало. Дальше были терапевт Степус, хирург Шрайберг, гинеколог Футерман, токсиколог, ну и

другие специалисты, которые составляли основу санитарного отдела, руководившего медицинской службой всей армии.

Однажды мы получили телеграмму, что с летучки, которая проходила через Будогощь, на этой станции сошла женщина, у которой на петлицах было два кубика, а петлицы зеленые. Тогда зеленые петлицы были у всех военнослужащих, а с двумя кубиками это может быть и медицинская сестра, и связистка, и химик, то есть любой специалист. Это средний офицерский персонал, к которому относились многие специальности, представленные в армии. Так вот, сообщалось, что пять летчиков ехали с этой женщиной в одном вагоне, и трое из них заболели сифилисом. Фамилию этой женщины они не знают, но описывают ее как стройную женщину с двумя кубиками на петлицах. Это была очень серьезная информация — если она сошла у нас в армии, значит, заражение может быть и у других людей. Но кто она? Химик, инженер, связистка или медик?

Стали мы искать эту даму. Искали дней десять, всех перебрали. Наконец, Арнольд Лapidус сказал: «Как раз в то время прибыла одна медицинская сестра, и она, по моим данным, была направлена в такой-то полк. Дальше я за ней не следил». Так он сказал и фамилию назвал — Яковлева. Через два дня ко мне в землянку явился старший врач полка, куда отправлена была эта женщина, с начальником аптеки. Оба молодые военнослужащие. Встали оба, молчат, и первым заплакал старший врач полка. Я спрашиваю: «Что случилось? По какому случаю слезы в землянке?» После осмотра выяснилось, что у него свежий сифилис, так же, как и у начальника аптеки. Я сразу понял, что это то же самое, что было у летчиков, только происходит уже у нас в армии. Спрашиваю: «А кто эта женщина?» Они ответили, что она к ним прибыла, поработала две недели, потом перешла куда-то в другой полк.

Этих людей мы отправили лечиться, а вот этот другой полк стали разыскивать. Наконец, нам стало известно, что Яковлева находится в 24-й артиллерийской бригаде. Что оставалось делать? Была зима, дороги уже малопроходимые, особенно к переднему краю. Сел я в сани и поехал в эту бригаду. Приехал я часов в десять вечера и сразу обратился к командиру бригады. Меня проводили к нему в землянку, он жил вместе со своим комиссаром. Я сообщаю, что приехал по такому-то случаю, что у вас служит медицинская сестра Яковлева. Она, может быть, даже имеет фельдшерское обра-

зование, она носит на петлицах два кубика. Командир обращается к комиссару и говорит: «Посмотри, комиссар. Им там в тылу, наверное, не хватает женщин, так они вот к нам приезжают, чтобы этих женщин забирать. Она сейчас у нас находится на артиллерийских позициях. Завтра за ней пошлю, а ночью туда пробираться трудно, а пока садись. Давай выпьем, закусим». Я сказал, что, конечно, сяду, и выпью, и закушу, но все-таки она мне нужна немедленно. Командир бригады пожал плечами и говорит комиссару: «Ну, такое вот желание у молодого человека — побыстрее встретить эту особу», и оба они усмехнулись. Однако все-таки отправили ночью за Яковлевой сани, а я пошел спать в отведенную мне землянку.

На рассвете я услышал, что кто-то скребется ко мне в дверь. Встал, оделся, открыл дверь — стоит предо мной очень красивая женщина 22–23 лет, с прекрасной фигурой, подтянута, причесана, и шепотом мне говорит, что она Яковлева. Я спросил: «Что у вас с горлом?» Она ответила, что уже полмесяца как ничего не может сказать, потому что пропал голос. Она уже потеряла голос, у нее уже была вторая стадия сифилиса. Я ее пригласил сесть и стал рассказывать, что случилось и где случилось, дал ей бумагу и попросил написать всех лиц, с которыми она была в контакте, кого она помнит, может, по фамилии, может, по званию, может, по другим признакам: в каком полку, в какой бригаде, в каком батальоне. Она за это время прошла около четырех армейских подразделений. Она стала писать и записала мне всего 47 человек.

Я говорю: «Яковлева, скажите, что за причина была, что вы с ними вступали в половую связь?» Она на меня посмотрела и говорит: «А мне, наверное, просто их было жалко, и я не считала нужным этого удовольствия их лишать». Затем я послал ее в медсанроту бригады, где врачи ее осмотрели по существу и немедленно отправили на лечение. Я пришел к командиру бригады, комиссар здесь же был, и сказал, что вынужден увезти Яковлеву в санитарный отдел армии и там отправить ее на лечение. Командир бросил реплику: «Видали, приехал и увозит. А что с ней?» Я показал список лиц его бригады, с которыми она вступала в половую связь. «По нашим данным, значительная часть из них будет заражена сифилисом. У нее вторая, заразная стадия сифилиса». Они посмотрели список, и тогда комиссар говорит: «Слушайте, доктор, не пишите нас в список, но надо нас тоже обследовать. Вы знаете, как получилось? Прибыла к нам эта Яковлева несколько

дней назад. Зашла к нам в землянку красивая особа, но с голосом у нее было немножко не все в порядке, но мало ли что, простуда, думали. Мы сели, выпили, покушали, а у командира в это время уже готова была баня. Он должен был пойти в баню в землянку. Он говорит: "Я пошел в баню". Ушел с бельем, с веником туда. Я остался с ней. Она посидела, говорит: "Давайте я пойду, помогу командиру одеться или еще что-то, ведь он все-таки командир", а я, не понимая, отпустил ее». Командир рассказывает: «Я парился. Вымылся, выхожу одеваться и смотрю — сидит передо мной полностью обнаженная красивая женщина». Командиру было года 42. Он говорит: «Я давно не видел женщин. Я не мог удержаться, и у меня с ней была любовь. Я оделся, ушел и говорю комиссару, вот там то-то, то-то, ты смотри, вот она так себя держит. Он на меня посмотрел, ничего не сказал, пошел в баню, и у него тоже была с ней любовь. Потом она пришла к нам в землянку и несколько раз переходила от меня к нему в этой землянке. Вот поэтому, доктор, если лечиться, то и нас нужно обследовать». Это дело закончилось тем, что всего человек 8 из 47 оказались зараженными.

И вот однажды, когда уже была прорвана блокада и мы стояли под Ленинградом, я, проходя мимо кабинета начальника отделения кадров, услышал возмущенный женский голос. Этот голос что-то мне напомнил. Женщина кричала: «Почему я не могу работать в госпиталях? Что за порядки? Я хочу работать!» Я открываю дверь и вижу: в гражданском костюме, она уже была демобилизована, стоит Яковлева. Как увидела меня: «Товарищ майор! Спасибо, что вы меня отправили лечиться. Я совсем здорова, и скажите вот этим людям, чтобы они отправили меня работать куда-нибудь в госпиталь». Я видел Яковлеву в последний раз. Наверное, она до сих пор жива, но так у нее сложилась тогда жизнь. Это был исключительный случай, когда пришлось зимой по всей 4-й армии искать человека который был источником такого заболевания как сифилис.

Потом мы получили сообщение, что 4-я армия расформируется. В это время, приезжая в нашу армию, начальник санитарного управления фронта генерал Песис намекнул Парамонову, что он, наверное, заберет у него меня. Александр Григорьевич, понимая, что, по-видимому, когда я уеду из армии, армия расформируется, сказал: «Знаешь что, немедленно езжай в Москву, любую командировку я тебе подпишу, и сиди там до тех пор, пока

я тебя телеграммой не вызову». Я не мог не послушаться Александра Григорьевича. Он никогда неразумных вещей не подсказывал, и я сел в поезд и уехал в Москву. В Москве я обратился к Леониду Моисеевичу Хатаневу, моему шефу, который работал в лаборатории по изготовлению диагностических препаратов для обеспечения действующей армии. Он, когда увидел меня, так обрадовался! Говорит: «Наконец-то я не одинок буду. Мне сейчас очень трудно одному работать, у меня есть помощница, но это не то, что нужно. Пойдем в Главное военное медицинское управление. Я буду просить, чтобы тебя ко мне на несколько месяцев прикомандировали». Я говорю: «Леонид Моисеевич, это невозможно, я в действующей армии». — «Это мы потом посмотрим, пошли». Мы приехали на улицу Горького, дом 20, где находилось Главное военное медицинское управление. Начальником управления был Ефим Иванович Смирнов, генерал-полковник, человек уважаемый и известный в армии давно. Леонид Моисеевич зашел к нему вместе со мной с просьбой прикомандировать меня временно к лаборатории. Тот, не возражая, отдал приказ, что я прикомандирован к отделу особо опасных инфекций.

В отделе началась моя жизнь с событий, представлявших определенный интерес для всех работающих. Отдел получал свежее мясо в виде коровьих туш. Эти туши разделялись, отделялись мясо, сухожилия, кости. Отходы, которые оставались после приготовления питательных сред, взвешивали, а потом делили на всех сотрудников отдела. Каждый получал сверток этих отходов. В то время это было питание для семьи. Так вот, ко мне обратились сотрудники, знавшие меня еще по аспирантуре, и говорят: «Мы просим вас создать комиссию, которая бы делила эти остатки туш на равные части, потому что мы не можем смотреть, когда некоторые у нас (а некоторые были одна дама и ее помощница) уносят свертки раза в четыре больше, чем все остальные». Я был с этой дамой знаком, она была женой большого начальника в Наркомздраве, не хочу называть сейчас ее фамилию. Так вот, при следующей разделке туши я был свидетелем, и все поделили поровну. И сотрудники пришли ко мне и сказали спасибо за то, что наконец-то всем поровну досталось. А та дама зашла и выразила свое возмущение тем, что я вместо того, чтобы заниматься работой, делю какие-то кости и сухожилия. Я извинился и намекнул, что это тоже работа, которую меня просили выполнить

сотрудники нашего отдела. Для них это очень важно, потому что улучшает их питание.

Я уже углубился в работу отдела, как вдруг пришла телеграмма от Парамонова: «Срочно приезжай под Новгород в 59-ю армию». Я немедленно оформил документы, простился с персоналом отдела, с Леонидом Моисеевичем и выехал под Новгород.

Под Новгородом готовилась операция, уже сформировалась 59-я армия, и был на месте Василий Федорович Дубровин, эпидемиолог армии. Как только я приехал в санотдел, Василий Федорович взял меня за руку, и мы пошли к Александру Георгиевичу Парамонову. Василий Федорович обратился к нему с такой просьбой: «Товарищ полковник, я уже стар, мне трудно ходить, передвигаться. Я вас очень прошу, назначьте вместо меня Петра Николаевича эпидемиологом армии, вы не ошибетесь». Александр Георгиевич согласился с этим предложением и назначил меня эпидемиологом армии, а начальником отделения стала доктор Левина, женщина пожилая, майор медицинской службы. Она принесла нам много хлопот, была неусидчива и всегда беспокойна. Она занималась своим делом, но не в такой степени, в которой это нужно было делать тогда. Правда, через несколько месяцев вместо майора Левиной пришел Володя Стамер из Ленинграда. Я сейчас не знаю, наверное, он жив и здоров, я хотел бы, чтобы так и было. Это замечательный человек, с которым связала меня судьба. И наступление, и освобождение Новгорода, и дальше наступление на Германию, и освобождение Кракова, освобождение Праги — это все было с Володей Стамером. Он исполнял обязанности начальника отделения, а я был главным эпидемиологом 59-й армии. Так продолжалось до конца войны.

Готовилась операция освобождения Новгорода. Реки и озера были скованы льдом. Немцы вокруг Новгорода резали лед различными машинами, чтобы там нельзя было пройти человеку, чтобы лед проваливался, т.е. оберегали себя от наступления с нашей стороны. Под Новгородом, на западном берегу Волхова, где находился наш армейский батальон, который форсировал Волхов. Была команда проверить, как живут там в батальоне на переднем крае солдаты, офицеры, и, самое главное, был приказ командующего армией немедленно освободить всех женщин, которые находятся в передовых частях нашей армии, в том числе и в этом батальоне. По нашим сведениям, в этом батальоне нахо-

дилась одна женщина, которая не подчинялась этому приказу и была там уже несколько месяцев.

Ночью нас саперы переправили в этот батальон. Нас было в комиссии восемь или девять человек. Мы прибыли ночью в этот батальон, а должен оговориться, что во время стояния в обороне сложилась такая ситуация, что в определенные часы ночи ни немцы, ни наши войска не выпускали ни одного снаряда, не выстреливали ни одного патрона. Наступала какая-то обоюдная тишина, никто не воевал, все как будто отдыхали. В это время мы переправились в этот батальон. Первое, что обращало на себя внимание, — благоустройство этого батальона. Мы были поражены и оборудованием, и оснащением землянок и блиндажей. Они были приведены в отличный порядок. Солдаты были в возрасте, моложе тридцати там уже никого не было, это был батальон из сибирской дивизии. Ухожено, чисто, опрятно у всех солдат, где бы мы ни были, а в землянках, блиндажах находилось, как правило, по 2–3 человека. Подшиты чистые воротнички, зашиты гимнастерки, пришиты пуговицы, то есть полный порядок. Единственный был недостаток — не хватало курева. Однако мы это знали и принесли с собой и махорку, и сигареты, и папиросы. Это был большой праздник для них, потому что перебои они чувствовали только в этом, а не в питании.

Я познакомился с этой женщиной, которая не покидала батальон. Ей было лет за 30, статная, высокая особа. Она осталась там из банно-прачечного отряда, когда отряд приезжал туда забирать белье. Она сказала, что не уедет от этих людей, она с ними сжилась, это ее люди, и ее здесь, в батальоне, никто еще ни разу не обидел, и если она кому-то отдавала предпочтение, все это знали, но никогда никто претензий к ней не предъявлял. Вы знаете, такая идиллия была рассказана, что мы просто смотрели и не могли эту женщину отозвать, потому что солдаты полностью поддерживали ее. Они рассказали, что она сегодня в одной землянке, завтра в другой, она обходит весь передний край батальона, и везде ее принимают как родную, она везде помогает всем солдатам, офицерам, которые там находятся. Мы, конечно, оставили попытку отозвать эту женщину. Будем докладывать командующему, что вот такая ситуация сложилась.

Все было сделано, приближалось утро, и нам нужно было уходить из этого батальона. Мы подошли к западному берегу

Волхова, и вдаль уже просматривался силуэт взорванного моста через реку в районе Новгорода, и в этих развалинах моста стояли, как нам сказали, батареи шестиствольных немецких минометов. Нас погрузили саперы в резиновые лодки и быстро переправили на ту сторону. В разговоре сказали: «Что-то немцы давно не стреляли, и мы сидим без рыбы. Вот когда они стреляют, попадают в воду, всплывают хорошие щуки, налимы, лещи, мы всегда бываем с рыбой. А вот несколько дней они уже не стреляют, и мы сидим без рыбы». Нас высадили на восточном берегу Волхова. Там растет кустарник в 30 метрах от берега, все члены комиссии садятся и начинают закуривать. Я говорю: «Слушайте, давайте перейдем за кустарник, потому что нельзя же на виду у немцев сидеть и курить, это очень опасно». Мне отвечают: «Давай хоть посидим немного на Волхове, пока еще тихо, спокойно». Однако все-таки все поднялись, зашли за этот кустарник, и здесь нас оглушил одномоментный взрыв шести снарядов. Они легли точно на то место, где мы только что сидели. Вот как хотите считайте, это случай, событие, какая-то судьба, я не знаю, но это было, и мы стояли бледные. Столб снега, песка и пыли поднялся над нашими головами от взрыва мин шестиствольного миномета.

Началась операция по освобождению Новгорода. Это была очень сложная операция. Немцы не ожидали, что наше командование сосредоточит войска между берегами рек, которые впадали в Волхов, и по сигналу одномоментно из всех мест сосредоточения все эти войска двинутся на Новгород. Немцы бежали, бросая абсолютно все. Когда наши войска, окружили Новгород, там немцев было уже мало, город был взят быстро и с малыми потерями. Операция еще шла, раненые поступали, и я поехал однажды ночью в госпиталь, где работала моя будущая жена Татьяна. Начальником госпиталя был Михаил Сергеевич Овчинников, пожилой человек, доверчивый, любознательный, внимательный и очень вежливый.

Я стал искать госпиталь. Во время операции было трудно выбирать удобные места, а надо сказать, что и артиллерийские батареи находились в укрытиях, и наши госпитали, которые сменяли медсанбаты, тоже выбирали места, которые были бы защищены от артиллерийского огня. И вот на одной такой площадке я заметил палатки госпиталя. В стороне стояла палатка начальника. Зашел к нему, он был очень рад. У него горела металлическая

печурка, было очень тепло. Я снял полушубок, сели, и он предложил закусить, а потом остальное посмотреть. Михаил Сергеевич сообщил, что поток раненых еще идет, подвозят и подвозят, но самое тяжелое то, что госпиталь встал не просто на полянке, а на замерзшем болоте — не видели, что это болото под снегом. И то, что я увидел, никогда мне больше в жизни не пришлось видеть.

При входе стояли три большие госпитальные палатки: приемная, операционная и палатка, где после операции люди ожидали эвакуации по госпиталям. Когда мы вошли в приемную, на полу было сыро, посередине стояла бочка из-под бензина с трубой и поддерживала высокую температуру. Здесь находились раненые. Сестры их обходили, смотрели, у кого какая рана, куда его класть, оперировать или не оперировать. Короче говоря, шла профессиональная сортировка всех поступающих. Однако, когда мы зашли в операционную, я был поражен увиденным. В операционной стояли две бочки, которые жарко топились, между бочками — операционный стол, но самое ужасное было в том, что сестры и хирурги, в том числе и моя будущая жена Татьяна, стояли по колено в воде. Таял лед, палатка опускалась вместе с этим льдом все ниже и ниже, операцию прекратить было невозможно, шел поток раненых, и эти люди уже несколько часов стояли в воде и оперировали.

Когда сейчас некоторые остряки говорят, что 23 февраля — это 8 марта для мужчин, подчеркивая тем самым, что 23 февраля это мужской праздник, я считаю это неостроумным, потому что, когда мы говорим об освободителях, мы не делим их на мужчин и женщин — женщин участвовало в войне очень много, и очень много их погибло. Женщины выполняли огромную работу, и 80% возвращенных в строй раненых и больных — это работа женщин, в госпиталях работали в основном женщины, не считая, может быть, ведущих хирургов, но и там иногда работали женщины. Как же можно день освободителя — День армии, считать только мужским праздником?

Новгород уже был освобожден. Начались другие события. Армия готовилась к погрузке, к перемене дислокации. Наступил период прорыва блокады Ленинграда. Эта операция исключительно серьезная, а поскольку я уже в финскую кампанию немножко был знаком с Финляндией, после прорыва блокады я оказался в

Выборге. Город тогда был очень молчаливый, тихий, спокойный. Однако там тоже происходили события, которые остались в моей памяти до сих пор. Мы оказались на Карельском перешейке под Выборгом в теплое время, и, когда позволяла обстановка и наступало затишье, я брал удочки и шел на берег порыбачить. Рыбалка там была хорошая, а удочки с крючками стояли около каждой финской бани. Финны тоже занимались такой практикой, и эти удочки оставили после отступления.

Так вот, я любил удить рыбу, а Овчинников, у которого работала моя супруга Татьяна, любил жареную рыбу, но очень боялся подавиться костями. И поэтому, когда Овчинников сидел и ел рыбу, это был процесс очень длительный. Он укладывал каждую рыбешку на тарелку, внимательно ее обследовал и потом приступал к еде. Моя рыбалка была связана и с желанием преподнести Михаилу Сергеевичу свежую рыбу. Но это отступление я хотел бы сделать в связи с другим событием.

В подчинении у меня был майор Попов — командир обмывочно-дезинфекционной роты (ОДР), человек очень серьезный, работающий. Раньше он служил в полку. Говорят, что он освоил подрывное дело, знал, что такое взрывчатка. И была у него особенность: он увлекался не рыбной ловлей, он увлекался рыбой, которую глушил на водоемах, а подрывные устройства делал сам. Тол был доступен тогда всем. Попов наполнял толom пустые консервные банки, делал шнуры к ним, выезжал на лодке и бросал эти снаряды, собирал рыбу и приезжал на берег. Так он обеспечивал себя и даже свою роту свежей рыбой.

И вот однажды, сидя у зарослей камыша, а там было глубокое место, 1,5 метра, я на прикормленном месте при закате солнца получал огромное удовольствие — хорошо клевала плотва, и вдруг увидел, что на меня двигается лодка, впереди в лодке стоит Попов, а солдат гребет веслами. Не доплывая до меня метров 50, Попов что-то зажигает, бросает в воду и кричит: «Ты что стоишь? Сейчас взорвется!» Я как был, в летней амуниции, с пистолетом, сразу с лодки спрыгнул в воду. Когда я поднялся на ноги из воды, увидел, что Попов стоит в лодке и хохочет. Оказалось, что он бросил на воду комок бумаги, смоченной бензином, а крикнул, что это взрывчатка, и был очень доволен, что я прыгнул. Ну и намок я, конечно, полностью, только фуражка осталась сухая, которая плавала около меня. Я это не мог простить, сказал ему «хорошие

слова», которые в этих случаях говорят, и мы расстались. Я потребовал, что бы он закончил свою практику, потому что он когда-нибудь так себя погубит.

И вот настала осень, приближались октябрьские торжества. Я сидел у себя в комнате, заходит ко мне шофер от Попова и говорит: «Знаете, майор послал меня к вам, он сейчас в машине находится, и просит вас, чтобы вы вместе с нами поехали на рыбалку. Нам нужна к октябрьским торжествам свежая рыба». Я сказал, что не поеду и что осуждаю его практику, но не могу здесь ничего сделать. «Ну, хорошо, — сказал шофер, — тогда мы поехали». Через четыре часа он же, но уже очень бледный и без шапки, заходит опять ко мне в комнату. Я почувствовал что-то ужасное и спрашиваю: «Что случилось?» Он невнятно мне говорит: «Пойдемте вниз, сами посмотрите». Я спускаюсь вниз, выхожу на площадь, стоит крытая машина. Открываю брезент и вижу: лежит в белом полушубке труп Попова без головы. Мне стало плохо. Я быстро ушел и потом только стал выяснять, что случилось.

Шофер рассказал, что они выплыли на плес, где Попов должен был глушить рыбу. Шофер сидел на веслах, Попов стоял на носу лодки и курил трубку. От горячей трубки на ветру Попов стал прижигать фитиль, который шел в банку с толом. Шофер видел, что он прислонил этот фитиль к трубке, потом раздался взрыв, и он был опрокинут в лодке, но, когда поднялся на сиденье, Попова в лодке не было, а возле лодки плавал тулуп. Он взялся за тулуп, и оказалось, что это тело Попова, но без головы, голову так и не нашли. Он втащил труп в лодку, приплыл, попросил других своих товарищей, и они погрузили этот труп в машину и привезли ко мне. Значит, хотя Попов и знал подрывное дело, но он присоединил к взрывному устройству разрядный шнур, и, когда зажег его от трубки, банка с толом фактически взорвалась у него в руках. Это было тяжелое событие, которое я до сих пор не могу забыть.

Однако дело есть дело. Прошло несколько дней. К этим октябрьским торжествам проходили награждения людей, отличившихся и в прорыве блокады Ленинграда, и в предшествующих операциях. А у меня очень хорошим, ну, если не сказать покровителем, то человеком, который как-то понимал меня, с которым мы очень часто общались, был генерал, начальник штаба нашей 59-й армии. Его так и звали все просто «гвардия», это был гвардии генерал-майор Ковальчук. Изумительный человек, характера

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

неподражаемого, оптимист большой, и, конечно, знавший свое дело в совершенстве.

Я пришел в отдел, а перед этим собиралась делегация из четырех человек ехать в Москву. Им дали командировку за отличие, они могли поехать к своим родственникам дней на десять. Они пригласили меня в компанию, чтобы отпраздновать это событие, которое не часто случалось в нашей жизни. Нас было пять человек за столом. Я сказал: «Знаете что, если уж вы хотите выпивать, то давайте записывать, кто сколько выпивает, просто для интереса». Так и решили. В итоге была куплена водка, и там я впервые увидел маленький бочонок с сельдью. Говорят, это с Соловецких островов, запасы там нашли этой маринованной сельди — блюдо конечно, исключительное. Спокойно подтрунивая друг над другом, мы выпивали налитые мерные рюмки, записывая за каждым сидящим количество выпитой водки. Водка была куплена в военторге. Может быть, крепость ее не соответствовала написанной на этикетке, но, тем не менее, я выпил 1 литр 200 граммов.

Затем я поднялся и вернулся в отдел. Меня встретил Владимир Стамер и сообщил, что звонила Раиса Александровна, жена «гвардии», и просила меня прийти к ним, поскольку «гвардии» вручают орден Кутузова. Я вышел из отдела, перешел через Выборгскую площадь и подошел к подъезду дома, где жил «гвардия». Там у подъезда, охраняя его квартиру, стоял часовой, который и пропустил меня внутрь. В квартире был накрыт стол для встречи награжденного. Раиса Александровна попросила меня присесть с ней к столу и поесть, так как она до сих пор не ела, ожидая «гвардию». Я разделил с ней компанию, но при этом мне пришлось опять выпить полстакана коньяка. Тем временем вернулся «гвардия», разгрузил карманы от подарков и, как говорят, с ходу налил мне коньяк. Отказаться было невозможно. «Гвардия» посмотрел на меня и сказал, что впервые видит меня в таком состоянии. До этого случая такого не было. Я спросил: «Где можно поспать?» «Гвардия» показал мне спальню. Я лег и проспал ровно 36 часов, такого никогда в жизни не было. Я встал свежим человеком, все хорошо обошлось.

ЛЬВОВ. КРАКОВ

Из-под Выборга мы погрузились в эшелоны и направились на юг. В соответствии с оперативной обстановкой наша 59-я армия покидала территорию Ленинградской области, Выборг и отправлялась эшелонами на юго-запад нашей страны в район Львова, где должна была влиться в состав 1-го Украинского фронта. По служебной необходимости мне пришлось ехать отдельным поездом, я заезжал в Москву и потом уже направился во Львов. Во Львове надо было делать пересадку до Перемышля. Ночью там поезда еще не ходили. Во Львове тогда уже орудовали банды Бандеры, и был приказ, чтобы военные ночью не выходили из вокзала.

Я сидел в ожидании утра, когда на Перемышль пойдет поезд. Ко мне подошел гражданин, нормально одетый, и спросил, чего я жду. Я сказал, что должен ехать туда-то. Гражданин предложил мне пойти к нему на квартиру. «Но не выпускают же сейчас никого на улицу?» — «Ничего, нас с вами выпустят, не беспокойтесь».

Я посмотрел, он вызывал у меня доверие, а сидеть на вокзале всю ночь было очень трудно, и я пошел за ним следом к выходу. Охрана пропустила нас без вопросов. Пошли мы посередине улицы, не по тротуару, и шли в темноте минут 35–40 куда-то к окраине Львова. Пришли, он позвонил в дверь, ему открыла женщина, и, входя в подъезд, он спросил: «Что, опять уже приезжали?» Женщина показала в угол на большой сундук, где лежали полтуши свинины, какие-то овощи, свертки. Когда мы поднялись к нему на второй этаж по лестнице, он сказал, что он начальник уголовного розыска, а это ему периодически привозят бандеровцы, только просят, чтобы он не вмешивался в их дела, но ему не до них, это политический вопрос, у него другая работа, а они его не трогают и даже подкармливают. Утром он меня проводил на станцию, и я тронулся на Перемышль.

В Перемышле, пересев уже на армейскую машину, я поехал в сторону Кракова, который был уже окружен нашими войсками. Когда уже рассвело, недалеко от Кракова машина забуксовала, потому что таял снег и дорогу развезло. Из соседнего дома вышел поляк, одетый в легкий костюм, без шапки, и помог нам вытолкнуть машину из кювета. Он пригласил нас к себе в дом, быстро вышел куда-то в коридор и принес большую бутылку, закрытую бумажной пробкой. «Все, что я могу вам предложить, — сказал

он, — это свекольная самогонка. Я знаю, что вы советские войска, что вы пришли нас освободить. Если хотите, давайте вышьем за встречу и за знакомство. Ничего больше нет». Отказаться было очень трудно, потому что это было предложено от души. Мы сели и выпили по полстакана самогона, закусывать было нечем. У нас, правда, была свиная тушенка, но поляк отказался от этого угощения, сказав, что мы должны пользоваться своими пайками сами.

Я спросил его, почему он так легко одет. В ответ он расстегнул костюм — у него не было даже нательного белья. Так этот поляк жил многие годы — домик, земляные полы, и больше ничего нет. Это польская деревня. Много позже, когда мне приходилось останавливаться в польских деревнях, обычно нас подвозили к старосте деревни. Вот у старосты все было, была мебель, полы деревянные — все было на месте, и была одна особенность — когда вы ложитесь спать, то ложитесь не на перину, накрываясь теплым одеялом, а наоборот, ложитесь на прикрытые каким-то материалом доски, а накрываетесь периной. Сначала это озадачило, а потом я понял, что это очень хороший обычай, потому что на вас лежит перина и обогревает вас даже в очень холодную погоду.

Был еще такой случай. С нами вместе приехал начальник госпиталя легкораненых — очень энергичный человек, из моряков, подполковник. Говорили, что он плавал в свое время вместе с адмиралом Кузнецовым, но потом был по каким-то причинам списан с корабля, надел армейские погоны и уже подполковником служил у нас начальником госпиталя. Ему отвели для размещения госпиталя под Краковым большую школу, но, чтобы оборудовать эту школу под госпиталь, надо было вынести шкафы, парты, очень много мебели, которая никак для госпиталя не подходила. Что же делает этот начальник госпиталя? Он вывешивает объявления на перекрестках, что завтра с восьми часов утра бесплатно отпускает из этого здания разную мебель, книги всем желающим, но только при одном условии: они должны вынести всю эту мебель, убрать помещение и занести туда кровати, которые у него есть для больных и раненых. И что вы думаете? С утра образовалась огромная очередь. С телегами приехали поляки из поселков и окружающих деревень и в течение трех часов полностью освободили школу от этой мебели, вычистили помещение, протерли все, занесли туда кровати, сказали большое спасибо начальнику и разъехались. Вот решение вопроса, который бы занял

у начальника госпиталя очень много времени, если бы он обходился своими силами.

Начались бои за Краков. Они были непродолжительные, потому что сила удара была очень серьезная, а Краков обороняли «власовцы» вместе с немцами. Они побежали на Запад, и мы вошли в Краков. В Кракове не было освещения, ночь. Мы долго ездили на машине вместе с представителем санитарного управления фронта и искали место, где бы остановиться и переночевать. Улицы были пусты, людей никого не было. Армия тоже успокоилась, никто не передвигался. И вот нам показалось, что на углу улицы в трехэтажном здании из красного кирпича как будто мелькнула тень и включился свет. Мы подошли и стали стучать в дверь. Через несколько минут дверь открылась, стали спускаться люди, и передо мной оказался высокого роста широкоплечий поляк с черной повязкой на костюме. Он радостно нас встретил. Я спросил, в связи с чем эта повязка. Он сказал, что вчера убили его брата, это траур по нему.

Он провел нас на второй этаж, открыл дверь и говорит: «Ну, здесь пока нам делать нечего, давайте на третий этаж поднимемся». И вот, когда мы поднялись на третий этаж, за длинным столом сидели человек 15–16 поляков. У них был один стеклянный стакан и много бутылок с вином. Они наливали стакан и передавали друг другу. И когда дошла очередь до меня, на меня посмотрел представитель санитарного управления фронта и предупредил, что можно отравиться. Я не реагировал на его реплику, поскольку все эти люди уже несколько часов сидят, празднуют победу нашей армии и освобождение Кракова. Ну, у них стаканов нет, они все из одного стакана и пьют. Я выпил этот стакан вина, хорошего вина, после этого человек, который нас встретил, приглашает нас к себе ночевать. Спускаемся на второй этаж, он открывает дверь, заходим, окна занавешены коврами, спальня богато убрана, стоят две кровати, вернее две двуспальные кровати. И на той и на другой лежат женщины. Хозяин окликнул лежащую к нему поближе, сказал, чтобы они легли вместе, а эту кровать он уступал мне и комиссару. Мы встали и не знаем, как поступить. Женщины стали смеяться, начали острить. Стоит комиссар и говорит: «Знаешь что, давай ты туда ложись, а я здесь с краю лягу». Я ответил, что он все-таки комиссар и полковник, а я только пока еще майор, я тут с краю лягу, а ему уступаю место рядом

с женщиной. Женщины стали более энергично смеяться, потому что видели нашу растерянность. Потом они все-таки подвинулись, я лег туда в серединку, с краю от меня лег наш комиссар санитарного управления фронта. Хабаров, шофер наш, очень высокого роста, мощный мужчина, пришел и лег на ковер около кровати. Я потом спросил у него, зачем он это сделал. Он ответил: «На всякий случай, мало ли что могло случиться. Я был настороже. Да, имейте в виду, что пока вы спали, здорово храпели, хозяин через каждые полчаса заглядывал и посматривал, что с вами происходит».

Утром мы проснулись, умылись, оделись. Хозяин подошел ко мне, потрогал мой китель и заметил: «Наверное, сшито не хорошими мастерами. Я портной по специальности, я обшивал всех людей очень высокого ранга, и, если вы поедете через Краков обратно, не забудьте меня. Я вам за два дня сделаю такой китель, который вам никто не сошьет».

С этими словами мы сели пить чай. Я получил стакан чая от женщины, которая ночью лежала рядом со мной. По-видимому, она оценила наше весьма корректное отношение к ней и ее соседке по кровати — жене портного, и добавила в подаваемый чай что-то ароматное и вкусное. Чаепитие наше затянулось, но мы не могли дальше злоупотреблять гостеприимством хозяев, их радушием. Мы поблагодарили их за теплое отношение к нам, особенно ценимое в такое трудное военное время.

На следующий день я с женой и шофером Сагайдаком посетил только что открывшийся в центре Кракова около костела рынок. Хотелось кунить для жены наручные часы. Вскоре продавцы таких часов швейцарских фирм появились на рынке. Это были молодые люди примерно 20–25 лет. Они держали в руках шляпы, в которых было много всевозможных часов различных размеров, марок и разной стоимости. Я обратился к стоящему рядом поляку с просьбой объяснить, откуда в такое время появились эти хорошо одетые люди. Разве их место не в армии?

«Пан майор, то не наши люди, — ответил мне поляк. — То ваши, они следуют за вашей армией и успеют побывать в Швейцарии». Чтобы не быть обвиненным в антисемитизме, я не буду называть национальность этих людей.

КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Стояла отличная погода, Фашистская Германия капитулировала, но в Чехословакии одна немецкая дивизия еще не сложила оружие, оказывала сопротивление. Чешские патриоты преодолели сопротивление этой дивизии, разоружили ее, и под конвоем солдат эта дивизия двинулась в расположение нашей армии, в район Глейвица. Ожесточенные сопротивлением немецкой дивизии, чешские граждане били палками идущих по дороге немецких солдат и офицеров, невзирая на конвой. В жаркий день окна домов были открыты, и на подоконниках сидели советские солдаты, рядом с ними были немецкие дети, с которыми они играли, раздавали сахар и галеты. Как только показалась колонна немецких пленников, картина изменилась, наших солдат трудно было узнать: в котелках и кувшинах они выносили воду и давали пить измученным тяжелым переходом и избитым немецким солдатам.

Глядя на это, трудно было поверить, что только несколько дней назад эти люди встречали друг друга шквальным огнем пулеметов и автоматов. Вся дивизия остановилась в Глейвице, ее поместили в казармы, где в свое время формировалась армия фельдмаршала Паулюса, до того как разберутся с каждым, кого куда посылать и кого отпускать. Отпускать только потому, что в этой дивизии были люди, которые воевали с 1938 г., давно не видели свои семьи.

Помимо обычных обязанностей, которые я выполнял в армии, на меня возложили еще функции коменданта, который должен смотреть, чтобы в казарме был порядок, и я каждый день приезжал к этим солдатам и офицерам немецкой дивизии, общался. Что меня поражало? То, что даже в плену немецкий солдат не мог сидеть, если к нему подходил его офицер, тоже пленный. Ну, порядок был в казармах отличный, они аккуратно за собой убирали, люди они очень дисциплинированные. Однажды ко мне обратились двое военнопленных, один офицер, другой солдат, с просьбой отпустить их на пять дней из казармы. Деревня, где они жили, находилась примерно в 35 километрах от казармы. Они обязуются обязательно вернуться и меня не подвести, чтобы не считались бежавшими из этой казармы. Я растерялся. Мне было трудно решить вопрос. А к кому я должен обращаться, когда на

меня возложили всю ответственность за этих пленных? Я сказал, что они ведь могут не прийти. Это вызвало у них возмущение. Как вы можете так рассуждать? Мы просим отпустить нас, и, если вы нам доверите, мы вас не подведем. Я решил так: ну что случится, если они вдруг не вернуться? Ну, попадут в другие руки, опять их в плен возьмут, — и я их отпустил. Признаться, я очень переживал все эти пять дней. Наконец, они появились. В защитой, выглаженной амуниции, причесаанные, приглаженные, румяные, довольные невероятно. Они сказали, что через несколько лет побывали в семьях. Они очень мне признательны, и в знак признательности пригнали мне в подарок «мерседес». Это была новая машина, которая стояла под стогом сена у них в деревне, а хозяин машины сбежал. Я, конечно, такие машины редко видел, у нас в армии были другие. Я ее сдал по назначению, но этот подарок остался у меня в памяти.

Дни стояли теплые, дни отдыха. Однажды пришел ко мне врач, который работал в этом Глейвице, сказал, что у них в районах и в городе имеются случаи брюшного тифа, и попросил выделить им определенное количество брюшнотифозной вакцины. У нас тогда была поливакцина НИИСИ. Вакциной мы не торговали. Армия вакцину имела, и я подписал ему разрешение на получение партии вакцины, которую он просил. Он достал деньги, а тогда вышли уже новые немецкие марки, и начал мне отсчитывать. Я сказал, что денег не возьму, потому что это бесплатные прививки и мы готовы помочь населению, если у них есть заболевания. Он ответил, что не может принять это бесплатно, потому что тогда не сможет сделать прививки платными, а если объявит, что прививки бесплатные, то к нему никто не пойдет, так как будут считать, что эта вакцина негодная. Я посоветовал ему поработать несколько дней среди населения, объяснить, откуда вакцина, и через несколько дней начались прививки в этом городе.

Потом произошло новое событие, которое меня очень расстроило. Прошел слух, что Глейвиц отходит Польше, там будут жить поляки. Слух прошел, ну и что же, всякие слухи бывают. Однако вскоре мы услышали плач, крики и шум в одном дворе. Мы вошли во двор и увидели, что стоят четыре или пять подвод и на них выбрасывается имущество, а командуют подводами польские офицеры и польские солдаты. Немцы плачут, поляки их очень энергично выталкивают, сажают в повозки и пыгаются

увозить. Такого мы не ожидали и не могли выдержать. Мы думали, что если состоится передача этого города полякам, то, наверное, будет сделано прилично, в рамках закона. Наши солдаты, не спрашивая у нас разрешения, начали драку с этими польскими представителями. Понимая, что дело для них может закончиться плохо, те освободили свои повозки от имущества и ребятишек и быстро скрылись. Через два дня после этого жители Глейвица обошли все дома и составили петицию на имя командующего нашей армией генерала Коровникова с просьбой установить советскую власть в Глейвице, но не отдавать город Польше. Наверное, они просто оценили реакцию солдат, которые их защищали, и решили, что лучше жить при советской власти, при этих солдатах, чем при людях, которые их выбрасывали.

Война закончилась. Дел больше у нас не было, и появилось решение позволить нашему офицерскому составу немножко отдохнуть в условиях типа санаторных, потому что окраина Глейвица и район, приближающийся к Чехословакии, были насыщены частными санаториями на 30–50 мест. Мы поехали по этим делам с моим помощником Игорем — капитаном, он хорошо знал немецкий язык. Как ни подъедем к частному санаторию, маленькая вывеска: «Вход воспрещен. Брюшной тиф». Мы проехали несколько санаториев. Наконец, я предложил капитану все-таки зайти и посмотреть, что это за брюшной тиф.

Заходим, нас встречают мужчина и женщина средних лет и приглашают к себе. «Вы нас приглашаете, а у вас же брюшной тиф», — заметил я. Мужчина посмотрел на меня и сказал, что они вынуждены это писать, потому что сейчас много людей, которые не прочь поживиться чужим добром. Отдыхающих у них никого нет, вот только одна старушка лежит, ее пригласили, чтобы она имитировала больную брюшным тифом. Мы вошли к нему в дом, он пригласил в столовую. Игорь сел за пианино, играл он изумительно, и восторгу немцев не было предела. Они накрыли стол, поставили выпивку, закуску, и начался разговор.

Я объяснил им, что мы имеем указание от командующего армией, чтобы найти место для размещения наших офицеров на 10–15 дней для отдыха. Хозяин санатория быстро согласился разместить 30 человек, но только при условии, что он с нас ничего не возьмет и персонала ему никакого не нужно, они с женой будут сами обслуживать, и 10–15 дней для них не срок, и все условия

для отдыха будут созданы. Ну, как не согласиться на такое предложение? Мы доложили результаты командующему, и на третий день наши офицеры стали заселять все эти мелкие санатории для отдыха, где и прожили 10–12 дней с большим комфортом и с уважением к хозяевам санатория.

Следующее событие нас ожидало в столице Чехословакии. Поехали в Прагу. Мы были там в первый день, когда Прага была освобождена. Три дня население Праги гуляло и приветствовало Советскую армию как освободительницу от всей души, выставив на улицы столы с закуской и выпивкой — со всем, что у них было. Были танцы, песни, хорошие разговоры. Короче говоря, три дня Прага гуляла. Но после этого был небольшой перерыв, мы поехали опять посмотреть Прагу. Проезжая по одной из улиц, мы увидели, что работает магазин колбасных изделий. Александр Григорьевич Парамонов попросил меня посмотреть, поскольку у нас денег много, и колбаски хорошей купить неплохо. Я зашел в магазин и увидел, что у прилавка стоит очередь человек 12, продавец отпускает по кусочку хорошей копченой колбасы и отрывает талоны на карточке. Я понял, что это карточная система, у нас карточек нет и поэтому мы здесь ничего не купим. Я развернулся и пошел к выходу. Остановил меня мужчина и спросил: «Что хотел пан майор?» Я сказал, что ничего не хотел, я хотел только посмотреть. «Нет, пан майор, наверное, хотел посмотреть, что это за колбаса. Пойдемте туда к прилавку».

Сопротивляться было бесполезно. Я подошел к прилавку. Очередь расступилась, и с согласия всей очереди продавец достал два круга колбасы, не взвешивая, завернул в хорошую бумагу, не беря денег, вручил мне как подарок от населения Праги. Вот такое отношение было теплое, доверчивое, и это сейчас особо вспоминаешь.

Ну и последнее, точнее предпоследнее. Был приказ по армии, что никакого мародерства, никакого грабежа у местного населения не должно быть допущено. Нарушителей ждал военный трибунал. И вот на одном банкете в Праге танцевали наши солдаты, и один танкист, сержант, каким-то образом, умышленно или неумышленно, снял у девушки наручные часы. Она возмутилась, стала что-то с ним выяснять, вмешались военные, комендатура, и этого молодого человека забрали. Через пять дней ее пригласили в помещение, где заседал военный трибунал и судили сержанта. Надо было видеть, как эта девушка расплакалась и заявила, что

все было не так, что она ему эти часы подарила, он не хотел брать, поэтому у них получился скандал. Она настаивала, чтобы он взял часы, а он не брал, и на этой почве они поссорились, а наши представители подумали, что она у него отнимает часы. Я посмотрел и думаю: насколько уважали нашу армию, даже девушка, которая могла считаться и считалась пострадавшей, встала на защиту этого сержанта, который посмел у нее снять эти часы.

Выезжая из Праги, мы остановились возле домика на окраине. Очень хотелось пить. На лужайке паслась корова. Сели на траву. Из дома вышла пожилая женщина, очень стройная, подошла к нам и спрашивает: «Что вы хотели?» Мы ответили, что хотим пить, а здесь не знаем, где напиться. Она ушла. Возвращается и несет две крынки — одну с топленным молоком коричневого цвета, а другую со свежим. Я не знаю, сколько мы выпили, молоко очень вкусное было. Тогда Парамонов мне мигает и говорит, что надо расплатиться. Я по глупости достаю деньги, и вот здесь я почувствовал, какую совершил ошибку. Надо было видеть возмущение этой женщины, которая говорила: «Как вы могли подумать, что я — жительница Чехии, которая освобождена Красной армией, могу взять у вас деньги за молоко? Как вы могли так поступить? Вы нас обижаете, оскорбляете!» Мы извинялись, как могли, говорили хорошие слова и расстались, конечно, друзьями, но эту сцену я не позабуду никогда.

Оказавшись без большой работы, мы все-таки решили посетить Берлин. Машина у нас была хорошая, новая, не помню какой марки, и, когда мы ехали к Берлину, думали, что вот сейчас автострада обрывается и перед нами появится Берлин. В одном месте мы увидели маленький указатель: «Берлин», но не обратили на него внимания. Проехали дальше через мост, а там уже англичане нас встречают. Мы спрашиваем: «Где Берлин?» Они отвечают, что мы проехали Берлин. Мы возвращаемся обратно, и действительно, это был поворот на Берлин. Он стоял в стороне от этой автострады.

Въехали мы в Берлин, у нас уже кончалось горючее, и Хабаров, наш шофер, стал ходить по улицам и сказал, что вот в этом дворе должен быть бензин, он по запаху знает, и там какая-то цистерна стоит. Въехали на машине во двор. Появляются два немца. Мы им объясняем, как можем, что у нас нет бензина, а надо заправиться, и мы не знаем, где купить. Они посоветовались друг с другом, подняли у нас капот, протерли все, что могли, продули,

посмотрели уровень масла, подлили масла. Наконец, заправили машину бензином. Я говорю Александру Григорьевичу, что надо с ними рассчитаться. Думаю, что, деньги им, конечно, не нужны, у нас есть хлеб армейской пекарни и колбаса нашего армейского мясокомбината. Я взял два батона хлеба и три круга колбасы из багажника, кладу им на капот. Они брать не стали, отошли и поговорили. Наконец, забрали два круга колбасы и два батона хлеба и говорят, что третий круг — это лишнее за то, что они сделали. Они очень признательны за то, что мы им дали.

Я посмотрел на эту честность, эту порядочность в расчетах у немцев и вспомнил случай, когда в Глейвице решили одному товарищу день рождения отметить. Мы взяли в военторге масло, сахар, яйца, отнесли местному кондитеру и попросили сделать торт такого-то размера. Он обещал, что через день торт будет готов. И вот, когда мы приехали за этим тортом, он вместе с тортом в маленьких сверточках отдал сахар, два или три яйца, кусочек масла — это осталось и не вошло в торт. Ну и расплачивались мы с ним уже серьезно, только всегда удивлялись, почему они так мало брали денег за работу. Но когда они и продукты возвращали, мы совсем уже терялись: «Почему же вы не берете эти продукты?» «Это лишнее, — отвечал кондитер, — мы этого взять не можем».

Вот это характер, отношения между людьми, которые существовали в Германии. Для нас они были немножко неожиданными. Ну, вы представляете, что если бы нашему кондитеру принесли продукты, а потом вдруг он выложил бы оставшиеся, это было бы странным, а там это было обычным.

Из Берлина мы решили поехать в Дрезден. Выехали на автостраду, остановили одного немца на дороге и спросили: «Далеко ли до Дрездена?» Автострада была в прекрасном состоянии. Он обошел машину и сказал: «Два с половиной часа». Иначе говоря, он посмотрел, какую скорость может иметь машина, рассчитал и сказал время. Так оно и получилось.

Более варварского разрушения города я никогда не видел. Правда, я видел разрушенный Минск, но это было наступление немецких войск на нашу территорию, а то, что американская авиация сделала с Дрезденом, не поддается описанию. Мне сказали, что там погибли в ночь бомбардировок около 40 тысяч жителей. Дрезден был центром не только немецкой культуры — музеи, картины Дрезденской галереи были известны во всем мире. Ко-

е-что удалось уберечь от бомбардировки, но весь город представлял собой поле, на котором разбросаны блоки домов, кирпичи, камни, стекло. Ни одной целой улицы в Дрездене не осталось. Дрезден был похоронен под бомбами американской авиации. И это было сделано за две недели до капитуляции Германии. Зачем понадобилось американской авиации уничтожить город, который мог бы остаться целым? Правда, всем стало известно, что промышленные центры Германии американская и английская авиации не бомбили, они остались нетронутыми. Вот и думаешь, что преследовали американцы в этой войне: сохранение культуры, жизни населения или приобретение мощности, которая позволит им дальше вооружать свою армию и более спокойно прожить на свете, не ожидая для себя никаких военных потрясений?

Этот вопрос, может быть, историки потом оценят. У меня же осталось впечатление, что варварство, допущенное по отношению к Дрездену, когда уже война фактически была закончена, так же, как, скажем, в Хиросиме и Нагасаки, когда исход войны с Японией был тоже предрешен, нельзя объяснить ни с человеческой, ни с правовой точки зрения. Зачем американцы так поступали? Это дело их руководства, дело их совести. С нашими властями, с нашим руководством, мне кажется, такие действия не согласовывались.

Наступила пора возвращаться на родину, война кончилась, все готовились к отъезду. В это время шофером в госпитале был Сагайдак, который и меня иногда обслуживал. Свой авторитет он завоевал в большей степени тем, что, когда шли еще бои, он на машине выезжал в населенные пункты, оставленные немецким населением, брал там вещи, которые ему казались очень нужными, хорошими, полную машину привозил на территорию госпиталя и объявлял всем врачам и сестрам: «Пожалуйста, выбирайте, кому что хочется», потому что в неделю один раз тогда разрешались посылки на родину. Врачи и медицинские сестры выбирали с машины, что там было, упаковывали и отправляли, и он так повторял каждую неделю. Он подошел ко мне и сообщил, что госпиталь пока никуда не уезжает, и попросил взять его к себе. Он на своей машине приедет и будет сопровождать нас на родину. Я согласился, тем более мне и разрешения уже не у кого было спрашивать.

И вот я с женой на двух машинах, а на третьей машине Сагайдак — откуда-то он достал новый легковой «форд» светло-корич-

левого цвета, поехали на родину. Наша первая остановка оказалась под Краковом, в местах, которые мы запомнили при наступлении. В Кракове нам особенно делать было нечего, мы просто ждали погрузки и отправления, т.е. время было связано с беспокойством, чтобы ничего не оставить и увести с собой все, что можно. И вдруг появляется Сагайдак без машины. Я спросил, куда он дел свою машину. И почему он не сдал ее в штаб тыла, там есть авторота, которая возьмет эту машину, зарегистрирует, а он поедет с нами, у нас две машины, можно всем сесть. Сагайдак рассказал, что он на ней ехал и в одном месте свалился в кювет, немножко поцарапался, потом подумал, что с ней придется возиться, поэтому бросил. Я ему не поверил и сказал, что, если он хочет с нами ехать, чтобы завтра же брошенная машина была здесь. К моему удивлению, завтра он приехал на этой машине.

Мы сели за стол, и я попросил Сагайдака рассказать все, что было, ничего не скрывая, иначе мы расстанемся. «Я не хотел вас расстраивать, — сказал он, — зная, как вы к этому относитесь, но дело есть дело, я вам сейчас все расскажу. Позавчера ко мне подошли два поляка и стали просить продать машину. Сколько вы дадите? Они сказали, что могут заплатить около 20 тысяч злотых, деньги большие. Я подумал, что эти злотые обменяю, мне нужно скоро в отпуск, деньги нужны, и я им эту машину отдал, но посмотрел, куда они поехали, одну пару ключей оставил у себя. Когда я узнал, что вы беспокоитесь, я съездил в этот гараж, увел машину и продал второй раз, только другим полякам, решив, что смогу вас убедить, что машина исчезла совсем. Второй раз я продал машину примерно за такую же цену. Но когда вы настойчиво сказали, чтобы без машины я не являлся, я пошел ее искать, и вот случайно возле одного магазина увидел, что подъехала моя машина, из нее вышли два человека и пошли в магазин. Я сел за руль и эту машину пригнал». Моему возмущению не было предела, и я крикнул: «Чтобы духу ее здесь не было, немедленно сдавай машину!» Это Сагайдак и сделал.

Вот эпизод из жизни этого человека, который имел, как он мне сказал, 28 лет судимости, но не за убийства, а вот за такие вещи, которые он совершал. Должен сказать, что жена мне говорила, что такого культурного и порядочного человека она видит впервые. Сказать хорошее слово, уступить место, помочь кому-то — это был Сагайдак, казалось, такая вежливость ему не к лицу.

После Кракова мы поехали дальше и остановились под Львовом, километрах в 30, в одном большом доме. У меня получилось так, что со мной ехали три шофера. Они периодически менялись в пути следования. Мы разместились около Львова со всеми удобствами. Все было нормально, хорошо, но дни тянулись так медленно и так хотелось побыстрее вернуться на Родину, что просто не находили себе места. И вот однажды кто-то из наших предложил: «Может быть, съездить во Львов в театр, чтобы провести время». И такое решение было найдено.

Мы приобрели билеты в Театр оперы во Львове и собрались туда ехать. Мои шоферы: Сагайдак, Николай из Ленинграда и Тимур попросились поехать вместе с нами и сказали, что будут сидеть на месте и ждать около театра, когда мы вернемся. Приехали, остановились прямо напротив театра на большой площади. После первого действия мы вышли на балкон театра, посмотрели — наша машина стоит, все нормально. Второе действие закончилось, мы вышли, посмотрели — машина стоит. Мы успокоились, что все нормально, но, когда вышли после окончания спектакля на площадь, увидели, что нашей машины нет.

Через несколько минут мимо нас промчалась наша машина, за ней на расстоянии метров 200–300 шла машина военного коменданта, как я потом узнал. Они развернулись вокруг площади, и гонка продолжилась. Я не мог понять, в чем дело. Ко мне подошел гражданин небольшого роста и спрашивает: «Майор ждет машину?» Я ответил: «Да, я жду машину». — «А вот эта черная машина не майора?» Я говорю: «Да, эта наша машина. Но почему она так быстро ездит и не останавливается?» Тогда он мне сообщает: «В этой машине сидят преступники, потому что, когда к этой машине подошла моя тетька и предложила им продукты и водку на обмен вещей, сидящие в машине попросили передать эти продукты и водку к ним в машину, а ей подали какой-то старый костюм в обмен. Она увидела, что костюм не такой дорогой, как ее продукты. Через некоторое время они выбросили ее сумку в окно на тротуар и сказали, что они в цене не сошлись, но они выпили водку и съели продукты. Тетушка, конечно, закричала, что ее ограбили. Они сорвались с места и начали гонять вокруг театра на своей машине».

Вот такая история, но самое-то главное заключалось в том, что шоферов было трое: Сагайдак — высокий брюнет, Тимур — немножко посветлее, и Николай — ленинградец, блондин. Так вот,

когда комендантская машина догоняла нашу, за рулем сидел блондин, а по рассказам потерпевшей там должен быть цыган. Они отпускали машину, а потом опять за ней гнались. Оказывается, на перекрестках шоферы менялись, и комендатура никак не могла определиться, в чем дело. Наконец, я спрашиваю этого гражданина, что он хочет. Он ответил, что ничего плохого, пусть комендант остановится и остановит нашу машину, но он хотел бы, чтобы я заплатил за продукты и водку, которую выпили шоферы. «А сколько это все стоит?» Он ответил, что это стоит 800 рублей. У меня с собой таких денег не было, и я сказал, что нужно проехать километров 30 от Львова, и я ему эти деньги там отдам. Он согласился.

Подъезжает машина. Сидел там Николай — блондин. Он сказал, что шофер не тот. Мы поехали на место нашей стоянки. Я отдал деньги и говорю Николаю: «Пожалуйста, отвези его обратно во Львов к театру, где он сел». Николай посмотрел на меня с недоверием, но все-таки поехал. Минут через 40 он вернулся и с ним два моих шофера. Сели пить чай, все молчат. Николай и говорит: «Когда вы мне сказали, что я должен его довезти до Львова, мне хотелось у него забрать эти 800 рублей, вытолкать из машины и вернуться обратно, но я не хотел скандала, тем более на дороге меня ждали Сагайдак и Тимур». Я спросил, почему они так поступили. «Ну, товарищ майор, как же можно давать кусок старой колбасы, лук, редиску, бутылку водки за костюм, который мы ей дали? Это же просто грабеж! Ну, мы и решили ее проучить».

На этом наше увлечение театром закончилось, и мы стали ждать отправления на Родину. Вскоре пришел приказ отправляться в Советский Союз. Ко мне обратился тогда Сагайдак, что ему нужно хотя бы семь дней отпуска для поездки в Одессу. Я спросил, на что он будет жить в Одессе, потому что семь дней на пайке не проживешь. Усмехаясь, Сагайдак открыл коробку из-под папирос «Казбек», и я увидел, что в этой коробке лежат золотые кольца, серьги, короче говоря, очень ценные вещи, которые он успел приобрести, по-видимому, когда ездил по немецким домам. «На семь дней мне в Одессе хватит». Я ему подписал увольнительную на семь дней, а сами мы последовали в Ставрополь.

В Ставрополе разместились по квартирам, а я все жду, ведь Сагайдак числится у меня в штате. Наконец, как-то утром подъехала какая-то машина, черная, блестящая, и мгновенно остановилась под окном, поднимая столб пыли. Открылась дверь, заходит Сагай-

дак: «Разрешите доложить, что я прибыл из очередного отпуска». Я спрашиваю: «Где ты пропадал? Вместо семи дней прошло уже 25, а тебя все не было и не было». И он рассказал следующее: «Когда у меня закончились семь дней и пошел восьмой, я сел в летучку и поехал поездом. На станции Кавказская комендатура проверяла документы, и нас, таких людей, как я, собралось очень много у коменданта станции. На два, на три дня были просрочены отпускные билеты. Комендант вошел и спросил, кто из нас шофер, я ответил и был оставлен у него, а остальные задержанные были отправлены по назначению. Я остался шофером у этого коменданта станции, но как я мог дальше жить? Каждый вечер я его возил в районы. Я там никого не знал, останавливался у какого-нибудь дома, он выходил, всю ночь он там пропадал, а утром я его привозил обратно. И так продолжалось неделю и вторую. Я не выдержал и решил от него уехать, сел в машину, на которой его возил, и вот привез ее сюда. И машина эта вам в подарок». У дома стоял новый «мерседес», на котором он приехал. «Мерседес» этот он сдал, естественно, в штаб тыла, там автобаза была, и мы с этим делом рассчитались.

Дальше события развивались очень серьезно. В Ставрополе возле штаба появился старший лейтенант. Его никто не знал, он ходил дня 2–3 «под градусом» и только говорил, что не может так больше сидеть, что ему надоело, что он в конце концов пойдет и заявит обо всем, что ему известно. И он рассказал, что где-то в лесу он охраняет огромный склад с имуществом. Кто его начальство, он не говорил, поскольку предупрежден, что сидеть на складе будет до тех пор, пока его оттуда не вывезут. За это они поставили ему продукты, много водки и сказали, что они потом с ним рассчитаются. Но он не выдержал, все уезжали по домам, а он сидел на этом складе, поэтому пришел сюда. Может, здесь кто-нибудь ему поможет.

В скором времени я уехал из Ставрополя, меня вызвали в Москву. И потом задним числом узнал следующее: на 1 мая 1946 г. начальник штаба тыла нашей армии полковник Лубоцкий вызвал машину скорой помощи к себе на квартиру и оставил записку, в которой написал: «Я вызвал вас для того, чтобы вы установили факт моей смерти». Он лег на кушетку и застрелился. Причина оказалась одна. Под его руководством охранялся вот этот склад, нигде не числившийся, с большим имуществом, и, когда этот старший лейтенант рассказал всем об этом, Лубоцкий решил покончить с собой, потому что знал за собой эту тяжелую вину.

СЛУЖБА В ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМ УПРАВЛЕНИИ

В Москве меня назначили старшим офицером противоэпидемического отдела Главного военно-медицинского управления, которое размещалось на улице Горького, 20. Начальником управления тогда был известный ученый, замечательный человек Тихон Ефимович Болдырев — генерал-майор. Его заместителем был полковник Липкин Григорий Семенович, который пришел еще из царской армии с такой же работы. Он очень хорошо знал эпидемиологию. Это был служака № 1, очень серьезно относящийся к своему делу и чувствительный ко всем замечаниям. Однажды Григорий Семенович вызвал меня и сказал, что ему нужно для начальника Главного управления нарисовать большую схему, которая бы показывала, каким образом солдаты или офицеры призывались из запаса в действующую армию, какие они этапы проходили. Речь шла, конечно, об этапах санитарной обработки.

Я сидел целый день, думал. Наконец, цветными карандашами нарисовал большую схему, кто, куда и как поступает и кто в каком состоянии прибывает в действующую армию. Эту схему Липкин завернул рулоном и отнес Смирнову, который ехал в Академию медицинских наук для доклада. Через два часа он вызвал Липкина, как я узнал, и Липкин пригласил меня и сказал, что начальник очень доволен моей схемой и хочет со мной познакомиться.

И вот в одно из моих дежурств по управлению такое знакомство произошло. К утру я задремал. Прошел Ефим Иванович Смирнов своим мерным тяжелым шагом в кабинет, а часа через полтора вызвал меня к себе через секретаря. Я зашел в кабинет. Передо мной был стол и ко мне лицом сидел Смирнов, а справа, спиной к Ефиму Ивановичу и лицом к стене, сидел академик Бурденко, как я потом узнал. Ефим Иванович смотрел документы, а академик Бурденко брал какие-то бумаги, смотрел и бросал их на пол. Я подошел к Ефиму Ивановичу, доложил, что прибыл. Он мне говорит: «Вот, посмотри, как мне работать приходится с академиком». Я спрашиваю: «А что он делает, Ефим Иванович?» — «А он смотрит сейчас проект директивы очень важной, и то, что ему не нравится, выбрасывает. Потом мы все соберем, посмотрим, еще раз переработаем и еще раз дадим ему прочитать. Ну, он

академик, мы с ним спорить не можем, он знает, что делает». Это была моя первая встреча с академиком.

После этого я узнаю, что произошло еще одно событие, которое привлекло к себе внимание. Академик Бурденко очень много курил. Он с зарплаты покупал себе целые блоки сигарет и папирос, клал их в стол, а когда заканчивались, занимал деньги, чтобы потом опять с зарплаты рассчитаться с теми, кому должен. И однажды он немножко приболел, остался дома как раз перед получкой. А получку за него всегда забирала его жена, давала ему на папиросы и остальные деньги брала себе для хозяйства. И вот, когда поправился Бурденко, а жена его не могла прийти, он пришел в кассу за получкой. Кассир сказал, что он его не знает, он у него никогда деньги не получал и никакой он не Бурденко. Бурденко — это женщина, которая у него всегда получает деньги. Вот такая была ситуация с академиком Бурденко.

Служба и жизнь в первые месяцы после войны были очень тяжелыми. У меня не было квартиры, я оставил ее первой супруге, с которой разошелся. Жил я в Загорянской, в комнате, которую снимали родители моей жены, ездил в Москву на службу, и служба была очень серьезная, напряженная, потому что после войны приходилось на пустом месте многое создавать, решать многие вопросы, которые раньше не рассматривались.

В плане штаба тыла министерства предусматривалась проверка организации противовоздушной обороны Бакинского округа ПВО, для чего была организована большая бригада. К этому времени Ефим Иванович Смирнов из управления ушел, и его место занял исключительный, культурный, хороший человек Николай Иванович Завалишин, который меня вызвал и говорит: «Знаешь что, милок, в Бакинский округ едет большая комиссия под руководством начальника тыла армии. Ну, ты сам знаешь, кто такой начальник тыла, потому что я могу только для ориентации привести такой пример. Как ты понимаешь, недавно Липкин Григорий Семенович, ваш начальник, и вы готовили у себя в управлении документ по препаратам для борьбы с грызунами, потому что наши военные санатории кишат мышами и крысами до такой степени, что люди иногда боятся даже выходить погулять около санатория. Так вот, борьбу с этими грызунами нужно вести, а препаратов в стране нет, поэтому вы приготовили нам тогда заявку на отпуск подсолнечного масла, правда, бракованного, кото-

рое не идет в питание населению, различных мучных и крупяных товаров, ядохимикаты были отдельно представлены, и я пошел с этой заявкой к начальнику тыла и показал ему, что вот нужно столько-то тонн подсолнечного масла, столько-то тонн крупяных и мучных изделий для того, чтобы готовить приманки и вести борьбу с крысами в наших военных санаториях. Он на меня посмотрел и говорит: "Ты что, генерал, с ума сошел? Нам нужно людей кормить, а вам грызунов, а вы их кормить хотите подсолнечным маслом, мукой и крупами. Идите со своим документами, они меня никак не устраивают". Вот кто такой начальник тыла. Поэтому поезжай в округ и смотри в оба, чтобы нам не записали того, что не нужно вообще писать».

Мы приехали в Бакинский округ ПВО, и, когда пересекали море из Баку на противоположный восточный берег в Красноводск, был сильный шторм. Нас болтало море очень долго, и для того чтобы по-человечески себя чувствовать, мы все лежали не в каютах, а на полу буфета этого корабля. Вдруг на второй день я ощущаю, что около меня кто-то присаживается. Смотрю — подполковник, он с нами вместе ехал на корабле. Он спрашивает меня, как я себя чувствую. Как и все, говорю, вот, еле живы, и когда прибудем в Красноводск, я не знаю, но пока очень трудно. Он напомнил, что нужно было сразу выпить, как следует, а сейчас уже поздно что-то делать.

Мы прибыли в Красноводск. Стали проверять округ ПВО. Конечно, картина была тяжелейшая. Наш начальник тыла вечерами садился около экрана, на котором демонстрировались различные фильмы, он ложился в двенадцать ночи, в 6 часов были обязательно подъем и выезд в часть для проверки. И вот, когда комиссия собралась для того, чтобы зачитать проект акта, подготовленный сотрудниками штаба тыла, возникли поправки. Я не буду говорить обо всем проекте, он был очень тяжелый, но там было написано, что медицинское обеспечение этого округа ПВО поставлено неудовлетворительно. Я поднимаю руку и говорю: «У меня другая точка зрения. Мы видели тяжелую обстановку в этом округе, и формулировка, что медицинское обеспечение поставлено неудовлетворительно, это странная и мягкая формулировка. Я хочу записать: "...санитарно-эпидемическое состояние округа исключительно тяжелое"». Вот такую формулировку и записали.

Приехали в Москву. Заседала комиссия уже у министра обороны, многие получили взыскания по службе — продовольственной, вещевой, а о Николае Ивановиче Завалишине ничего не написали, потому что по медицинскому обеспечению там не было ничего плохого. Он вызвал меня и говорит: «Ну, милоч, спасибо тебе. Твоя формулировка изумительная, она вообще правильная, но она фактически отвела от меня серьезные переживания. Спасибо, что ты так решил этот вопрос».

Выезжали мы и во многие другие места, потому что происходили вспышки заболеваний то в одном, то в другом месте, а наша служба занималась такой пожарной работой. Время шло, и в апреле 1946 г. у моей супруги Татьяны рождается сын Сергей. Мы с этим младенцем живем в Загорянке. Приехали туда мать и отец Татьяны, которые получили участок, и на этом участке было запланировано построить какой-то домик, где можно было бы жить. Трудное было время, и с питанием, как известно, после войны было очень сложно. Ну, я приведу только один пример. Когда мой тесть Василий Иванович ехал из Москвы, где по карточкам отоварил продукты, у него в поезде украли сетку, где были и продукты, и продуктовые карточки. Он приехал и сказал, что у него ни продуктов, ни карточек нет. Это была трагедия. Ну, я скажу, что при всем жалованье, что мы получали тогда, буханка черного хлеба стоила 100 рублей. Все расчеты велись на буханку хлеба, и если вы приглашали какого-нибудь человека что-нибудь сделать, то он брал только буханки хлеба. Это была тяжелая история.

Из жизни загорянской я могу вспомнить только одну историю. Я не ручаюсь за правильность фамилии человека, которого я тогда вытащил из воды, но мне так сказали. Может быть, это и не так на самом деле было. В июне 1946 г. мы пошли на речку. Было воскресенье, время позднее — около 10 часов вечера. Светло, но уже с речки все ушли. Подошли к Клязьме, где она делала поворот в сторону поселка Соколовский, посидели немножко, я искупался, и собрались мы уходить домой. В это время со стороны берега, покачиваясь, спускается человек в белой рубашке, садится рядом со мной и спрашивает: «Могу ли я с вами покупаться?» Я говорю: «Пожалуйста». Однако меня сразу удивило, что он раздевается донага, хотя видит, что рядом сидит женщина, и с ходу бросается в воду, причем поплыл саженками, при этом у него голова вращается вместе с руками. Я знаю, что так делают люди, не уме-

ющие плавать и выматывающиеся на первых же 20–30 метрах. Он поплыл не на тот берег, а вдоль реки на повороте Клязьмы. Я посмотрел, а он начал уже скрываться в сумерках, и говорю: «Тань, знаешь что? Он сейчас будет тонуть». Она спрашивает: «Почему?» И вдруг оттуда дикий крик: «А-а-а-а-а!» Я, недолго думая, бросился в воду, подплыл к тому месту, где еще были круги, и вдруг появляется над водой затылок. Я схватил его за волосы, потянул, и он лицом оказался ко мне и сразу поднимает руки и хочет за меня ухватиться. Я увернулся, решил обойти его вокруг и стал толкать к берегу, но при каждом толчке уходил под воду. Когда я появлялся над поверхностью воды, он уходил под воду, я его опять догонял и так несколько раз, потом чувствую, что я его уже толкать не могу. Еще, может быть, раз толкну, но дальше что будет, то будет.

И вот я его толкаю, сам ушел под воду, выныриваю и смотрю, его спина белеет над водой. Оказывается, он лег животом на кочки, которые были затоплены водой. Я взял его под мышки, вытащил на берег, положил на живот, из него вышла вода, и он сел. Думаю: «Слава Богу!» И тут спускаются с пригорка к нам две женщины, очень весело разговаривают, к нему подходят, тормозят его, а он еще только рубашку напялил и сидит в одной рубашке. Наконец, он к ним обращается и говорит: «Целуйте его, он меня спас, сейчас вот вытащил из воды». Татьяна поднимается и говорит: «Нет уж, давайте без поцелуев. Как-нибудь его спасли и, пожалуйста, забирайте». Тогда одна женщина говорит: «Вы знаете, кого спасли? Вы спасли будущего великого артиста». И называет фамилию — Вицин. Потом мне сказали, что это очень талантливый артист, который появился у нас.

После окончания войны во всех подразделениях Министерства обороны значительно оживилась система офицерской подготовки, которая включала вопросы, касающиеся вооружения и обеспечения, выполнения уставных положений, а также сохранения здоровья военнослужащих и, естественно, ознакомления их с основами профилактики основных заболеваний. В Управлении генерала Болдырева, занимавшегося противоэпидемической и профилактической работой в войсках, я был самым молодым офицером, по должности — старшим инспектором, а на самом деле — эпидемиологом 59-й армии Волховского, Ленинградского, 1-го Украинского фронтов. В это время в Москве, как и в других городах нашей страны, был очередной сезонный подъем

заболеваемости гриппом — респираторной инфекции, которая до сих пор безнаказанно шествует по земному шару. Во время войны мы в войсках практически не занимались этой инфекцией, поскольку потери при боевых действиях значительно превосходили возможные потери от заболеваемости различными инфекциями, из которых только особо опасные — чума, оспа, холера, сибирская язва, представлявшие тогда основной арсенал для использования в качестве бактериологического оружия фашистской Германией, занимали определенное место в деятельности военно-медицинской службы.

Заместитель Тихона Ефимовича Болдырева полковник Липкин поручил мне в очередной день офицерской подготовки прочитать лекцию по профилактике гриппа для офицерского состава Главного Военно-медицинского управления. Поскольку эта проблема для меня, да и для многих медицинских работников гражданской и военной организаций сводилась к предупреждению тяжести послегриппозных осложнений, так как сам грипп легко преодолевал все возможные заслоны на пути своего распространения, я стал настойчиво искать в изданных научных трудах хоть какие-нибудь теоретические предпосылки для сообщения будущим слушателям чего-то нового в профилактике гриппа. Мне, как говорят, повезло. Я нашел небольшую брошюру в синей обложке, которая очень заинтересовала меня тем, что была написана академиком Н.Ф. Гамалеей и посвящена профилактике гриппа. Имя академика Гамалеи, которого мне посчастливилось видеть еще работающим, и до нашего времени почитаемого учеными всего мира, было и осталось самым авторитетным. Он излагал данные по профилактике гриппа, полученные им при наблюдениях за родственниками и близкими знакомыми, выполняющими его рекомендации.

Эти рекомендации сводились к следующему: грипп — респираторное заболевание, распространяется по воздуху при разговоре, а также при непосредственном контакте с больными. Основные входные ворота вируса гриппа — носоглотка, поэтому защита слизистой оболочки носа от проникновения через нее вируса является основой профилактики заболевания.

Эффективное и всем доступное средство укрепления эпителия слизистой оболочки против проникновения через него вируса — обычное туалетное мыло, которое наносится на слизистую

оболочку носа в виде пены во время утреннего умывания. Свой опыт академик Гамалея осуществил на 47 родных и близких, и никто из них, используя описанную процедуру, не болел гриппом.

Свою лекцию я прочитал офицерскому составу Управления в июне 1946 г. Многие посмеялись тогда, услышав об эффективности «мыльной профилактики». Я воспринял ее очень серьезно, поскольку она была изложена авторитетным человеком. Я привык к этой системе утреннего умывания, и с 1946 г. не знаю, что такое грипп, а в период работы в Министерстве здравоохранения СССР ежегодно, как только возрастала заболеваемость гриппом, выступал по телевидению по вопросам его профилактики.

Сейчас много рекламной информации о новых противогриппозных препаратах. Компании зарабатывают на доверии граждан, настойчиво ищущих эффективные средства профилактики и лечения этого известного, часто изменяющего свою антигенную структуру возбудителя, который, я убежден, оказался беззащитным против щелочного состава мыльной пены в носу.

РАБОТА В ГРУППЕ В.А. МАХНЕВА. УБИЙСТВО Л.П. БЕРИИ

Большую часть времени я находился в командировках, потому что был всего лишь старший офицер отдела и выполнял указания и начальника отдела, и начальника управления. Работы было много. А в июне следующего года у меня прибавилось семейство, родилась Маришка, моя любимая дочь, с которой я сейчас живу как у Христа за пазухой. Это мое счастье. С рождением Маришки я бы не сказал, что наше материальное положение как-то резко ухудшилось. Нет, просто условия жизни были сложные, и приходилось выкручиваться по каждому случаю.

Время шло. Дети росли, и вот в 1950 г. совершенно неожиданно меня пригласил Николай Иванович Завалишин и говорит: «Милок, тебя вызывают в Совет Министров. Вот, комната такая-то, пожалуйста, поезжай, а то я спорить с этими людьми не могу. Они сказали, чтобы выделили одного специалиста, которого я считаю нужным. Мне жалко с тобой расставаться, но они попросили специалиста, а у нас в отделе из людей, которые имеют такую подготовку, ты один».

Ну, указание есть указание. Я приехал в Кремль, нашел комнату, в которую меня вызывали. Как потом уже узнал, это был кабинет Василия Алексеевича Махнева, начальника нашей группы, в которой мне пришлось работать. Сидел Василий Алексеевич, рядом с ним сидел очень полный человек в коричневом костюме. Потом я узнал, что это был министр внутренних дел Украины Мешик. Перед ними лежало на столе руководство Константина Ивановича Матвеева, очень крупного нашего специалиста по ботулизму. Я не мог понять, зачем меня пригласили и на какие вопросы я им должен ответить.

Махнев меня посадил на кресло и спрашивает: «Скажите, что такое ботулизм?» Во время войны мне не пришлось заниматься этой проблемой, потому что отравлений таких не было, но я помню из аспирантской подготовки, что такое ботулизм. Я объяснил в обычных понятиях, что такое ботулизм, как он протекает и отчего происходит. Тогда Махнев, обращаясь к Мешику, спросил: «Ну, как вы считаете?» Он отвечает: «По-моему, подходящий». И вот Василий Алексеевич Махнев заключает: «Знаешь что, товарищ Бургасов? Выйдешь из кабинета, через коридорчик ком-

ната 22. Это ваш кабинет. Там сидит полковник Морозов, химик. У него один стол, у вас другой стол. У него телефон правительственный один, у вас — другой, поэтому садитесь и начинайте работать. Что делать, вам полковник объяснит». Я говорю: «Василий Алексеевич, мне же нужно сдать дела в медицинском управлении». Он смеется: «Какие дела? Дела начинаются здесь, а Завалишину я позвонил и сказал, что ты уже на месте и работаешь». Ну что мне оставалось делать? Я потом позвонил Николаю Ивановичу. Он сожалел, что все так получилось, но сказал что дело есть дело, и если люди считают необходимым назначить тебя на такую-то должность, то, пожалуйста, надо выполнять.

Так я стал работать в этой группе под руководством Василия Алексеевича Махнева. Кого я там встречал? Не был знаком, но почти что каждую ночь видел Курчатова, которого всегда сопровождал сын Лаврентия Павловича Берия — Серго. Это был высокий инженер-полковник, который ходил, конечно, не в качестве охраны Курчатова. Они были связаны по службе и были, по-видимому, неразлучными друзьями. Так мне представлялось, я точно этого не знаю. Они приходили всегда в час-два ночи, не раньше, а потом так же исчезали. У них были определенные отношения с Махневым, потому что Махнев тоже занимался ядерным оружием.

Наша группа, в которую входили Сергей Алексеевич Морозов и я, занималась разработкой средств защиты от бактериологического, химического и ядерного оружия. Естественно, мы эту проблему не решали вдвоем. Наша задача заключалась в том, что мы связывались со специальными подразделениями, которые этим занимались, собирали информацию, которая была проверена и достаточно аргументирована, и каждый квартал заполняли две книжечки в красных сафьяновых переплетах. Никаких других документов по этим делам не заводилось. И мы фактически, как потом оказалось, подчинялись Лаврентию Павловичу Берии.

О нем много написано, о нем много сказано, я читал. Ну что могу я сравнить с тем, что я читал, и с тем, что я сам знаю. Такого корректного, вежливого и предупредительного человека, как Лаврентий Павлович, я не знал. Однако мне казалось, что по своей должности он должен быть таким человеком, который подавлял все вокруг. Ничего подобного, он даже голос не повышал. И самое главное. Вот нас было два человека в группе, он очень редко вызывал нас двоих, он всегда вызывал по одному. Когда мы

приходили к нему в кабинет, а кабинет находился в другом помещении Совета Министров, он сидел за столом, доставал большой блокнот, он не любил никаких вступлений, различных разговоров, он всегда считал, что дело прежде всего. И когда мы ему докладывали очень сжато новые данные, он в это время рисовал что-то в этом блокноте. Я с начала не понимал, в чем дело, но, по-видимому, у человека была манера, чтобы сосредоточиться, изображать что-то у себя в блокноте.

Забегая вперед, расскажу, как ко мне однажды пришел Павел Феликсович Здродовский, крупнейший ученый не только нашей страны, который в 1941 г. был арестован и сидел, и сказал, что у него есть бог, на которого он готов молиться. Я спросил: «Кто этот бог?» — «Это Лаврентий Павлович Берия. Когда он приехал в один из монастырей подмосковных, где я находился в заключении (а тогда Павел Феликсович писал руководство по риккетсиозам), он вызвал охрану, сказал им очень "хорошие" слова и немедленно приказал подать машину и отвезти меня домой с извинениями за то, что меня продержали незаконно столько времени, и сказал: "А кто это сделал, мы потом разберемся". И лучшего в жизни я ничего не испытывал, поскольку я фактически был освобожден, хотя думал, что, наверное, на этом кончится моя жизнь». Вот кто такой Лаврентий Павлович Берия.

И когда сейчас пишут и шумят по этому поводу, да, наверное, что-то было в его, так сказать, анамнезе, что может быть недостойно человека, но я должен сказать, что расстрелять крупного государственного деятеля без суда и следствия можно только от страха перед событиями, которые угрожали многим тогда в правительстве. Я не могу поверить, что у него руки были в крови до такой степени, что требовалась немедленная расправа. Что касается так называемого ареста Лаврентия Павловича, а фактически зверского убийства на его квартире 26 июня 1953 г., как свидетель событий я должен изложить следующее. Однажды часа в 3 дня в отделе появился Серго Берия. Он быстро вошел в кабинет Ванникова и так же быстро покинул его вместе с Борисом Львовичем. После обеденного перерыва, который продолжался с 5 до 7 часов, я зашел к Борису Львовичу, чтобы выяснить необычную ситуацию. Он был мрачен, очень долго смотрел на меня и потом почти шепотом сообщил, что случилось большое несчастье: на московской квартире расстрелян прямо в кабине-

те Лаврентий Павлович. Борис Львович сказал мне, что после тревожного сообщения Серго о надвигающейся беде он вместе с ним поехал в особняк на Никитскую улицу. За оградой особняка стояли военные машины, а по территории ходили вооруженные военные. Один из них подошел к приехавшим и сообщил, что полчаса назад из дома вынесены носилки с телом, закрытым плащ-палаткой. Стекла в кабинете Лаврентия Павловича были разбиты. Это действительная история.

Зачем понадобилось Хрущеву врать, обманывать народ и мировую общественность о якобы аресте Лаврентия Павловича, который совершали известные генералы и возглавлявший их Георгий Константинович Жуков, маршал Советского Союза, признанный военный стратег? Все, кто знал, какие были отношения между этими выдающимися крупными государственными и военными деятелями, не только удивились и возмутились чудовищной ложью Никиты Хрущева, но и возненавидели этого так называемого государственного деятеля.

Мне во время службы дважды посчастливилось посетить Георгия Константиновича Жукова в Свердловске, где он был командующим и где строился объект по разработке средств и методов защиты армии и населения от биологического оружия. Записок мне Лаврентий Павлович не передавал и просил передать маршалу лишь просьбу оказать содействие строительству, помочь транспортом для перевозки стройматериалов и оборудования и усилить строительство военными специалистами. Нужно было видеть, с каким вниманием и точностью Георгий Константинович выполнял просьбы Лаврентия Павловича. Этот суровый на вид, подтянутый, одетый в безукоризненно сшитую военную форму человек, только своей внешностью исключавший возможность собеседнику сказать что-то, не относящееся к делу, с большой теплотой спрашивал о здоровье Лаврентия Павловича и заверял, что все его просьбы будут выполнены.

К характеристике Георгия Константиновича Жукова следует добавить его сдержанность и корректность. Во время моего второго посещения адъютант маршала вошел и доложил, что в приемной находится полковник, который назначен заместителем командующего округом по строительству. Георгий Константинович разрешил войти полковнику, хотя наше короткое общение еще не закончилось. Войдя в кабинет, полковник вытянулся в

струнку, закатил вверх глаза и, используя всю мощь своего голоса, прокричал, что он назначен к маршалу заместителем по строительству. Георгий Константинович не перебивал его, выслушал и обратился к адъютанту с просьбой дать полковнику успокаивающее, напоить чаем и, когда он остынет, привести его в кабинет.

Мне посчастливилось также быть с Георгием Константиновичем на осенней утиной охоте. В охотничьем хозяйстве были стандартные пронумерованные участки, где охотник пришвартовывал свою лодку и охотился. Один номер участка руководитель хозяйства оберегал особенно, готовя его для посещения Георгия Константиновича. Номера участков, а их было 20, заранее разыгрывались собравшимися охотниками, но, хотя все знали, что Георгий Константинович всегда настаивал на справедливой жеребьевке, охотники всегда избегали вытаскивать первый номер, где охотился Жуков, а если он кому-либо доставался, то старались незаметно положить этот листок обратно в шапку. В итоге, несмотря на откровенные возражения и даже возмущение Георгия Константиновича, он отправлялся на утренней заре к номеру 1, где, как правило, его ожидали не пуганные выстрелом утки.

Последнее, что у меня осталось в памяти о Лаврентии Павловиче Берии, — это доклад ему в присутствии Маленкова и Булганина 16 июня 1953 г., через несколько дней после смерти Сталина. Начальником канцелярии был полковник Ордынцев, человек очень скромный, спокойный, корректный, не повышающий голоса, но знавший порядок. Он вызвал меня и Морозова. Мы пришли к Лаврентию Павловичу. Он сидел посередине за столом. Справа от него сидел Булганин, я его никогда не видел таким отдохнувшим. Слева сидел Маленков с землистым цветом лица, какими-то поблекшими и постоянно опущенными вниз глазами. Он ни на кого не реагировал. Мы по указанию Лаврентия Павловича стали докладывать результаты работ, которые находились в нашем ведении: что было сделано, что нужно сделать, что сейчас существует у нас в Советском Союзе. Доклад наш занял минут 15–20. Нас поблагодарили за доклад и отпустили.

И еще, что осталось у меня в памяти о непосредственном руководителе нашей группы, которому подчинялся Махнев, это случай с защитой диссертации.

У меня была написана кандидатская диссертация, когда я заканчивал аспирантуру, и я эту работу постоянно возил с собой во

время войны. Я несколько раз ее переделывал, мысли менялись, менялись и оценки. Экспериментальная часть диссертации оставалась та же, но все это требовало какого-то другого заключения. И вот я стал сам себя ненавидеть за то, что непрерывно пишу это, перепечатаваю, перепечатаваю. Такая постоянная работа очень утомляла.

В то время, когда я начал работать у Махнева, у меня квартиры не было, я жил в Загорянке. Через три дня мне дали ордер на две комнаты в трехкомнатной квартире на Малой Тульской улице. Для меня и моей семьи это было большое событие, так как дети уже подросли, а жена работала в Москве. Рядом в комнате жил капитан с женой и дочкой. Работая над диссертацией, я складывал черновые листы в туалете, стопа становилась все внушительнее. В черновом тексте были пробелы, куда нужно было внести от руки название возбудителей, фамилии иностранных авторов буквами латинского алфавита. И вот однажды я обратил внимание, что листы из туалета стали пропадать. Работа над диссертацией вызвала серьезные подозрения у моего соседа. Мой исключительно бдительный сосед вскоре мне заявил, что все страницы из туалета он забрал, так как знает, что заполняется от руки в тексте, и что меня ждут серьезные неприятности.

Придя утром на работу в отвратительном настроении, я попался на глаза Махневу. Василий Алексеевич, заметив мое состояние, спросил, как я устроился на новом месте. В кабинете вместе с Махневым находился Мешик. Я рассказал, и Мешик спросил у меня фамилию капитана, затем набрал номер телефона и внятно сказал: «Миша, ты г...о, и, если хоть раз ты еще испортишь настроение своему соседу, я сниму с тебя штаны и...». Сосед оказался бывшим адъютантом Мешика. На следующий день в квартире восстановились порядок и покой.

Через некоторое время я встретился со своими бывшими учителями. Одной из таких уважаемых людей была Мария Клементьевна Крантовская, изумительный специалист в области риккетсиозов. Она работала у Павла Феликсовича Здродовского. Она поинтересовалась, где моя диссертация. Я ответил, что давно написана, она мне, извините, осточертела, я не могу на нее смотреть. Мария Клементьевна попросила принести диссертацию, а через пять дней позвонила и говорит: «Что вы делаете? Такая блестящая работа! Вам нужно защищать немедленно диссертацию».

цию. Я передала ее в Академию медицинских наук. Оппоненты там будут, и вы не беспокойтесь и готовьтесь к защите». Мария Клементьевна была для меня авторитетом, я сдавал ей первые аспирантские экзамены. Спорить я не стал.

Назначили день и час защиты диссертации. Нужно сказать, что наш рабочий день начинался в 11 часов утра, и с перерывом на обед с 5 до 7 вечера мы работали до тех пор, пока Сталин не уезжал из Кремля. Это происходило примерно в три часа ночи, тогда мы вызывали машины и уезжали по домам. Своих детей я видел только по воскресным дням, так как приезжал домой очень поздно, и они уже спали, а утром они уходили в 8 часов в школу и я их тоже не видел.

После защиты диссертации я получил в кремлевской столовой продукты и спиртное, и мы решили с моими оппонентами профессором Воскресенским и Николаем Федоровичем Олсуфьевым отметить защиту у меня на квартире. К этому времени я жил на проспекте Мира напротив Ботанического сада. Уже к 11 часам вечера я решил не ехать на работу, так как был «под градусом».

Утром следующего дня я приехал на работу к 11 часам, и меня срочно вызвал Махнев. Он спросил, где я вчера был. Такой случай, говорю, защита диссертации, это ведь мечта человека. «Мечтать будете потом, а сейчас идите к Лаврентию Павловичу, он вчера вам лично звонил три раза, Морозов ничего не знал о вашем отсутствии и сказать ничего не смог». Что я мог сказать в свое оправдание? Я вышел из комнаты и пошел в кабинет к Лаврентию Павловичу, поздоровался с Ордынцевым, он меня пригласил зайти в кабинет. «Где вы вчера были?» — спросил меня Берия. Я ему спокойно ответил, что я защищал диссертацию, осуществилась моя мечта. Он меня поздравил и сказал, что в дальнейшем я должен ставить лично его в известность, если буду отсутствовать на работе.

Второй случай, когда я вновь столкнулся с дисциплиной и твердым характером Лаврентия Павловича, был связан с работой на полигоне. Мне пришлось выезжать на полигон, Свердловский институт вел тогда работы на острове Возрождения. Я был предупрежден Лаврентием Павловичем, что еду представителем и должен первым доложить ему итоги проделанной за два с половиной месяца на полигоне работы. Мы уехали из Свердловска поездом, потому что было много имущества, оборудования,

проделали работу по плану, все было хорошо, и мы возвращались обратно в Свердловск.

Поезд был оставлен для разгрузки, и все ждали, пока подадут машины. Никто из вагона, где находился офицерский состав, не уходил даже домой, хотя большинство офицеров жили в Свердловске. И вот подошел ко мне старший лейтенант, он был уполномоченным СМЕРШ, я это знал, и попросил меня отпустить его домой, потому что, когда он уезжал, жена его была в командировке, а сейчас она опять уезжает. Поскольку разгрузка займет не менее трех часов, он хотел пораньше приехать домой, встретиться с женой. Я на него посмотрел, молодой мужик, работал он неплохо, никому не досаждал. Ну почему бы свердловчанину не разрешить поехать пораньше? Я его отпустил. А через три часа к вагону подъехала черная легковая машина, вышли двое и спрашивают Бургасова. Попросят меня следовать с ними в аэропорт. Я ничего не спрашивал, только были некоторые догадки.

Подъехали, сели в самолет, прилетели в Москву, и снова на машине меня привезли в Кремль. Сказали немедленно идти к Лаврентию Павловичу. Я тогда понял: что-то произошло, но не мог понять, что именно. Я вошел к Берии. Он спокойно попросил меня доложить о проведенной работе, о результатах опытов. Я ему буквально за 15 минут изложил все материалы, которыми располагал, без записи. Он был доволен отчетом, но поинтересовался, почему узнает детали не от меня, а от постороннего человека. «Такого человека не может быть». — А вот вы и не знаете, — ответил Лаврентий Павлович. — Вы отпустили сегодня уполномоченного СМЕРШа из эшелона домой, но он ведь поехал не домой, он поехал в областное управление МГБ и оттуда напрямую вышел на меня и докладывал, правда, сбивчиво и непонятно, о результатах исследований. Я вас прошу, если я говорю, только лично мне, то это значит — только вы, и только мне лично. Договорились?» Я еще раз поблагодарил Лаврентия Павловича за указания.

Прошло время, наступило лето, настал период отпусков. Я тогда уже был полковником. Пришел к Василию Алексеевичу Махневу попросить отпустить меня в очередной отпуск, имея на руках билеты и путевки. Он сказал, что сам ничего решить не может, есть указания Лаврентия Павловича в мой адрес, и поэтому если я хочу идти в отпуск, то надо писать рапорт на имя Лаврентия Павловича. Ну, вы представляете, мне, полковнику, напи-

сать рапорт на имя человека, которым являлся тогда Лаврентий Павлович Берия? Для меня он был тогда исключительным авторитетом. Он и остался таким для меня на всю жизнь. Что я мог сделать? Я высказал Василию Алексеевичу сомнения относительно такого решения, но он и слушать не захотел и повторил свое указание. «Пишите рапорт на его имя. Я вам рапорт подписывать не буду, потому что если я вас отпущу, то буду отвечать перед Лаврентием Павловичем, почему я это сделал без его ведома». Я написал короткий рапорт и отдал его Махневу. Через два часа он вернулся и показал мне мой рапорт. По диагонали красными чернилами написано: «Управляющему делами Совета Министров: отпуск товарищу Бургасову разрешаю. Обеспечить его всем необходимым, Л.П. Берия».

Когда я получил этот рапорт, то спросил у Василия Алексеевича, что мне с ним делать дальше. «Иди к Помазневу, пусть он решает вопрос, как и чем тебя обеспечить». Управляющий делами Совета Министров долго вертел мой рапорт, спрашивая, в чем я нуждаюсь и почему Лаврентий Павлович наложил такую резолюцию. Я ни в чем не нуждался. Тогда он отправил меня в бухгалтерию. Она находилась в помещении ГУМа. Там мне вручили пакет с продуктами и двойной оклад, а потом говорят: «Ничего другого мы не можем придумать, и Помазнев тоже не знает, но во всяком случае это выполнение резолюции Берии».

На этом благополучном событии можно было бы и закончить воспоминания, связанные с работой у Берии, но как только был убит Лаврентий Павлович, примерно через 2–3 дня исчез Василий Алексеевич Махнев, а когда появился, нервный и измученный, то рассказал следующее.

Работал у нас генерал Болятко. Он служил в Генеральном штабе и всегда участвовал в испытаниях ядерного оружия, но его участие ограничивалось только бумажной работой — оформлением итогов испытаний. Но тем не менее получал награды 3–4 раза в год. И вот этот Болятко в первый же день «ареста» Берии написал в органы безопасности большое письмо, где указал, что мы являемся предателями и пособниками Берии. И вот по этому документу Василий Алексеевич два дня находился в органах и писал объяснения.

Раньше я встречал Виктора Анисимовича Болятко. Он постоянно бегал, как мальчик, несмотря на то, что был уже генералом.

Позднее, придя работать в Седьмое управление, я встретил там Болятку, он шел по лестнице, и на мое приветствие не ответил. После «ареста» Берии меня вызвал управляющий делами Совета Министров и начал интересоваться, в каких отношениях я был с Берией, почему он наложил такую резолюцию на мой рапорт об отпуске и знаю ли я, где жил Берия. Я ответил, что я, как и он, человек подчиненный по специальным вопросам, и, следовательно, у меня были такие же служебные отношения, как и у всех. А где он живет, меня это просто не интересовало.

Прошло более полувека с тех трагических для нашей страны дней, когда был осуществлен террористический заговор Хрущева и Маленкова, унесший из жизни одного из наиболее выдающихся государственных деятелей — Лаврентия Павловича Берия. Мне, в прошлом слесарю Тульского оружейного завода, сейчас 89 лет. В то время, в период работы у Лаврентия Павловича, я был самым молодым в группе В.А. Махнева и сейчас, думаю, остался единственным свидетелем тех трагических событий. Прожив долгую, трудную и содержательную жизнь, которую согласился бы повторить снова, я не могу уйти в «потусторонний мир», унеся «тайну» убийства Лаврентия Павловича.

Неправда, облетевшая весь мир и часто повторявшаяся средствами массовой информации, относительно «ареста, суда и расстрела» Берии, опровергнутая и сыном Лаврентия Павловича Серго в книге «Мой отец — Лаврентий Берия», и документальной книгой Ю.И. Мухина «Убийство Сталина и Берия» (2002), по-видимому, очень нужна и теперь для воспитания нашей молодежи. Только настойчивым желанием обмануть людей можно объяснить, что 22 и 23 декабря 2003 г. телеканал «Россия» в 23.15 демонстрировал две серии фильма «Неизвестный Берия — полвека после расстрела». Это извращение имевших место событий неоднократно демонстрировалось во времена хрущевской «оттепели», но, оказывается, оно нужно и теперь, каким-то представителям россиян.

Характер нашей работы у Лаврентия Павловича — систематический сбор и анализ сведений и разведывательных данных, касающихся разработки средств массового поражения армии и населения ядерным, химическим и бактериологическим оружием, обусловлен историческими фактами использования руководством США ядерных бомб в Хиросиме и Нагасаки и вывозом

после окончания войны этим правительством из Японии специалистов, занимавшихся созданием бактериологического оружия. Не осуждением, а использованием специалистов Японии в своих специализированных учреждениях — Кэмп-Детрике. Занимаясь этой важной проблемой, мы помнили, что чума в Манчжурии в 1912 г. унесла более 100 тысяч жизней, и защита от этой исключительно опасной инфекции недостаточно эффективна и требует серьезных улучшений.

Как крупный, грамотный и энергичный государственный деятель, выполняя ряд жизненно необходимых для страны задач, Лаврентий Павлович подчинил себе и решение перечисленных проблем.

В день его убийства 26 июня 1953 г. стояла тихая солнечная погода. У Спасских ворот, при входе в Кремль, как и в корпусах, где располагались наши комнаты и кабинет Лаврентия Павловича, стояли те же часовые, которых мы хорошо знали. На территории Кремля не было никаких пленумов и заседаний, не было арестов с участием маршала Жукова. Весь этот бред, сочиненный Хрущевым и Маленковым, характеризует их как государственных преступников, освободивших место для своего господства убийством самого энергичного и решительного, после И.В. Сталина, руководителя государства. Деятельность его в группе детально описана в монографии Ю.И. Мухина, поэтому нет необходимости уподобляться рассуждениям «доктора исторических наук», сопровождавшего показ вымышленного фильма, тем более, судя по его внешности, в то историческое время он еще был слишком мал.

Настойчивое внедрение в сознание нашей молодежи явной лжи напоминает нам пожелания некоторых американских деятелей 40-х годов — Алена Даллеса, вице-президента Совета по международным отношениям, мечтавшего о «гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания... Для этого мы найдем своих единомышленников и союзников в самой России» (Платонов О.А. Почему погибнет Америка, 2001). В какой-то степени сюжет фильма служит отражением идей А. Даллеса.

Последний период работы под руководством Лаврентия Павловича оставил в моем сознании глубокий след о нем не только как о мудром государственном деятеле, но и как о замечательном, внимательном по отношению к подчиненным руководителе, всег-

да спокойном и отзывчивом. Только единственный раз я наблюдал эмоциональный взрыв, связанный с необдуманной деятельностью подчиненного. При мне полковник службы государственной безопасности восторженно докладывал о завершении им формирования специального батальона в количестве 950 человек для направления в прибалтийские республики — Латвию, Литву, Эстонию с целью ликвидации «банд лесных братьев». «Как вы додумались до такой дикой политической авантюры? — прервал его Лаврентий Павлович. — Вы хотите, чтобы там русских считали палачами? Немедленно распустите батальон и порекомендуйте своим сослуживцам в этих республиках сформировать собственные республиканские батальоны для решения таких задач».

От меня и полковника С.А. Морозова Лаврентий Павлович не скрывал свои переживания, связанные с деятельностью некоторых членов Политбюро нашей партии. Так, он возмущался позицией этих руководителей по отношению к югославскому руководителю — маршалу Броз Тито, которого наши СМИ (журнал «Крокодил») изображали в виде палача, отрубаящего головы югославским коммунистам. Речь шла о позиции маршала, который считал, что страной должно управлять правительство, а не партия, как принято было у нас.

Такое же возмущение Лаврентий Павлович проявлял по отношению к позиции наших руководителей, согласившихся с разделением побежденной нами фашистской Германии на сектора — английский, французский, американский и советский. Он считал, что если бы они настояли на создании в Германии демократического государства и не строили стен, отделяющих Западную Германию от Восточной, мы бы нашли действительное понимание немецким народом наших целей в союзе с ним, с его научно-техническим потенциалом и нашими научными, материально-техническими и сырьевыми возможностями создали бы союз, равного которому не могло бы быть в мире.

Что касается нашего личного поведения и отношения с окружающими, Лаврентий Павлович всегда подчеркивал, что никогда, ни при каких обстоятельствах не обсуждал с собеседником детали и характер служебной деятельности. Чтобы не проявлять замкнутость, он рекомендовал обсуждать доступные литературные темы, спортивные события и даже веселые анекдоты, но службы никогда не касаться.

Что касается хрущевской «оттепели», которая часто упоминается корреспондентами и политическими обозревателями, отвергающими все прошлое советское как негодное и восхваляющими эту «оттепель», то она, если коротко говорить, на мой взгляд, проявилась в следующем:

- в передаче Крыма Украине;
- в создании, кроме существующих, обкома по сельскому хозяйству;

- в ликвидации поголовья молочного скота жителей пригородных районов, поскольку при отсутствии кормов этот скот кормили хлебом (1958 г.). Рынки городов лишились продуктов;

- в тотальном освобождении огромных пойм дельты Волги от зарослей камыша, выкошенного по указанию Хрущева, для производства бумаги. Богатый, заселенный птицами и дикими животными край был превращен в мертвую пустыню;

- в расстреле жителей некоторых грузинских городов, не покидавших улицы в течение трех суток, в знак протеста против выступления Хрущева «о культе личности Сталина».

Мы часто забываем, а может быть, просто не знаем наших граждан, оставивших свой след в истории Родины. Любуемся величественным зданием Московского университета, построенного под руководством Лаврентия Павловича, или, спускаясь в метро на станцию «Войковская», не помним, что фамилию Войков носил член Екатеринбургского обкома партии (1918), поставивший Филиппу Голощекину (подчиненный Якова Свердлова) серную кислоту и бензин для сжигания тел членов царской семьи.

Хочется верить, что свобода слова в России, о чем весьма беспокоятся многие корреспонденты и руководители средств массовой информации, будет означать прежде всего свободу правды.

СЕДЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНШТАБА. СВЕРДЛОВСК. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СЕДЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Случай, а может быть, обстоятельства позволяли решить некоторые вопросы. Перед этим, как известно, была проблема «врачей-отравителей», которая ложно представляла события в кремлевской больнице. Тогда обвинили Ефима Ивановича Смирнова, что он не принимал какие-то соответствующие меры. Его освободили от должности министра здравоохранения. Мы не знали, что он освобожден от должности, и однажды, сидя за столом с Морозовым, я поинтересовался, где Ефим Иванович, что-то о нем ничего не слышно. Его интересовали некоторые аспекты наших исследований, и мы заимствовали у него многие данные, с ним общались, а здесь проходит неделя, и его никак не слышно.

Телефон у нас на столе. Я набираю его домашний телефон по ВЧ. Он дрожащим голосом спрашивает: «Кто?» Я говорю: «Я». Он с волнением отвечает: «Знаешь, Петр Николаевич, это первый звонок за две недели. Я не нахожу себе места. Никто меня не беспокоит, никто не вызывает. Спасибо тебе хоть за память». Потом все это прошло. Ефим Иванович уже работал начальником Седьмого управления Генерального штаба, которое занималось вопросами защиты населения и войск от оружия массового поражения.

Когда Помазнев предложил мне уйти, я понял, что остаюсь без работы. И с таким настроением возвращаюсь в кабинет вместе с Сергеем Алексеевичем Морозовым. И в это время раздается звонок от Ефима Ивановича: «Заезжай в Генеральный штаб». Он дает мне адрес и номер комнаты, куда я должен приехать. Я приехал к нему в штаб. Он говорит: «Ты мне очень нужен. Вот тебе должность начальника первого отдела Седьмого управления, будет у тебя двенадцать офицеров, будет и работа. Я буду докладывать маршалу Соколовскому о твоём назначении». В то время маршал Соколовский тоже относился, по-видимому, предвзято к деятельности Лаврентия Павловича. Он несколько задержался с решением, но, когда Ефим Иванович сказал, что я ему очень нужен, потому что знаю вопросы, которые сейчас в ведении Седьмого управления, Соколовский согласился с моим назначением. Вот потому, что я к Ефиму Ивановичу отнесся просто по-человечески,

он вспомнил обо мне и немедленно меня назначил на должность, которую я потом занимал.

Первый отдел был укомплектован грамотными офицерами. Для примера назову людей, которых сейчас уже нет, а некоторые, может, еще живы. Володя Лебединский был в моем отделе, Николай Гарин, Анатолий Филипенко, Султан Джарылгасов, сын Тихона Ефимовича Болдырева, Виктор Белокуров и некоторые другие. Работа шла очень слаженно и хорошо, мы друг друга понимали, тем более что были близки по возрасту. Ефим Иванович каждый день с утра приглашал меня к себе в кабинет, и мы беседовали по специальным вопросам. Заместителями Ефима Ивановича были такие серьезные и хорошие люди как мой любимый товарищ Николай Иванович Александров, автор поливакцины НИИСИ и многих других серьезных разработок, Василий Никанорович Павловский, брат Евгения Никаноровича Павловского. Это фигуры, которые вдохновляли нас и руководили нами. Мы находились в подчинении людей, знающих толк в работе, которую они исполняли. Так продолжалось несколько лет, но однажды по одному серьезному вопросу у нас разошлись мнения. Но не только я не согласился с Ефимом Ивановичем.

Один раз Николай Иванович Александров и я обсуждали серьезную проблему за столом в кабинете у Ефима Ивановича. Показывая на Александрова, Ефим Иванович сказал: «Я не могу убедить его», на что Александров ответил: «Что ты, Ефим Иванович, воротись от меня физиономию в окно? Смотри мне в глаза. Я эти вопросы не понимаю и не разделяю твою точку зрения». Я поддержал Николая Ивановича, посчитав, что он прав. С Ефимом Ивановичем у меня наметилось небольшое охлаждение, которое потом закончилось тем, что я попросил его найти мне самостоятельную работу вне управления.

Я был готов на любой выезд, тем более что у нас были учреждения, подчиненные Седьмому управлению. Он не возражал. Но до этого разговора было присуждение воинских званий. И вот Ефим Иванович, находясь в очень обостренных отношениях с начальником Генерального штаба маршалом Соколовским, решил проявить странную самостоятельность. У меня уже была должность генерала, это был 1955 г., и мне тогда было 40 лет. И вот, взяв представление, он предложил пойти вместе с ним в кабинет маршала Жукова, тогда тот был министром обороны. Подписав

представление, он решил пойти ко второму человеку, который должен был поставить свою подпись в представлении, — начальнику Генерального штаба маршалу Соколовскому. Быстро подписал документ и ушел, но, когда вышел Указ Верховного Совета о присвоении званий, меня там не оказалось.

Я написал рапорт на имя Соколовского, в котором указал, что меня ознакомили с моим личным делом, где подтверждалась моя эрудиция, моя дисциплина, была дана положительная характеристика, и что я очень прошу указать мне на те недостатки, которые помешали мне получить звание генерал-майора. Маршал Соколовский принял меня и очень вежливо сказал, что претензий ко мне не имеет. Я ответил, что обращаюсь не по претензиям, а хочу узнать, какие у меня есть недостатки, чтобы обратить на них внимание и в будущем предотвратить исключение моей фамилии из списков присвоения воинского звания. Маршал повторил, что у него ко мне нет никаких претензий, но так получилось, что я выбыл из списка.

Ну, выбыл и выбыл. Делать нечего. Через некоторое время я все-таки добился своего. Мне Ефим Иванович предложил должность научного руководителя свердловского закрытого учреждения. Квартиру в Москве мы сдали. Надо отдать должное моей жене Татьяне. Другая женщина сказала бы: «Ты езжай, а я не хочу бросать квартиру и хорошую работу. Ты не согласовал со мной, не спросил мое мнение». Татьяна сказала: «В Свердловск, так в Свердловск». Упаковали вещи, погрузились и поехали в Свердловск.

Там я познакомился с Алексеем Алексеевичем Покровским, будущим академиком и будущим директором Института питания. Он хорошо играл в волейбол, которым я тоже увлекался, и, что самое главное, мы с ним катались на беговых коньках на катке у нас в городке. Это был замечательный человек. В начале своего приезда из Москвы я поселился со своим сыном в его особняке. Он еще не освободил должность, а я еще не принял ее. Но со временем это все урегулировалось, и в особняк приехали моя жена с дочкой. Так началась моя новая жизнь, связанная со Свердловском.

При моем назначении в Свердловск руководителем исследовательского института был Николай Иванович Николаев, которого сменил Ювеналий Михайлович Волынкин — генерал, исключительно тактичный человек. Он никогда не повышал голос, а имея значительный опыт в работе с кадрами, знал цену людям, ценил их труд и старание.

Должность научного руководителя огромного учреждения с многопрофильной тематикой для меня, кандидата медицинских наук, не имевшего опыта по руководству наукой, требовала серьезной постоянной подготовки и самого близкого контакта с многочисленными сотрудниками отделов и лабораторий. Через десятки лет после отъезда из Свердловска я получил огромное удовольствие — посетить этот сохранившийся и процветающий институт в 45-летний и 50-летний юбилей.

Начальником этого института Министерства обороны — Института микробиологии — сейчас является Хоречко Анатолий Трофимович, а его заместителем по научной работе Николай Васильевич Литусов. Территория института превратилась за многие годы в красивый сосновый бор, благоустроена, покрыта хорошими асфальтовыми дорогами, имеет отличную бесплатную школу, спортивные площадки, и только прежний высокий забор отделяет ее от внешнего мира. Жизнь, работа и условия отдыха в городке благодаря деятельности руководства института ничем не напоминают о тяжелых последствиях перестроечного периода, следы которого четко вырисовываются в самом Свердловске.

После генерала Волынкина должность начальника института занял генерал Василий Никанорович Павловский, который, пригласив меня на первую встречу, четко определил наши обязанности. Он сказал, что, поскольку не совсем силен в науке, а очень любит административные, кадровые и хозяйственные вопросы, поручает мне организацию и исполнение научных вопросов, при условии, что я буду систематически докладывать ему итоги выполняемых тем. И эту предложенную схему работы мы выполняли на протяжении всего периода нашей совместной работы. Василий Никанорович ни разу не нарушил ее.

Говоря о прошлом института, о годах моей работы в нем, нельзя не вспомнить о людях, бывших его цветом и гордостью. Многие, большинство, уже покинули наш мир, другие живы и хранят в памяти прошлое института. Нет Василия Никаноровича Павловского, Ювеналия Михайловича Волынкина, моего близкого друга Николая Ивановича Александрова, Измаила Ивановича Субботина, Александра Лазарева, Дмитрия Голидонова и многих других. Ушел из жизни и Сергей Иванович Пригода, один из последних моих друзей-соратников.

К счастью, здравствуют великолепные, умные люди. Живы Виктор Терещатов, Мария Григорьевна Спасская, Евгений Леонтьевич Попов, Сергей Николаевич Румянцев, Всеволод Красильников. Все эти специалисты внесли своей деятельностью исключительно важный вклад в оборону нашей страны.

Институт занимался разработкой средств защиты населения и армии от биологического оружия. В то время, сейчас об этом не говорят, американцы, имея серьезные разработки по использованию оружия массового поражения — ботулинического токсина и других возбудителей болезни, нашли документы технологического плана и специалистов Японии, занимавшихся этими проблемами, и шагнули далеко вперед. Мы не могли оставаться позади и ждать, когда на нашу страну обрушатся ужасы Хиросимы и Нагасаки, вызванные не ядерным, а биологическим оружием.

Для того чтобы разработать эффективное средство, защищающее человека от смертельного поражения ботулиническим токсином, биологического яда, не имеющего себе равных, необходимо было точно знать, от какого типа токсина из шести существующих в природе нужно было искать защиту: от типа А, В, С, D или Е и F. Каждый яд был специфичен и мог нейтрализоваться только одноименным противоядием — антитоксином.

В опытах на животных такие вопросы решить нельзя, поскольку чувствительность их к этим ядам различна. Если, например, для смертельного поражения лошади требуется введение ей нескольких десятков мышинных доз токсина типа С, то для человека таких доз требуются миллионы. Грудная, кропотливая и связанная с воздействием на здоровье и риском для жизни, такая работа с различными типами токсинов проводилась сотрудниками на себе. Было установлено, что токсин А в несколько сотен тысяч и миллионов раз токсин А опаснее для человека, чем другие токсины. К нему по токсичности приближается токсин типа В. Оба токсина доступны для промышленного производства и продолжительного хранения. Как результат этих исследований, в 70-е годы в существовавшую тогда и широко используемую поливакцину НИИСИ, разработанную профессорами Ниной Ефимовной Гефен и Николаем Ивановичем Александровым, были включены ботулинические антитоксины А и В. Этот комплексный препарат стал широко использоваться для прививок в армии и отдельным группам взрослого населения городов.

К сожалению, созданная к этому времени система массовых прививок населения безыгольными инъекторами отечественного производства не нашла дальнейшего применения. Компании, производившие шприцы разового использования, практически кушили некоторых ученых, убедивших органы здравоохранения в том, что использование автоматических безыгольных шприцов очень опасно, так как при таких инъекциях может от пациента к пациенту передаваться ВИЧ. Оказывается, по мнению этих ученых, ВИЧ обладает способностью сопротивляться высокому давлению, пробивающему кожу и подкожную клетчатку прививаемого, и попадать в аппарат. Большую глупость представить себе очень трудно. Но деньги делают деньги.

Работа в Свердловске была очень напряженной не только из-за нагрузки, когда ведущие специалисты раньше 12 ночи не возвращались к семьям, но и ожидания результатов исследований. В большой степени эти результаты подтверждались или исключались ежегодными полевыми опытами.

Свободное от работы время, в воскресные дни, мужское население нашего института, особенно зимой, проводило на рыбалке, подледном лове окуней и чебаков. Климат Урала значительно отличается от московского, когда мороз в -20° не воспринимается как жестокий. У нас не было никогда сомнений относительно возможности выезда в лес или на рыбалку. Наши желания всегда осуществлялись, а руководство института обеспечивало отъезжающих соответствующим транспортом.

Однажды моя дочь Марина подобрала в дождливый осенний день мокрого котенка и принесла домой. Шло время, и котенок превращался во взрослого кота со своими особенностями, которые стали приносить неприятности моей жене и всей семье. Мы жили в одноэтажном особняке с небольшим участком земли, примерно в 70–100 метрах от места работы, что позволяло значительно экономить время. Выросший кот весь день отдыхал, а с наступлением темноты отправлялся на прогулку. Всю ночь кошачьи крики раздавались под окнами дома. Под утро мокрый, драный, он возвращался через открытую форточку, причем не просто запрыгивал, а влетал, попадал в тюлевую занавеску и, запутавшись в ней, падал на цветочные горшки, которые переворачивал. И так каждую ночь. Сам он, не чувствуя угрызений совести, отправлялся спать под батарею, где ложился лапами вверх, отогревая замерзшее брюхо.

Вся эта ночная неразбериха, грязь и порванные занавески наконец надоели и привели к настоятельной просьбе жены куда-нибудь его деть. Выполняя ее просьбу, мы с сыном Сергеем, отправляясь по Челябинскому тракту на рыбалку, в закрытой корзине завезли кота километров за 40 от Свердловска и выпустили в поселке, находящемся на пути. Наша спокойная, без кота, жизнь продолжалась несколько месяцев, но однажды ночью с подоконника опять упали цветы, тюль на окне был разорван и выпачкан землей, а наш полосатый кот лежал под батареей и грел лапы и живот. Такой подвиг не остался неоцененным. Мы решили оставить кота в покое. Однако через некоторое время вновь возникла необходимость отвезти его подальше от дома. Перевозка осуществлялась тоже в ночное время. На этот раз его увезли за 80 километров от города. Мы выпустили его, вернее, передали из рук в руки сторожу, охраняющему кооператив. Прошло месяцев восемь. Возвращаясь в 12 часов ночи в дождь домой, я услышал хриплое мяуканье из цветочной клумбы, находившейся перед входом в дом, открыл дверь и выпустил кота домой. Больше мы не пытались от него избавиться, терпели ночные подвиги, оценив его постоянное стремление искать и находить свой дом.

1 мая 1963 г. в Свердловске был ясный, солнечный день. Я с семьей находился на участке около дома, а рядом на таком же участке трудились мой начальник Василий Никанорович Павловский с Анной Петровной, своей женой, занимаясь весенними посадками. Меня позвали к телефону, и дежурный из Управления Генерального штаба сообщил, что мне присвоено звание генерал-майора, а высшая аттестационная комиссия утвердила ученую степень доктора медицинских наук после защиты диссертации, выполненной в этом институте. Такой золотой дуэт завершился срочным приглашением сотрудников, друзей на продолжительное «чаепитие» в нашем доме.

В 1963 г. в институт приехал Ефим Иванович Смирнов, с которым мы расстались в 1958 г. О Москве я не думал. Работа была интересной, хороший коллектив, все условия для жизни, научной работы, отдыха. Он предложил мне вернуться в Москву на должность заместителя начальника управления, которую по личной инициативе уступает мне генерал-майор Александров, перейдя на должность научного консультанта. Этот вопрос, сообщил Ефим Иванович, согласован и с маршалом Советского Союза

Иваном Христофоровичем Баграмяном, которому подчинялось Управление. Что я мог ответить? Под Москвой живут родители жены. Она будет довольна, что мы возвратимся. Я дал согласие и переехал на другую работу, а вернее — вернулся к прежнему месту работы, но в другой должности. Сотрудников я всех знал, пользовался уважением. Исключение составлял заместитель Ефима Ивановича по политической части генерал Пупышев, человек, о котором не хочется что-либо писать. Думаю, в своей жизни он принес окружающим больше неприятностей, чем добра.

Работа началась. Я пришел в кабинет Ефима Ивановича, поскольку он приказом по Генеральному штабу назначил меня исполняющим обязанности начальника Управления в связи с уходом его в отпуск и на дополнительное продолжительное лечение. Систематическое отсутствие в утренние часы Пупышева позволило мне как исполняющему обязанности узнать о причине его непоявления на работе. С подчеркнутым сарказмом он ответил, что занимается делами, о которых не считает возможным докладывать временно исполняющему. Дело оказалось серьезнее, фактически началась подготовка кампании по освобождению меня от должности.

Прошло три месяца. Вернулся из отпуска Ефим Иванович, а в это время полным ходом работала созданная комиссия по анализу работы управления. Что проверяли и что искали, я не знал. Председателем комиссии был представитель Генштаба. Ефим Иванович также подтвердил, что не в курсе дел, чем очень серьезно озабочен, так как комиссия была срочно создана по его инициативе. Первый и последний вопрос, который мне был задан на комиссии, касался работы Николая Ивановича Александрова и заключался в требовании комиссии узнать, насколько я одобряю деятельность Николая Ивановича и как буду реагировать на решение комиссии отправить Александрова в отставку. Я ответил, что все достигнутое в свердловском институте — заслуга Николая Ивановича. Он еще очень нужен, и без него я работать в управлении не собираюсь. Некоторые члены комиссии улыбнулись и оценили мой ответ как желание покинуть управление вместе с Николаем Ивановичем. Такое решение по настоянию Ефима Ивановича было записано. Его он отстоял и при обсуждении акта комиссии у маршала Баграмяна. Случай редкий, когда без серьезных аргументов два генерала одновременно

освобождаться от работы. За три месяца работы в управлении, даже при преступном желании, нельзя было развалить работу и заслужить такое решение.

О действительных событиях, приведших к принятию такого решения, я узнал позднее. На должность начальника Генерального штаба был назначен другой маршал. Ему доложили о делах Седьмого управления, об освобождении двух генералов. Николай Ивановича разыскали и пригласили к новому начальнику, который сказал, что он немедленно восстановит нас на работе, как только вернется из поездки к маршалу Броз Тито. Он улетел и погиб при посадке самолета в Югославии. Николай Иванович был потрясен этими трагическими событиями. У него наступило тяжелое психическое расстройство, от которого он не смог избавиться до самой кончины.

Вскоре после этих событий мне предложили занять кафедру военно-медицинской подготовки Центрального института усовершенствования врачей. Директор института Мария Дмитриевна Ковригина, известный крупный организатор здравоохранения, с твердым характером, поинтересовалась моим отношением к Ефиму Ивановичу Смирнову. Сама его она никогда не уважала, однако, получив ответ, что в служебных отношениях всякое бывает, никогда этот вопрос больше не задавала.

Преподавание на кафедре мне очень понравилось. Я испытывал большое удовлетворение после прочитанных лекций, на которые приходили не только занимающиеся военно-медицинской подготовкой, но и курсанты других кафедр. Секрет успеха определялся только тем, что многие параграфы Устава внутренней службы занимали несколько строчек, а излагались в лекциях многими часами с использованием фактического материала военных действий, в которых я сам принимал участие. Так, например, простой параграф, гласивший о том, что каждый военнослужащий, вернувшийся из отпуска или из командировки, обязан пройти медицинский осмотр. Кажется, ясно сказано и просто исполнить, но этот параграф я излагал в течение трех часов при абсолютной тишине в переполненной аудитории. В лекции шла речь о женщине, не выполнившей этот параграф и в результате свободного общения с военнослужащими многих подразделений заразившей их сифилисом.

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА. ВСТРЕЧА С ЛЮДЬМИ, КОТОРЫХ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Моя педагогическая деятельность, которая меня полностью устраивала и хорошо оценивалась руководством института, вскоре неожиданно прекратилась по причине назначения на новую должность — главного государственного санитарного врача СССР, состоявшегося в декабре 1965 г., о чем я расскажу в конце повествования.

Это назначение свело меня с замечательным человеком, крупным хирургом Борисом Васильевичем Петровским. Я не могу рассказать обо всей работе Минздрава Союза, где я стал работать, но можно отметить, что лучших условий для работы при таком руководителе как Борис Васильевич Петровский у меня не было. Этот человек абсолютно доверял мне, молодому специалисту в этой области, поддерживал во всех моих начинаниях, никогда не прерывал, хотя иногда и нужно было это делать. Во всяком случае ничего кроме глубокого уважения как к человеку, как к организатору здравоохранения и как к уважаемому и известному у нас и за рубежом хирургу у меня к Борису Васильевичу никогда не было. Я очень признателен ему за те долгие годы совместной работы, искренне рад, что и сейчас он жив и активно работает.

Однако должен сказать, что ситуация в министерстве резко изменилась, когда его место занял Сергей Петрович Буренков. Это самый тяжелый период моей работы в министерстве. Я исполнял обязанности главного государственного санитарного врача ровно 21 год. К сожалению, концовка была очень печальной, очень мрачной, и связана только с характером этого так называемого министра, который пришел на смену Борису Васильевичу. Невероятны бывают люди, которые мало что знают, но пытаются кому-то угодить и кого-то в чем-то упрекнуть. Вот так это было с Буренковым. Однажды мне пришлось его встретить в больнице. Я находился там после операции и видел его в коридоре, он тоже находился в этой больнице. Какой-то беспокойный, все время ходил к телефонам и звонил. Я посмотрел и подумал, что жизнь у него сложилась не совсем хорошо.

В качестве характеристики, забегая несколько вперед, хочу рассказать один маленький эпизод из жизни нашего министра Сергея Петровича Буренкова. Мы принимали очень большую делегацию иностранцев и хорошо за столом посидели. Выходя из ресторана при гостинице, мы шли все вместе, и иностранцы, и мы, провожая нашего министра к машине. У машины стояла его супруга. И было совершенно непостижимо и немыслимо для нас, что, когда он подошел к машине, она развернулась, ударила его по щекам и толкнула в машину, села сама, и они уехали. Я стоял растерянный. На меня смотрели члены делегации. «Что же это у вас за министр, если его на улице бьет женщина? Позор какой!» Наутро он приехал на работу, как ни в чем не бывало. Это один эпизод.

Второй эпизод, которым я хотел бы закончить, чтобы больше к этому не возвращаться. Правительство получило телеграмму из Югославии, что отправленная партия свиных окороков якобы заражена трихинеллами, что это опасно. Трихинеллез — тяжелое заболевание, и поэтому эту партию нужно проверить. Я знал, что такое трихинеллез, а у моего министра была резолюция Черненко: «Доложить немедленно». Тот ходил по кабинету, нервничал и говорил: «Надо срочно выяснить, что это такое, и нужно немедленно доложить». Я позвонил в Министерство торговли, у меня с ними были постоянные связи. Мне сказали: «Петр Николаевич, эта шифровка липовая, написали глупые вещи, окорока проверены — качественные, никаких вопросов у нас нет». Я сказал: «Ну, хорошо, разговор разговором, но дайте мне такую справку». Заместитель министра написал справку, что окорока доброкачественные и никакого трихинеллеза нет. Я приехал с этой справкой к министру и положил ее ему на стол. Он посмотрел и говорит: «Что вы мне кладете? Это написал замминистра?» Я говорю: «Да». — «А пусть мне напишет сам министр». Я ответил: «Вот телефон у вас на столе, звоните этому министру, и пусть он вам сам объяснит, в чем дело». Он позвонил этому министру. Тот сказал: «Тут же был ваш заместитель, и он получил ответ». — «Мне от вас нужна справка», — сказал Буренков. Ну и тот написал справку, что окорока доброкачественные. Я зашел в кабинет, куда пришел и начальник управления Всеволод Евгеньевич Ковшилов. Стоим мы втроем. Наконец Буренков, будучи, наверное, взвинченным, говорит мне: «Знаете что? Мне надоело быть вашим опекуном». Он считал, что он меня опекает, посылая за справками в Министерство торговли. Вот это

меня страшно возмутило. Я сказал, встав из-за стола: «Во-первых, Сергей Петрович, я не знаю, что такое опекунство, потому что с 15 лет работал на оружейном заводе и имел карточку первой категории, на которую жила вся семья. Во-вторых, Сергей Петрович, я старше вас по возрасту и в партии я больше вас нахожусь. Ну и последнее, Сергей Петрович, я ведь и умнее вас». Вот здесь он и не ожидал такой реакции, подскочил: «Ну, не будем ссориться...» Я говорю: «Я не ссорюсь, я вам просто ответил на вашу реплику, кто вы такой». Он сел в машину и уехал в Центральный комитет.

Я знал, что через несколько минут после его отъезда будет звонок. Звонок состоялся, и заведующий сектором здравоохранения ЦК Болтрунас — я его мало знал, он литовский представитель от здравоохранения Союза — сказал, что мы давно не виделись, нам нужно встретиться, поговорить. Я ответил согласием и спросил, когда приехать. «Приезжайте завтра в 10 часов». Я приехал. Вместе с ним сидел его заместитель. Разговор начался издалека, что я очень давно и успешно работаю в этой области, но уже в возрасте, много сделал, и, наверное, лучше бы сейчас мне не в кабинете сидеть, а с удочкой на водоеме ловить карасей. Я ему ответил, что и сейчас карасей ловлю по воскресеньям и рыбную ловлю не бросил, поэтому в дополнительном отдыхе не нуждаюсь и его беспокойство не могу понять. Тогда он сказал мне: «Вы знаете, вы несовместимы с министром здравоохранения». Я ответил: «Если бы я был совместим, я бы давно покончил жизнь самоубийством, потому что совместимость с этим человеком я не допускаю, поэтому освободите меня от такого сравнения». Тогда уже он вышел из себя и заявил, что предлагает мне уйти на пенсию. Я ответил, что предложение очень странное, поскольку я на пенсию ушел в 1966 году как генерал-майор. Он совсем растерялся и сказал сквозь зубы: «Знаете, мы найдем возможность вас освободить». — «Тогда освобождайте», — ответил я. «Нет, вы напишите заявление о желании уйти на отдых». Здесь я не выдержал и говорю: «Товарищ Болтрунас, я не писал вам заявление о назначении на должность главного государственного санитарного врача страны и писать заявление о том, чтобы меня освободили, тоже не буду. Вы или ваши товарищи меня назначали, вы меня и освобождайте. Я к вам претензий никаких не имею».

В августе 1986 г. меня освободили от должности, и я ушел из министерства. Однако самое невероятное было в том, что мой

шеф, мой министр, который от меня избавился, был освобожден в этом же году, но в каком месяце! 28 декабря. Я не помню такого случая за всю историю работы в министерстве, чтобы человека, занимавшего такой пост, даже если он где-то проштрафился, под Новый год освобождали от должности. Ну, обычно это делалось 4 или 5 января, после Нового года, но не под Новый год. Это значит, что настолько министр наш уважаемый надоел всем в правительстве, что они решили его досрочно, до начала года, освободить от занимаемой должности. Так закончилась моя работа в министерстве.

Однако закончить только этим неудобно, потому что работа главного государственного санитарного врача связана с деятельностью многих министерств. Я могу сказать в качестве примера, что каждую среду проходил президиум Совета Министров, который вел обычно председатель Совета Министров Алексей Николаевич Косыгин, и не было случая, если только я не был в отпуске или командировке, чтобы я не присутствовал на этом президиуме, потому что всегда возникал ряд вопросов по другим министерствам, в какой-то степени связанных с нашей службой, с нашей деятельностью и с нашими решениями. Всегда нужны были дополнительные справки, какие-то рекомендации.

Что касается нашего председателя Совета Министров Алексея Николаевича Косыгина, могу сказать, что, по-видимому, в истории редко встречаются люди такого склада характера, такой эрудиции и такого уважения среди окружающих. Я не помню случая на президиуме Совета Министров, чтобы Алексей Николаевич вспылал, кого-то очень серьезно осадил. Он говорил уверенно, очень доходчиво и аргументированно и всегда оказывался прав. Ну, скажем, если шла речь о документах, которые уже согласованы с Политбюро, он заранее нам говорил: «Товарищи, дискуссии по этому вопросу здесь не будет. Этот документ оформлен и одобрен уже Политбюро, поэтому нам обсуждать нечего». Но там, где нужно было решать вопросы серьезно, он решал их до конца.

Приведу такой пример. Я был членом Государственной комиссии по строительству и приему завода в Тольятти, а вы знаете, что этот завод строили итальянцы по своему проекту и всю документацию сами оформляли. Однажды на заседании президиума Совета Министров возник вопрос о стоимости строительства, которое уже началось, но еще не был утвержден проект. И член Государственной комиссии, которому было поручено просмотреть этот

проект, документацию и финансовые дела, докладывает Алексею Николаевичу, что комиссия рассмотрела и находит возможным сократить объем капитальных вложений на строительство примерно на 15 миллионов рублей. Алексей Николаевич встал, обычно он сидел, а здесь встал и говорит: «Товарищи, давайте построим хоть один завод, достойный нашей эпохи. Я не сокращу ни одного рубля на строительство этого завода, я верю в этот проект и специалистам, которые его составляли, и я думаю, что мы не ошиблись».

И вы знаете, действительно, он не ошибся. Я был на этом заводе несколько раз и когда мы принимали его окончательно. Цех чугунного литья — ходят люди в белых рубашках с галстуками, раздаётся какой-то мерный шум и иногда такое мягкое падение, это детали плавки выпадают на конвейер. Огромный цех протяженностью 200–300 метров. В цехе люди ездят на велосипедах, не ходят, потому что хождение требует много времени. В цехе, который работает в условиях пониженных температур, все оборудование розовое, такой окраской понижается воздействие низких температур. В цехах горячего производства — голубые тона, которые снижают такие температурные воздействия. Вот даже эти вещи были предусмотрены. Но самое главное, медицинская часть была так построена, что сначала туда въехали все хозяйственные подразделения, финансы, кадры и еще место оставалось для того, чтобы еще кого-то разместить. Вот такой завод был построен по решению нашего правительства и главным образом с одобрения председателя Совета Министров Алексея Николаевича Косыгина.

В заключение не могу согласиться с тем, что как только он заболел, он был выведен из состава Политбюро. Нужно было видеть эту непрерывную очередь к его гробу, который был установлен в Центральном театре Красной армии, эти колонны трудящихся, прибывающих со всех городов страны, чтобы проститься с умершим Алексеем Николаевичем Косыгиным, чтобы понять, что это был невероятный человек, уважаемый и любимый у нас в народе.

У него были два заместителя: Кирилл Трофимович Мазуров, я о нем потом скажу немножко, и Дмитрий Степанович Полянский, тоже человек, заслуживающий внимания. Полянский в свое время был отправлен послом в Японию. Хотя у меня с Полянским были отношения как у подчиненного с начальником, но он никогда не держал себя как начальник, а был человеком мудрым, корректным, вежливым, знающим свою работу. Что касается Кирилла Трофи-

мовича Мазурова, о нем очень много хорошего можно сказать. Но все-таки после смерти Алексея Николаевича Косыгина председателем был назначен Тихонов. У меня осталось тяжелое впечатление об этом человеке, и оно было связано не с его работой, в работе его мало кто уважал, это впечатление связано с одним событием, которому я был свидетелем.

Тихонов нас собрал для рассмотрения бюджета Академии медицинских наук. Бюджет был небольшой, и нужно было кое-где добавить денег для научно-исследовательских работ. Я присутствовал в составе делегации от Министерства здравоохранения, но тогда уже имел отношение к академии как ее член-корреспондент. Делегация, которую тогда возглавлял академик Владимир Дмитриевич Тимаков, президент нашей академии, собралась в кабинете у Тихонова. Шло заседание нормально, все выступали, говорили, что нужно, как нужно. Тихонов, как правило, молчал, ничего не отвечал, сколько он нам добавит, мы не знали, во всяком случае у нас большой убежденности в этом не было. Последнее слово было за Владимиром Дмитриевичем Тимаковым, он сидел справа от меня за столом. Он поднялся, сказал два слова и упал на спинку стула. Мы его поддержали. Растерялись все, встали из-за стола, взяли его на руки и вынесли в приемную. Он не дышал. Он был мертв. Нужно было решать, что делать дальше, как сообщить. Мы зашли в кабинет Тихонова с просьбой прекратить заседание, потому что нужно связаться с семьей, решить все организационные вопросы. Что, вы думаете, Тихонов сказал? Он сказал: «У меня нет времени откладывать, садитесь, и мы продолжим совещание». Поймите наше положение. Лежит в приемной мертвый президент академии, которого мы уважали и любили, Владимир Дмитриевич Тимаков, и сидит председатель Совета Министров, председатель правительства, который, невзирая на это, считает необходимым продолжать совещание, которое уже не нужно.

Я думаю, что действия Тихонова были связаны только с одним. Он, наверное, испугался, что пойдут слухи, что заседание было настолько бурным, что президент умер прямо на его заседании. Вот каким у меня остался в памяти этот Тихонов, который заменил Алексея Николаевича Косыгина на его посту.

О Кирилле Трофимовиче Мазурове, бывшем партизане, крупном деятеле партии, исключительном человеке, можно говорить очень много. К сожалению, он рано ушел из жизни. Таких людей

в нашей практике встречается мало. Я могу только сослаться на отдельные примеры, которые позволяют мне о нем так судить. Однажды он вызвал меня по телефону. Мне нужно было доложить ему обстоятельства одного дела. Так вот, я пришел к нему и сел за стол. Вдруг зазвонил телефон. Он взял трубку, послушал и говорит: «Знаете что, Петр Николаевич, зайдите в мою комнату отдыха, пожалуйста, мне нужно на минуту прерваться». Я зашел в комнату отдыха. Там были журналы, я минут десять там сидел. Он пришел и начал извиняться передо мной, что прервал нашу беседу.

Следующий эпизод. Я собрался в отпуск и получил из Батуми телеграфное сообщение, что там имеют место два случая смерти студентов, которые остановились в прибрежном санатории на берегу Черного моря. Внезапные случаи смерти. Значит, или острое отравление, или такие болезни как холера, чума и другие.

У меня на руках путевки в санаторий на меня и на жену, я уже получил деньги за отпуск. Что делать? Я звоню Кириллу Трофимовичу: «Кирилл Трофимович, такая ситуация, я должен уехать утром в отпуск, но получили шифровку о двух случаях смерти. Посылать кого-то другого я не могу, я буду беспокоиться в отпуске. Разрешите мне уехать сейчас туда, а когда я решу вопрос и вернусь, потом отпуск свой продлю». — «Какой может быть разговор? Спасибо вам за такое решение. Пожалуйста, уезжайте». Я уехал. Там было два случая холеры. С них началась холера в 1970 г.

Когда все вопросы были решены и холера ликвидирована, нас собрал Алексей Николаевич Косыгин. Обо всем поговорили, всех поблагодарили, сказали, кому что положено за эту работу. Алексей Николаевич был очень доволен завершением наших исследований. Наконец, Алексей Николаевич сказал, что все встреча закончена и все могут идти по своим делам. Кирилл Трофимович встал и говорит: «Петр Николаевич, подождите минутку». Ну, мне неудобно. Борис Васильевич Петровский уходит, а я остаюсь. Я задержался, и Кирилл Трофимович говорит: «Вот мы посоветовались здесь и хотим вам сказать, что очень благодарны вам за те меры и работу, которые вы осуществили. Вы награждаетесь орденом Ленина». Я поблагодарил, выбегаю, а Борис Васильевич меня ждет. Ну что я ему скажу? Что меня поблагодарило правительство, а его не оставили при этом? Я сказал, что Алексей Николаевич Косыгин интересовался, когда в Астрахани может начаться охота, рыбная ловля, так что это вопросы частного порядка. На

этом мы закончили. Такой был Кирилл Трофимович Мазуров, и так он относился к людям.

Сейчас, когда по телевизору идет реклама так называемого масла «Рама», показывают разных женщин, мужчин, детей, которые говорят, что это настолько вкусно, что даже напоминает вологодское масло. Мое мнение заключается в том, что некоторые выступающие даже и не знают, что такое вологодское масло. А с вологодским маслом у меня связана одна история. Однажды меня и Алексея Алексеевича Покровского, который был академиком и директором Института питания, вызывает Дмитрий Степанович Полянский. Пригласил, угостил чаем и говорит: «У меня к вам очень хороший разговор. Вот вы, врачи, во всех своих публикациях предупреждаете население, что много масла есть вредно. Надо с этим заканчивать, потому что вы людей отучаете от хорошего продукта — сливочного масла. Я вас очень прошу, вот если сегодня вечером вы представите большую статью в "Правду" о пользе сливочного масла с двумя подписями: академик Покровский А.А. и главный государственный санитарный врач, член-корреспондент АМН СССР Бургасов П.Н., я немедленно опубликую эту статью». Мы спрашиваем: «Дмитрий Степанович, а в чем дело? Почему возникает такая ситуация?» Он сообщил откровенно, что ежегодно огромное количество вологодского масла экспортируется через компании Дании за рубеж. А в этом году появились какие-то умельцы, которые нашли что-то в этом масле, что не позволяет его принять на экспорт, и вся огромная партия масла остается у нас сейчас в холодильниках, а продать его трудно, никто не покупает много масла. Ну вот и надо написать, что оно полезно. Я говорю: «Дмитрий Степанович, может быть, лучше цену изменить?» Он ответил, что это исключено, потому что правительство имеет определенные расценки, оно их менять не будет.

Мы сели с Алексеем Алексеевичем Покровским и написали статью. Она была опубликована на второй день в «Правде», и меня срочно вызывает Борис Васильевич и спрашивает: «Петр Николаевич, что случилось? Вам что, делать нечего? Вдруг вы публикуете статью о пользе сливочного масла. Вы же всегда, наверное, писали, что оно в больших количествах вредно для людей». Я говорю Борису Васильевичу, что никогда в жизни ни я, ни Алексей Алексеевич Покровский не выступали против использования в питании сливочного масла, тем более вологодского. К нам обратились не-

сколько инстанций с просьбами написать свое мнение, вот мы и изложили. Он говорит: «Нет, вы можете писать, но, похоже, что что-то случилось в стране». Правда, потом я Борису Васильевичу рассказал, что речь шла о партии сливочного масла, которое нужно было продать.

В характере наших руководителей правительства была одна особенность: они доверяли многим товарищам большие объемы работ, требовали исполнения и во многих случаях всегда выступали в защиту этих людей, которым было оказано доверие. В частности, скажем, по положению о государственном санитарном надзоре. Когда у нас это обсуждалось, Кирилл Трофимович Мазуров высказал мысль, чтобы меня вывели из подчинения Бориса Васильевича Петровского. «Он министр, ему работы хватает, а вы отвечаете за свою работу, и ваше решение окончательное». Я тогда сказал Кириллу Трофимовичу, что Борис Васильевич ни разу мои решения не отменял и не собирается этого делать. У нас идет совместная работа, и нет соответствующих вопросов. Тогда Кирилл Трофимович Мазуров с нами согласился.

И вот возникает одна ситуация. В Челябинске главный санитарный врач города закрыл цех чугунного литья Челябинского тракторного завода. Закрыл по санитарным показаниям: запыленность огромная, вентиляции никакой нет, грязь, люди болеют. Однако когда это решение дошло до заместителя Алексея Николаевича Косыгина, который курировал эту промышленность, тот решил отменить решение главного санитарного врача Челябинска. Санитарный врач Челябинска — это была женщина, обратилась ко мне с просьбой ее поддержать. Я написал заключение: «Категорически настаиваю на закрытии цеха и поддерживаю решение главного санитарного врача Челябинска». Наконец, заседает Совет Министров, куда вызывают меня и Аветика Игнатьевича Бурназяна, который у нас занимался космической медициной. Вызывают также министра Бориса Васильевича Петровского. Идем мы на заседание, и Аветик Игнатьевич мне говорит: «Ну вот, Петр Николаевич, наверное, все с вашей деятельностью связано. Вот заместитель Косыгина отменил решение санитарного врача Челябинска, а вы вмешались и подтверждаете решение этого врача, и сейчас придется нам выслушивать серьезные замечания председателя Совета Министров». Я промолчал, я не знал, о чем речь будет, кто кого будет обвинять и в чем.

Пришли мы, сели вдоль стенки, посередине стоял стол Алексея Николаевича. Первое, с чего он начал, он обратился к Аветику Игнатьевичу Бурназяну с вопросом: «Товарищ Бурназян, кто вы по специальности?» Он отвечает: «Я врач». — «Ну, почему же вы, врач, направляете мне на утверждение раскладки питания космонавтов? Почему председатель Совета Министров должен утверждать раскладки питания космонавтов? Я что, специалист в этой области? А вы абсолютно в этом деле не понимаете? Вы же специально занимаетесь медициной для космонавтов. Как же вы себе такие вещи позволяете?» Бурназян что-то ответил Алексею Николаевичу, который потребовал такую практику прекратить, что это последний раз, когда он делает замечание и что он этого не потерпит.

Вступление было очень напряженное. Я сижу и думаю: «Ну сейчас и по мне». Алексей Николаевич спрашивает: «А главный государственный здесь?» Я встаю: «Здесь». Тогда он обращается не ко мне, а к своему заместителю, который отменил решение санитарного врача Челябинска, и говорит ему: «Я вас в последний раз предупреждаю, что если вы еще хоть раз или кто-то из вас отменит решение главного государственного санитарного врача страны, будете нести серьезную ответственность передо мной и перед партией. Вы не имеете на это права. Решение главного государственного врача могу отменить только я, но я этого никогда не делал, и, наверное, мне этого не придется делать».

Я, конечно, был на седьмом небе, что называется. Мы вышли, и мне Борис Васильевич говорит: «Вот, видите, как все решается». Я отвечаю: «Борис Васильевич, жизнь есть жизнь, в жизни все бывает». Вот я продемонстрировал характер нашего уважаемого председателя Совета Министров Косыгина Алексея Николаевича, его решительность и его понимание задач, которые он себе ставил.

Я не знаю, как обстоят дела сейчас в Минздраве России. Очень приятно, что сейчас главный государственный санитарный врач России является и первым заместителем министра, это большое дело. Тогда у нас не было двух первых заместителей, был только один, а остальные были просто заместителями министра. Однако если этот санитарный врач будет подчиняться в законодательном порядке нашему правительству, не всему правительству, а только председателю Совета Министров, тогда это дело другое. Но если он останется только первым заместителем, а его решения будут сталкиваться со многими трудностями для их исполнения, то этот пер-

вый заместитель не сможет выполнять свои функции, несмотря на то, что о своих функциях он прекрасно знает, имеет опыт работы, определенные знания и знает историю нашей службы.

В жизни каждого человека, в его работе, по-видимому, бывает время, когда он, вспоминая о прошлом, может, не так эмоционально, но очень серьезно рассматривает действенность и правоту своих решений. И вот однажды у меня был такой эпизод, связанный с определенными переживаниями, потому что речь шла не только обо мне, речь шла о ситуации в стране. Это было, когда в Министерстве мясо-молочной промышленности произошли большие изменения в кадровом составе. На новых молочных заводах и мясокомбинатах были заменены руководители, главные инженеры, пришла молодежь. А надо сказать, что молочные продукты, если они плохо хранились и плохо обрабатывались, нередко вызывали у нас групповые заболевания. Однако ежегодно, когда это происходило, особенно в весенне-летний период, по всем вспышкам направлялись донесения в Центральный комитет партии. Все эти донесения подписывал либо Борис Васильевич Петровский, либо я как главный государственный санитарный врач.

Наверное, скопление этих донесений вызвало какую-то определенную реакцию у наших партийных руководителей. Однажды меня вызвали на совещание, которое проводил тогда Сулов, а перед совещанием в отделе Центрального комитета Валерий Александрович Балтийский показал мне некоторые материалы, касающиеся этих вспышек, и сказал, чтобы я написал свое мнение, осуждающее руководство Министерства мясо-молочной промышленности. Я прочитал все документы и сказал, что этого писать не буду. Он ответил: «Как хочешь, это твое право. Я не буду тебя заставлять». И я написал совсем другое заключение.

Пришли мы на совещание к Сулову. Там присутствовали Михаил Сергеевич Соломенцев, председатель партийного контроля Центрального комитета партии, и другие серьезные люди, которые могли принимать решения. Посередине кабинета стоял министр мясо-молочной промышленности Сергей Федорович Антонов. Я очень уважал этого человека за объективность и за откровенность. У меня и моих сотрудников, которые курировали мясо-молочную промышленность, был с ним постоянный контакт, он всегда помогал нам в работе. И вот человек, который старше меня по возрасту, стоял посередине кабинета, и на него обрушился поток

критики, предложений, что его пора судить, что надо заканчивать с этим, что его нужно освободить от должности. Он стоял с багровым лицом и шеей. Я боялся, что с ним может случиться удар, но он держался, и, когда все нападки закончились, Суслов спросил, что думает об этом санитарный врач.

Я встал и начал с того, что вспышки, которые имеют место в пионерских лагерях и среди населения, связаны с тем, что недостаточно организован санитарный надзор за хранением и использованием молочных продуктов, что по этому вопросу мы уже одно совещание с товарищем Антоновым провели и наметили ряд мероприятий, так что товарищ Антонов и его новые люди, которые еще плохо знают эту систему, примут надлежащие меры для предотвращения возникновения вспышек, но во многом повинна и наша служба, служба государственного санитарного надзора. Мы многое здесь упустили, и я обещаю, что в ближайшее время мы все это приведем в порядок. В адрес Антонова я не сказал ничего плохого. Тогда подает реплику Соломенцев: «Товарищи, а что мы обсуждаем? Вот записка товарища Бургасова, он так и пишет, что Антонов не виноват. Есть недостатки, но не в такой степени... Совещание закрывается».

Балтийский ушел раньше меня, ничего мне не сказал. Я приехал в Министерство здравоохранения. Меня вызвал первый заместитель и спросил, что было на совещании. Я рассказал все, как было. Он заключил: «А знаешь, ведь готовилось освобождение Антонова и тебя от занимаемой должности, проект лежал на столе у Суслова». — «Что ж, освободить, значит, освободить», — ответил я. «Только ты счастливый человек, — продолжил мой собеседник. — Кто тебя научил так выступать? Ты выступил так, что Суслов сказал потом: "Деловое выступление, и других решений не может быть"».

Второе переживание у меня было связано уже не с мясо-молочной промышленностью, не с этими частными случаями, а с катастрофой, случившейся в Ульяновске с теплоходом, который врезался верхней палубой в металлический мост. Было очень много жертв, и туда выехала правительственная комиссия, которую возглавляли Алиев Гейдар Алиевич и Соломенцев. В комиссию входил и я вместе с представителями других министерств. Мы застали очень тяжелую ситуацию.

В больнице лежали около 30 изуродованных людей, состояние которых было крайне тяжелым. Продолжали вылавливать трупы

и части тел около моста, а глубина была примерно 20 метров. Произошло это трагическое событие в июне в 10 часов вечера, когда еще было светло. Пассажирами этого теплохода были шахтеры с ростовских шахт. На верхней палубе были танцы, а кто не танцевал, сидели у себя в каютах и занимались своими делами. Теплоход шел к мосту, причем по его ходу на сваях висел большой желто-красный щит с надписью «Вход». Однако почему-то теплоход пошел не в этот проход, а рядом, где высота не была рассчитана на высоту теплохода. При этом была срезана вся верхняя палуба, на которой находились буфет и танцевальная площадка. Большая группа людей была убита или травмирована этим ударом и сброшена в воду.

Наше руководство вызвало рефрижераторы, чтобы сохранить останки тел, привести их в надлежащий вид, потому что стали приезжать родственники из Ростова и других мест для опознания всех этих людей. Самое трудное заключалось в том, что мы помогали заходить в эти рефрижераторы родственникам, а обратно они еле выходили, потому что выдержать такую картину было невозможно. К тому же было тепло, и, когда открывали двери холодильников, туда проникал теплый воздух. Трупы разлагались, и мы не знали, что дальше делать.

Соломенцев и Алиев уехали в Москву. Остался за них начальник отдела транспорта Центрального комитета — очень хороший человек, умница. Он спрашивает: «Ну что, как дальше будем поступать?» Я ответил, что если хотим сейчас сохранить спокойствие людей и прекратить эти попойки приезжающих родственников, надо заканчивать с этой историей. Трупов мы уже больше не найдем, в основном все уже сейчас выловлено и находится в холодильниках. Я прошу соединиться с товарищами Алиевым и Соломенцевым и попросить их разрешения отправить эти два состава с рефрижераторами, где находятся останки погибших, на кремацию, и чтобы урны помещались уже в гробы и эти гробы передавали родственникам с документами, что в силу обстоятельств трупы не могли быть сохранены и они получают пепел. Это будет проще, приезжать больше не будут, и закончится вся эта трагедия.

Наше решение одобрили, и мы облегченно вздохнули. Составы с рефрижераторами от нас ушли, но продолжалась еще наша работа, потому что многие находились в больнице, продолжалось лечение тяжело пострадавших. Во время этой командировки у

меня сложилось нехорошее впечатление о секретаре Ульяновского обкома. Знаете, когда сейчас осуждается ленинская, сталинская и марксистская идеология и проповедуется совсем другое, я считаю, что есть идеология и есть люди, которые разделяют эту идеологию по существу своим сердцем, и люди, которые пользуются этой идеологией для своего процветания, своей карьеры. Это разные вещи, и только по этим принципам коверкать идеологию, говорить, что она дикая и ненужная, просто невозможно. Я видел идеологов, которые жили действительно идеями марксизма-ленинизма, и видел людей, которые спекулировали этими идеями.

Так вот, начальник, оставшийся у нас вместо Соломенцева и Алиева, спрашивает меня, почему я ни разу не был у секретаря обкома, тот очень недоволен. Почему я игнорирую его? Я ответил, что не игнорирую, я просто смотрю на вас — вы приходите утром под хмельком, а у вас с сердцем нелады, и вот скажут, что в комиссии был врач Бургасов, он все-таки имеет отношение к академии, он профессор, и у него на глазах председатель комиссии напивается каждый день, и в результате у него инфаркт, и его везут в Москву уже в гробу. Я не могу этого допустить. Он говорит, что не может согласиться, тот все-таки секретарь обкома, и я должен к нему заехать. Я согласился, с одним условием, что он не будет пить ни одной рюмки. Если нужно, я за него могу выпить, я выдержу, но ему не советую.

И вот вечером я все-таки поехал к секретарю обкома на загородную дачу. Надо было видеть охрану, которая охраняла эту дачу, подъездные пути, очень длинный стол под кустами сирени, заставленный спиртным и закусками, его супругу, которая раз показалась и ушла, и нас, приехавших членов комиссии. Наутро, опять под хмельком, секретарь обкома звонит и вызывает меня к себе. Я захожу, он сидит, развалившись, в кресле и говорит, обращаясь ко мне на ты: «Слушай, а я слышал, что ты генерал». Я говорю: «Ну и что? Я на самом деле генерал». Он рассмеялся: «А я старшина». Я говорю: «Ну, это и заметно». На этом мы с ним расстались. Вот такие секретари обкомов позорили и идеологию, они позорили советского коммуниста, русского человека позорили, и таких было немало.

Чтобы закончить историю Седьмого управления Генерального штаба, я должен сказать, почему я, приглашенный на должность заместителя к Ефиму Ивановичу Смирнову, через четыре месяца был освобожден от этой должности тем же Ефимом Ивановичем.

Я глубоко уважал этого руководителя. Он многое сделал для армии. Достаточно сказать, что он возглавлял военно-медицинскую службу Вооруженных сил во время боев с фашистской армией, он был действительно талантливым, толковым, замечательным человеком. Но все-таки у каждого человека есть свои слабости, и вот на этой слабости, по-видимому, и была сыграна вся история освобождения меня из Седьмого управления с должности заместителя.

Когда я был уже назначен заместителем министра здравоохранения, главным государственным санитарным врачом, ко мне пришел на прием один человек. Он был председателем комиссии по Седьмому управлению Генерального штаба, которое вынесло решение о моем освобождении. Он мне доверительно рассказал следующую историю. Известно было, что у Ефима Ивановича Смирнова, моего начальника, и у маршала Соколовского, начальника Генерального штаба, были натянутые отношения. Может быть, потому, что маршал Соколовский не мог спокойно смотреть, как Ефим Иванович проходит к старшим начальникам, игнорируя его в решении многих вопросов. Так вот, когда Ефим Иванович ушел в отпуск и у него была командировка с этим связана, я приступил к исполнению его обязанностей. И однажды маршал Соколовский обращается к своему помощнику генералу Иванову с предложением освободить Ефима Ивановича от занимаемой должности. «Что же мы держим у себя в должности начальника Седьмого управления генерал-полковника Смирнова, человека больного? У него и с ногами не все в порядке, он часто лечится, он в год 3–4 месяца отдыхает. Сейчас появился его заместитель, генерал Бургасов. Профессор, молодой человек, способный. Он докладывает нам каждую неделю, готовит документы, у него все правильно, очень серьезный, очень перспективный человек. Поэтому, товарищ Иванов, подготовьте решение об освобождении товарища Смирнова от должности начальника Седьмого управления и назначении на эту должность товарища Бургасова».

Это было сказано маршалом Соколовским своему помощнику генерал-полковнику Иванову, который был лучшим другом Ефима Ивановича. И как только Ефим Иванович вышел на работу, первое, что Иванов сделал, сообщил Ефиму Ивановичу обо всех этих разговорах. Ефим Иванович, наверное, подумал, что, пока я сижу в управлении, этот вопрос не будет снят и нужно все сделать, чтобы меня из управления убрали. И меня из управления убрали.

Правда, я не в претензии к Ефиму Ивановичу Смирнову, он защищал свои позиции, дело прошлое.

3 января 1966 г., а я был назначен 24 декабря 1965 г. на должность заместителя министра здравоохранения, мне позвонил Ефим Иванович Смирнов, поздравил меня с новым назначением, а ему это было непросто, потому что в институтах, где проходили партийные активы, задавали вопрос: «Почему товарищ Бургасов, освобожденный у вас от должности заместителя, назначен заместителем министра здравоохранения? Это что, меньше или больше?» Ефим Иванович был в сложном положении. Ему отвечать было на это очень трудно, но он меня поздравил с назначением. Я его поблагодарил за это. Он сказал, что всякое бывает, а нам же работать. Я ответил ему, что нам работать еще долго вместе.

Другой военный, с которым я прослужил несколько лет, — это Александр Григорьевич Парамонов, полковник медицинской службы, начальник санитарного отдела сначала 4-й, а затем и 59-й армии Волховского, Ленинградского, а потом 1-го Украинского фронта. Очень хороший, порядочный человек, знавший свою службу, внимательно относившийся к подчиненным и всегда справедливый в решении вопросов, которые касались людей. Я не помню, чтобы Александр Григорьевич Парамонов что-то сделал не в пользу человека, который этого заслуживал. Это был мой первый учитель в армии, куда я попал служить после финской кампании.

Моим учителем, естественно, был и Ефим Иванович Смирнов. Кроме уважения к нему, ничего не осталось. Если и были моменты в жизни, когда он в угоду своего положения неправильно поступал, то, по-видимому, не только он в этом виноват. В большей степени виноваты люди, которые этому способствовали. Одно знаю, что Ефим Иванович Смирнов никогда не допускал, чтобы вместо него назначались его заместители и люди, которые раньше ему подчинялись. У него это был болезненный процесс. Забегая вперед, должен сказать, когда он уходил уже в отставку, он мог бы найти себе достойную замену, человека, ну хотя бы по некоторым свойствам характера и организаторским способностям соответствующего значимости выполняемой работы. Но он все-таки нашел нужным назначить вместо себя Володю Лебединского. Это бывший его подчиненный, хороший офицер, культурный, вежливый, знающий, но человек абсолютно безвольный, и Ефим Иванович его назначил на эту должность только по одной причине. Он знал, что Володя Ле-

бединский, даже будучи начальником Седьмого управления, без санкции и без одобрения Ефима Ивановича никаких решений не примет. И так было до последних дней его жизни — Володя Лебединский посещал Ефима Ивановича и спрашивал у него разрешения на решение каких-то вопросов.

Следующий человек, о котором остались хорошие воспоминания и большое удовлетворение, что я с ним встречался в жизни, это Юлиан Михайлович Волюнкин. Он занимался кадровыми вопросами, но имел руководящую должность и в Свердловске. Это был человек высокой культуры, высокой нравственности, который доверял людям и знал, с кого спросить.

Я уж не говорю о Василии Никаноровиче Павловском, с которым у меня связана большая часть жизни. Это человек, который, правда, русский язык переслаивал хорошим матом, таким красивым, это нужно было понимать, он без этого не обходился в разговорах. Однако были у него и другие чисто павловские особенности. Он, скажем, не мог допустить, чтобы жена называла его просто на ты и Васей. Она его всегда называла только на вы и Василием Никаноровичем. Его желания, а они были скромными, всегда исполнялись супругой. Например, она обязательно покупала ему бутылку водки на субботу и воскресенье. Это был закон.

И вот однажды, когда мы ехали из Москвы в Свердловск к месту службы, сидели в купе, играли в преферанс, я сказал Василию Никаноровичу, что нужно дать телеграмму в Свердловск, чтобы нас встретили наши товарищи. Он ответил: «Ну, иди, дай телеграмму и дай телеграмму моей половине. Я пошел, дал телеграмму своей супруге. Ну, думаю, и Анне Петровне нужно дать телеграмму. Но как? Я же никогда не писал ей от имени Василия Никаноровича телеграммы. Взял бланк и пишу: «Дорогая Анечка! Прибываю такого-то в таком-то вагоне в такое-то время. Встречай. Целую. Твой Василек». Пришел я в купе, он спрашивает: «Ну как, дал?» Я отвечаю: «Дал телеграмму». — «А что ты моей жене написал?» Говорю: «Вот текст лежит». Он прочитал. Надо было видеть его реакцию. «Ты что надумал? Какая Анечка? Ты что, с ума сошел? Я тебя просил разве так писать?» Но самое главное, в Свердловске удивилась и отнеслась к этому с юмором Анна Петровна. Она, конечно, не поверила, что это писал Василий Никанорович, тем более «Анечка» и тем более «Василек», но он все-таки понял, что можно писать и по-другому телеграммы супруге, когда находишься где-то в командировке.

Ну, были и другие особенности Василия Никаноровича, но главное — это был человек дела, человек дисциплинированный в выполнении своих воинских обязанностей. Из всего, что ему приходилось делать, больше всего любил кадровые вопросы. Если нужно было изменить структуру какого-то подразделения, это было его любимое занятие.

Мне посчастливилось работать под руководством Ивана Христофоровича Баграмяна, маршала Советского Союза. Я видел его во многих действиях и во многих решениях. Я был сначала у него, а потом у сменивших его руководителей заместителем председателя совета по разработке средств защиты войск и населения от оружия массового поражения. Он был председателем этого совета. Человек исключительной культуры, он никогда ни на кого не повышал голос. Единственный раз только при мне возмутился, когда ему один начальник политотдела нашего института докладывал, что вместо того, чтобы выдавать по 600–700 граммов хлеба на солдата на целый день, они в столовой решили резать этот хлеб на ломтики и давать на тарелках и на этой системе за квартал сэкономили какое-то количество тонн хлеба.

Я никогда не видел таким Ивана Христофоровича. Он сказал: «Полковник, ты обязан кормить солдат и давать им по 700 граммов хлеба, чтобы они съедали, а ты докладываешь маршалу Советского Союза, что сэкономил на солдатских желудках такое-то количество хлеба. Как тебе не стыдно! Уходи вон! Я с тобой больше говорить не хочу. Последняя встреча с маршалом Баграмяном была, когда он уходил в отставку. Он пригласил к себе в комнату для отдыха Ефима Ивановича Смирнова, Аветика Игнатъевича Бурназяна и меня. Достал бутылку армянского коньяка, разлил в рюмки и сказал, что сегодня ему 70 лет и он уходит в отставку. Благодарит нас за совместную службу и просит его не забывать, а в случае чего и он нас не забудет. Мы простились с маршалом Баграмяном. Мне больше не пришлось с ним встречаться по работе, но в памяти он остался как человек больших знаний и эрудиции и исключительного отношения к людям.

Следующий, о ком я хотел бы сказать несколько слов, это Борис Львович Ванников. Он в истории известен как человек, который занимался разработкой ядерного оружия, но некоторые детали его жизни многим, может быть, неизвестны. Борис Львович работал в кабинете рядом с нами. И вот однажды весной звонит он по теле-

фону мне и сообщает: «Доктор, зайди ко мне на минутку». Я зашел. Он говорит: «Понимаешь, в чем дело. Вот сегодня привезли в буфет свежую клубнику, и я по своему, наверное, недомыслию купил два килограмма и все съел. И вот сейчас чувствую, что не нахожу себе места. Что со мной будет?» Я говорю: «Борис Львович, ничего с вами плохого не будет. Не нужно паниковать». Он расчувствовался. Начался откровенный разговор, и Борис Львович стал рассказывать историю своей жизни. «Мало кто знает, а может быть, и никто не знает, как я оказался сначала министром боеприпасов, а сейчас вот занимаюсь разработкой ядерного оружия. Это было в 1941 г. Я в это время был в заключении уже продолжительное время, и меня возили из Бутырской тюрьмы на Петровку, с Петровки куда-то еще, короче говоря, я колесил по Москве на машине, но по расстоянию чувствовал, куда меня везут. Это продолжалось очень долго. Я привык к этим переездам, но примерно знал, что, когда въезжаешь, скажем, в Спасские ворота, машина идет на подъем, то это везут в Кремль. И вот однажды, когда я находился на Петровке, это было около 2 часов ночи, ко мне в камеру зашли два человека и говорят: "Гражданин Ванников, собирайтесь." Ну, сказали мне — собирайтесь, а я долго ждал финала моего заключения, и финал для меня рисовался не совсем блестящим. Я взял свой вещевой мешок, стал в него класть алюминиевую кружку, ложку, а вошедшие мне говорят: "Гражданин Ванников, вам это больше не потребуется." У меня опустились руки. Я думаю: "Ну, вот и финал, о котором я так долго думал". Они меня взяли под руки, посадили в машину и повезли. По расстоянию вижу, что недалеко везут и машина поднимается в гору. Значит, это Спасские ворота. Высадили около освещенного подъезда здания. Поднялись на второй этаж, зашли в конференц-зал. Он был затемнен, и единственный освещенный стол стоял, за которым находился Сталин. Меня мои сопровождающие посадили в самый последнем ряду и сели сбоку от меня. Шло совещание, многие вопросы решались, и, наконец, Сталин говорит: "Теперь, товарищи, нам нужно назначить министра боеприпасов. Я вам предлагаю товарища Ванникова. Товарищ Ванников здесь?" Меня стали мои сопровождающие под локоть толкать, а я ведь был в полосатой одежде арестантской. Я встал и говорю: "Гражданин Сталин, я же еще сижу". Он посмотрел на меня, засмеялся и говорит: "Посмотрите на него, он еще сидит. А кто из нас, товарищи, не сидел?"

Я ему говорю: "Гражданин Сталин, вы сидели при царском режиме, а я же сижу при вашем режиме". Тогда он говорит: "Ну, это неизвестно, при каком режиме было лучше сидеть, тогда или сейчас. В общем, какие возражения?" Возражений никаких не было. Мне сказали, чтобы я ехал домой. Меня эти же сопровождающие посадили в машину, подъехали к моему дому, распечатали, пустили меня в квартиру. На кресле висел генеральский китель. Записка была, чтобы я в десять часов был на работе. В холодильнике были закуски, спиртное и все, что положено. Вот так меня назначили на должность министра боеприпасов». Все это записано со слов Бориса Львовича Ванникова. Я здесь ничего не добавил.

Еще я могу назвать человека, с которым часто встречался, но с которым у меня не было служебных отношений. Это, конечно, маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев. Он прибывал в управление примерно в час ночи. Всегда заходил к нам в кабинет. После разговоров мы спускались в буфет, там выпивали пива, разговаривали, рассказывали анекдоты. Изумительный, исключительный человек. Вспоминая прошлое, я говорю со слов других. Я свидетель этих событий, но детали я просто не знаю.

Говорят, с ним было так. Он должен был испытывать одну артиллерийскую установку, и срок испытания был установлен Советом обороны и лично Сталиным. Министр, который отвечал за выпуск этой установки, доложил маршалу Яковлеву, что испытания подготовлены, но сама установка плохо покрашена, поцарапана, а краски у него сейчас нет, надо примерно неделю подождать, чтобы краску достать и привести эту установку в надлежащий вид. Маршал Яковлев как будто тогда так и сказал, что неделя ничего не решает, и давайте так и сделаем. Подошел срок испытания установки, назначенный Сталиным, и на одном совещании он спрашивает министра, который отвечал за ее строительство, почему она не испытана. Тот говорит, что по согласию с маршалом Яковлевым, а маршал Яковлев отвечал за все эти вопросы, они решили достать новую краску, покрасить, а потом представить установку Сталину. В итоге с Яковлева сняли маршальские погоны и дали ему десять лет тюрьмы. Я знаю, что он только через пять лет после смерти Сталина был освобожден.

И вот когда я недавно читал материалы, посвященные Сталину, и там была статья маршала Яковлева, я не увидел в его статье никаких злобных выпадов против Сталина. Он касается этого вопроса

мельком, и я его ценю как человека, который не представлял себе личные вопросы выше своих служебных и патриотических задач.

Из студенческих лет я не могу не помнить о Михаиле Михайловиче Авербахе, сыне известного окулиста Михаила Иосифовича Авербаха. Это был отец для всех студентов, а для меня почему-то особенно. Он ко мне относился с большим уважением, с большим вниманием. Может, еще и потому, что занимался спортом, а я бегал на коньках и работал тренером. И всегда, когда я к нему заходил даже по другим вопросам, он спрашивал: «Как у тебя с деньгами? Есть у тебя на обед в столовой?»

И конечно, не могу не вспомнить моего шефа, который меня воспитывал в аспирантуре, — Леонида Моисеевича Хатаневера. Изумительный человек. Изумительный не только для меня — для всего персонала отдела, где я работал. Для всех лаборантов, санитарок Леонид Моисеевич был родным отцом. Я не помню случая, во время войны, когда к нему обращался кто-то из этих женщин с просьбой отпустить на один день, поскольку с фронта приезжает муж или сын, чтобы Леонид Моисеевич отказал, потому что много работы. Он всегда не только отпускал, но и снабжал чем-нибудь, чтобы сын или муж этой женщины был встречен соответственно.

В этой группе выделялся Павел Феликсович Здродовский. Академик, исключительный эрудит, изумительный человек, с которым только однажды у нас возникло недоразумение. Дело было в следующем. В прошлом, когда на территории страны был распространен только сыпной тиф, появились новые исследования. Они свидетельствовали, что сыпной тиф может быть как острым, так и иметь рецидивирующие течения (болезнь Бриля). Так вот, Павел Феликсович в это верил, он очень хорошо знал эту проблему.

Однако был главный эпидемиолог страны Лев Васильевич Громашевский, который не доверял этим исследованиям. И вот однажды, чтобы прекратить этот спор, потому что борьба с сыпным тифом, будь то болезнь Бриля или настоящий сыпной тиф, это все равно борьба со вшивостью и она не снималась с повестки дня, Борис Васильевич Петровский пригласил на коллегия и Павла Феликсовича, и Льва Васильевича. Началась дискуссия. Оба отстаивали свою точку зрения. Наконец, Лев Васильевич встает и говорит: «Паша, до каких пор ты будешь обманывать советскую власть? Не пора ли одуматься?» Павел Феликсович обиделся и ушел с коллегии. Месяц проходит, второй — у меня с ним

нет встреч, а на третий месяц я узнаю, что он на меня обиделся, поскольку считал, что эту дискуссию и эту сцену устроил я.

Я тогда купил бутылку армянского коньяка, сел в машину и приехал к нему на квартиру. Он меня встретил, как будто ждал очень давно. Обнялись мы с ним, сели, посидели, пришла его супруга, очень замечательная женщина, и он спросил, правда ли, что я подстроил сцену на коллегии. Я ответил: «Павел Феликсович, как вы могли поверить, что я вдруг мог против вас создать такую ситуацию, которая вам бы испортила настроение?» Мы сошлись опять и оставались друзьями до самой его смерти.

И конечно, не могу не вспомнить его ученицу и последовательницу Марию Клементьевну Крантовскую. Обаятельная женщина, прекрасный специалист, и она впервые, когда я поступал в аспирантуру, назвала меня по имени и отчеству. Это у меня осталось в памяти. Она вообще была исключительно внимательна к людям. Она взвешивала каждое слово, чтобы кого-то не обидеть и не поставить в неудобное положение.

Из правительственных кругов, из партийных деятелей у меня остался в памяти, естественно, Кирилл Трофимович Мазуров, я о нем уже говорил. Это исключительный человек. Я его ставлю рядом с такими людьми, партийными работниками Белоруссии, как Петр Миронович Машеров. Вот не помню, чтобы я приезжал в Минск и на второй день не встретился бы с Машеровым. Как бы он не был занят, он всегда с большим удовольствием встречался со мной, обсуждал вопросы здравоохранения по Белоруссии и был исключительно внимательным человеком в этом отношении. Было трагедией для многих людей и для меня, когда он погиб в результате странной автомобильной катастрофы в Минске. Думаю, что это была не обычная катастрофа. Она, наверное, была в значительной степени продумана, но кому Машеров перешел дорогу, мне сказать трудно, я просто не знаю, но это был человек исключительный по своему характеру, по отношению к своему делу, к партийной работе, к здравоохранению в частности.

Я не могу, скажем, поставить его на одну доску с секретарем Ленинградского обкома КПСС Григорием Васильевичем Романовым, потому что сколько бы раз я или министр здравоохранения ни были в Ленинграде, Романов не находил времени, чтобы принять, ну ладно, меня, заместителя, но даже министра. Он был всегда занят. Поэтому, сравнивая партийных деятелей, партийных боссов,

всегда обращаешь внимание на такие контрасты, которые имели место.

Говоря о многих людях, я не могу не вспомнить и не отметить Лидию Павловну Лыкову, заместителя председателя Совета Министров РСФСР. Это исключительно обаятельная женщина из Вологды, говорящая на «о», но где бы она ни была, везде активно работала, в том числе очень много времени посвятила Астрахани, об этом будет сказано ниже, когда там проводилась работа по борьбе с холерой. Лидия Павловна Лыкова была вхожа в любые инстанции, она защищала свою точку зрения всегда и при всех и никого не стеснялась. Характер у нее был чисто мужской. Я просто перед ней преклонялся, перед ее энергией, ее желанием работать, и работать по существу.

Ну и наконец, я не могу не сказать о Леониде Александровиче Бородине. Это секретарь Астраханского обкома партии. Вот когда я говорил, что есть идеология, а есть люди, примкнувшие к этой идеологии, это противоположность этим примкнувшим людям. Бородин Леонид Александрович — это человек, пропитанный идеологией коммунизма-марксизма и делавший для астраханцев все возможное, что можно было сделать. Любимец астраханских людей, особенно в колхозах. Когда мне с ним пришлось объезжать поселки Астраханской области, его везде встречали и знали по имени и отчеству, а он знал доярок, знал пастухов, он всех знал. Однако, к сожалению, когда нам пришлось уже после начала этой дикой перестройки быть в Астрахани на охоте, мне сказал один человек, что Леониду Александровичу Бородину не дали путевку на охоту. Ну что можно сказать об этом? Человек отдал свою жизнь служению действительно народу, но как только он ушел от власти, нашелся тип, который все-таки его в какой-то степени ущемил. Эти вещи не укладываются до сих пор у меня в сознании.

Вот это люди, которых я знал очень хорошо и с которыми мне пришлось сталкиваться в разных ситуациях, по разным вопросам. Все они оставили о себе глубокую память как люди исключительные. Это были люди, преданные партии и делавшие все возможное, чтобы наш народ процветал и жил хорошо. Это было так, и это трудно исключить из истории нашей страны. И сейчас наверняка найдутся люди, которые действительно хотят нашего процветания и возрождения, уберут все наслоения, которые сейчас существуют. Наслоения тяжелые и неоправданные, наслоения лживые,

которые мешают нам сейчас по-человечески взглянуть на нашу действительность.

Перед тем как перейти к рассказу о моей работе в должности главного государственного санитарного врача, я хотел бы обратить ваше внимание на одну маленькую деталь. Когда я приступил к этой работе, я несколько месяцев «терзал» свою предшественницу, которая занимала этот пост, приглашая ее на беседы и расспрашивая, как, что и когда делалось. Я человек военный, так что не всегда мне было понятно, как нужно делать в гражданских условиях. И вот когда я знакомился со всеми делами и материалами, возникла одна очень серьезная ситуация.

В нашей стране было много вспышек кишечных инфекций в весенне-летнее время, я об этом уже говорил. По этим причинам всех выезжающих в лагерь детей обязательно обследовали на кишечную группу в лабораториях. Они там получали справку, что обследованы, и без этих справок их в лагерь не принимали. Однако если вы себе представите Советский Союз с его множественными пионерскими лагерями, когда практически все дети выезжали на отдых в эти лагеря на лето, вы поймете, какие объемы лабораторной работы по обследованию этих детей выполнялись для того, чтобы получить справки. Кроме этого, родители детей теряли многие часы и дни, простаивая в бесконечных очередях для сдачи анализов. Однако находились люди, которые, зная трудности этого мероприятия, заранее готовили такие справки и продавали их за 3, за 5 рублей, и мамы и папы такую справку с удовольствием покупали. И когда я поднял материалы за много лет, я ни в одном случае не нашел, чтобы причиной возникновения кишечных заболеваний в пионерских лагерях были дети. Во всех случаях это было нарушение приготовления пищи на пищеблоках, это какая-то сотрудница необследованная не вымыла руки перед раздачей продуктов. Короче говоря, везде фигурировали взрослые, обслуживающие этих детей, но дети никогда не были первопричиной.

Естественно, я возмутился этой ситуацией и подписал директиву, которая отменяла ежегодное обследование по кишечной группе детей, отправляемых в пионерские лагеря. Единственный помню случай, когда получил письмо от санитарного врача из Петрозаводска, которая сообщала, что будет продолжать обследования. Я сказал: «Ну ладно. Пусть она обследует, если это ей так нравится, но это стоит больших денег и ни к чему не приводит».

ХОЛЕРА ЭЛЬ-ТОР — 1970 г.

Я потом понял, что нельзя ко всему относиться спокойно и принимать на веру, а нужно все проверять, анализировать и спокойно принимать решение, учитывая остальную обстановку. И вот необходимость в таком решении возникла у меня в первые же месяцы моей работы — ее определила холера 1970 г., которая началась в Батуми. Потом она появилась в Астрахани, в Одессе и т.д. Если в Астрахани из сотен заболевших умер только один человек, потому что его не успели своевременно доставить в больницу, то во многих странах мира, где была холера, смертность от нее составляла десятки процентов.

Работа была очень продуктивной еще и потому, что в ней участвовали такие корифеи как президент Академии медицинских наук Валентин Иванович Покровский, главный инфекционист страны Владимир Николаевич Никифоров, то есть собрались очень крупные специалисты, люди, которые собственным примером показывали, как нужно относиться к этим больным, обучали врачей и вместе с тем очень хорошо лечили заболевших.

Я уже рассказывал, что, когда все это началось, у Кириллы Трофимовича Мазурова отпросился поехать в Батуми, где мы установили, что имеет место холера и что студенты заразились во время купания на пляже и умерли. Им никто не оказал помощь. Просто не знали, что это холера. На территории санатория, где остановились студенты, был небольшой ручей, связанный с канализацией.

Из воды ручья мы выделили культуру Эль-Тор — возбудитель холеры, и поэтому около этого ручья поставили часового и сказали, чтобы он никого не допускал к нему. Проверя установленные правила через несколько дней, мы узнали, что один полковник приехал в отпуск. Из аэропорта он прибыл прямо к побережью Черного моря в Батуми. Видит, стоит солдат. Ну, значит, очень хорошо, и он раздевается. Ему солдат говорит: «Товарищ полковник, здесь нельзя купаться. Здесь запретили врачи». — «Да что ваши врачи понимают? Я всю жизнь прожил, меня ни одна холера не берет». Залез и в районе этого ручья искупался, а на второй день заболел холерой. Правда, он не умер, выздоровел.

Короче говоря, в Батуми мы имели всего 12 случаев заболевания холерой. В это время я как представитель Министерства

здравоохранения и комиссии по чрезвычайной обстановке получаю шифровку от командующего Черноморским флотом. В связи с тем, что в Батуми имеет место холера, от меня требуется закрыть порт Батуми для вхождения военных кораблей. Я прочитал эту шифровку и ответил: «Порт в Батуми закрыт не будет. Если вы обеспокоены положением своих военных кораблей, запретите им заходить в порт Батуми. Это ваше право». На этом у нас переписка с командующим прекратилась, и военные корабли туда не заходили.

Я уже собрался уезжать, как вдруг получил телеграмму из Москвы: «Срочно вылетайте в Астрахань». Вместе с министром здравоохранения Грузии Ливаном Обоевичем Саквареладзе мы на самолете вылетели сначала в Тбилиси. Мы зашли к секретарю ЦК компартии Грузии, доложили ему обо всем. Он похвалил тогда Ливана Обоевича, но эта оценка закончилась тем, что через некоторое время Ливана Обоевича освободили от должности по каким-то неизвестным нам причинам. Мы очень возмутились и возражали, но безрезультатно.

Этим же военным самолетом я прибыл в Астрахань на рассвете. Летнее время, тишина невероятная, аэропорт закрыт, самолеты не садятся. Наконец, ко мне прибывает заместитель заведующего облздравом Алексей Моисеевич Ницого — молодой врач, который остался в Астрахани, а заведующий облздравом находился в отпуске, и, как я потом выяснил, узнав, что в Астрахани холера, отказался возвращаться в Астрахань и остался на Черноморском побережье, пока эта холера не закончилась. Но это ему стоило только одного: с Леонидом Александровичем Бородиным мы договорились, по его настоянию и по моей просьбе Ницого был назначен заведующим облздравом, поскольку он на себя принял всю тяжесть работы.

Больных в Астрахани было очень много. Помню дни, когда мы принимали по 130 человек заболевших. Откуда были эти больные? Астраханский завод стекловолкна имел горячие цеха, в которых стояли сатураторы, выдающие газированную питьевую воду. Мы не могли понять, откуда рабочие горячих цехов заражаются холерой, ведь купаться они на Волгу не ходили, она была заражена, и купание было запрещено, а каждый день возникали заболевания. Оказалось, что вода в эти сатураторы подавалась напрямую из Волги. Она в сатураторах газировалась, и эту волж-

скую воду пили рабочие, а Волга была насыщена возбудителем холеры Эль-Тор, он выделялся везде, поэтому волжская вода была основой заражения людей этим заболеванием.

Когда перекрыли всю эту магистраль, стала резко уменьшаться и заболеваемость. Однако то, что мы делали в Астрахани, не повторялось ни в одном городе, ни в Одессе, ни в Керчи, где была холера. Мы не закрывали театры, мы не закрывали библиотеки, люди общались и гуляли вечерами, не испытывая какого-то панического страха. Все шло своим чередом. Больные у нас выздоравливали. Смертельный случай был всего один, и в этом отношении никаких тревог не было.

Что можно было отметить самое главное? Когда я недавно прочитал статью одного академика, который написал, что он в 1965 г. занимался ликвидацией холеры, ему казалось, что эта ликвидация была связана и с хорошей подготовкой медицинского персонала по борьбе с этой инфекцией, и с внесением каких-то новых совершенных методов профилактики, но когда мы приехали с Валентином Ивановичем Покровским и Владимиром Николаевичем Никифоровым в одну районную больницу, мы убедились в обратном. Мы спросили сестру: «Где главный врач больницы?», и сестра нам сказала, что он гуляет в саду. Мы посмотрели, и видим, что в саду в пижамах гуляют три человека. Мы их позвали. Они подошли и спрашивают, кто мы такие. Это были главный врач, его заместитель и начальник аптеки. «Почему вы гуляете в саду, когда ваше место в больнице и вам нужно лечить больных?» — «А мы поступаем по инструкции. Поскольку вчера нами был принят один больной холерой и мы имели с ним контакт, то находимся сейчас в обсервации и гуляем в саду, чтобы не контактировать ни с кем». Вот это было отношение к холере.

Валентин Иванович Покровский зашел в отделение, где лежали очень тяжелые больные. Он был в белом халате, в костюме, при галстукe, никаких перчаток. А потом мы встретили в этом отделении людей, одетых в противочумные костюмы с противогазами, в резиновых сапогах. Они должны были заниматься обслуживанием этих больных, но к ним даже не подходили, боялись. А Валентин Иванович сел на кровать больного, стал рукой без перчатки проверять его живот, осмотрел язык, глаза, разговаривал с ним, считал пульс, и это было у всех на глазах. Для врачей это была революция. Они поняли, что больной холерой

не представляет опасности, если соблюдать обычные санитарные правила. Это была перестройка мышления медперсонала.

И когда вот этот профессор, а теперь уже академик пишет, что он занимался ликвидацией холеры в 1965 г., думаю: «Как же ты занимался ликвидацией, если ты оставил такое наследство в поведении врачей, относящихся к холере, как к чуме, которая обязательно поражает людей, с ней сталкивающихся?» Это история, но история очень поучительная, которая дает нам право внимательно рассматривать прошлые события, чтобы впредь не допустить ошибок.

Работа продолжалась. И вот, когда мы заседали в обкоме партии, Леонид Александрович Бородин мне говорит: «Слушай, Петр Николаевич, мы очень засиделись здесь на заседаниях. Может, проедем по Волге, посмотрим, что там делается?» Он мне не сказал, что это было начало путины, когда идут вверх по Волге огромные косяки высокосортной рыбы. Этой путиной, которая продолжается несколько дней, рыбаки фактически обеспечивали нормальное материальное состояние семьи на весь год.

Сели мы на «ракету» обкома партии, очень высокую и красивую, с хорошей скоростью, и отправились на рассвете вниз по Волге. Отъехали 20 километров и смотрим — на берегу маячат в белых рубашках мужчины, с ними женщины, стол, из досок сбитый, скамейки... Мы подъезжаем, рыбаки сразу к Бородину: «Леонид Александрович, разреши хоть одну тоню завезти. Мы сидим и не можем ничего сделать без вашего разрешения». Он говорит: «Слушайте, вы, мужики, ко мне не обращайтесь. Со мной приехал Петр Николаевич, если он скажет да, заводите, а если скажет нет, нельзя». Тогда они меня обступают: «Петр Николаевич, ну разрешите нам, ведь рыба пройдет и мы останемся голодными. Мы все сделаем в ее обработке, что нужно, ни о чем не беспокойтесь, все выполним». Что мне оставалось делать? Я говорю: «Знаете, товарищи, давайте, включайтесь». Они отвечают: «А для начала за стол». И вот нас было двое с Леонидом Александровичем, там было четверо мужчин и две женщины — все сели за стол друг против друга, и против двух человек была поставлена бутылка водки и алюминиевая миска. В этой миске была зернистая черная икра. Разливают по стаканам и мужчинам, и женщинам одинаково. Я взял кусочек хлеба, нож и решил сделать бутерброд с икрой. Меня рыбак берет за руку и говорит: «Это, Петр

Николаевич, у нас так не положено. Икру нужно есть ложкой». Для меня это было откровение, я и не представлял себе, что икру можно есть ложкой. Во-первых, она дорого стоила, и, во-вторых, мне никогда не приходилось с этим делом сталкиваться.

Мы распили то, что нам было положено, съели по миске икры, сели и поехали дальше по Волге вниз. Я чувствовал себя хорошо. В итоге к концу дня с небольшим перерывом мы объехали все рыболовецкие бригады, и в каждой бригаде повторялось примерно то же самое. Может, по стакану не пили, но икру ели. Рыбаки были в восторге, и, как мне сказал потом Леонид Александрович, уловы были такие, каких они в прежние годы не видели. Рыбы заготовили огромное количество, и вся она пошла в переработку, в копчение, в сушку. Короче говоря, все пошло на пользу.

Прошло несколько дней, и вдруг Леонид Александрович говорит: «Слушай, ну мы по Волге поплавали. Может быть, ты не возражаешь, мы ведь область еще не видели. Может быть, по области проедем, посмотрим, как живут колхозники, что они убирают, как они убирают?» Ну как я мог отказать Леониду Александровичу Бородину? Мы летели на вертолете, ехали на автомашинах. Однако куда бы мы ни приезжали, везде рылись траншеи, в которые бульдозерами стаскивались дыни, арбузы, помидоры, лук — все туда сбрасывалось только потому, что вывоз продуктов из Астрахани был запрещен, а колхозникам некуда это было девать.

Когда я увидел эту картину, мне стало неприятно и больно за то, что люди засыпают плоды своих трудов. Перед этим я провел такой эксперимент — из больницы взял испражнения больного, обмазал этим арбузы и дыни. Несколько арбузов поставил на солнце, а другие в тень, и пригласил лаборантку, чтобы она по часам брала пробы с этих арбузов и дынь. Оказалось, на солнце возбудитель на арбузах живет всего 10–15 минут и погибает, в тени — около 30 минут и тоже погибает. И вот я подумал, что погрузка в Астрахани на баржи арбузов, дынь, помидоров для транспортировки по стране и в ее столицу проходит многие сутки, и если даже эти арбузы были заражены или выпачканы, на них ничего живого не остается. А самое главное, Леонид Александрович сказал мне: «Петр Николаевич, разуйся на плантации, где арбузы лежат». Я разулся, но стоять на песке не смог. Температура песка достигала 70°. Ну как при такой температуре какой-то возбудитель мог остаться жизнеспособным, если даже он попадал на арбузы? И вот я полу-

чил второе подтверждение, что необдуманно был запрещен вывоз продуктов, в том числе бахчевых культур, из Астрахани.

Я приехал на квартиру расстроенный, долго сидел и составил шифровку в три адреса: Брежневу, Косыгину и, конечно, своему министру Борису Васильевичу Петровскому. Я написал, что по должности несу полную ответственность перед правительством и партией за свои решения, но категорически настаиваю на немедленном снятии запрета на вывоз из Астрахани бахчевых культур и других продуктов. За все последствия я несу ответственность.

Утром, в 7 часов, начался обком партии. Леонид Александрович Бородин зачитал мою шифровку и говорит: «Да, очень серьезно написано, очень резко». Лидия Павловна Лыкова поднимается и говорит: «Петр Николаевич, не возражаете, если бы я подписалась под этой шифровкой вместе с вами?» Я говорю: «Лидия Павловна, это уже не то. Тогда бы сказали, что Бургасов прячется за спину заместителя председателя Совета Министров. Я этого не хочу». Она сказала: «Пожалуй, вы правы». Шифровка ушла. Прошло часа два. Зазвонил правительственный телефон. Леонид Александрович говорит: «Петр Николаевич, тебя». Там трубку взял Сулов. Задаёт мне вопрос: «Товарищ Бургасов, кто вы по специальности?» Я говорю: «Врач». — «А почему вы занимаетесь экономическими вопросами?» — Отвечаю: «Только потому, что я не могу спокойно смотреть на уничтожение труда работников. Они трудились и получили продукты, которые безопасны и очень полезны для населения, а мы их гноим в траншеях. Я с этим согласиться не могу. Несу ответственность за свои слова». Он сказал: «Хорошо, спасибо» и повесил трубку.

Прошло несколько часов. Начали поступать телеграммы из разных городов Поволжья. Секретари обкомов писали Бородину: «Мы заказывали вам 700 тысяч тонн арбузов, а от вас ничего не поступало». Леонид Александрович им говорит, что есть телеграммы, где они расторгают договоры на поставку бахчевых культур. Они отвечают, что это не мы, это заместители, мы их накажем, а вы нам поставляйте. Итог был один. Астрахань выполнила план поставок бахчевых культур и всего другого на 112%. Никогда еще такого не было. Все арбузы и дыни ушли в европейскую часть нашей страны для питания населения. Это было очень серьезное решение, и его по существу тогда оценил наш председатель Совета Министров Косыгин.

На следующий день, когда моя шифровка ушла, ЦК партии и Политбюро разослали во все обкомы указания с разрешением на получение продуктов из Астрахани, руководствуясь заключением главного государственного санитарного врача Бургасова, и приводилось мое заключение. И вот это позволило преодолеть все препятствия. Я считаю, что карантинные меры для вывоза продуктов из таких районов являются по меньшей мере непродуманными и ненужными для нашей практики. Вот сейчас, когда холера, я слышал, была на Украине и в других местах, опять начинают скатываться на карантинные меры. Они хороши только для тех, кто их устанавливает, и у них есть оправдания, что они карантин ввели, а как он исполнялся, это никого не касается.

Ну, я еще добавлю, что Астрахань для выполнения карантинных мер была окружена тремя пехотными дивизиями, чтобы туда никто не проникал и никто оттуда ничего не увозил. И единственный раз я встретил нарушение этой карантинной службы. Меня привезли на железнодорожную станцию. Вагон был открыт, около него стояла военная охрана, а в вагоне находились три азербайджанца. Я спрашиваю: «Что такое?» — «Да вот, Петр Николаевич, из Азербайджана приехали эти три человека. У них вагон нагружен всякими фруктами, в том числе кислыми. Они погрузились в Баку, попросили их товарищей опломбировать вагон и прибыли к нам. Они утверждают, что для предупреждения заболевания надо есть кислые фрукты, которые привезли астраханцам». Мы не задержали этих нарушителей карантина.

Вскоре прекратились заболевания в Астрахани, Керчи, Одессе и некоторых других городах, где регистрировались единичные случаи, но эта эпидемия дала свои результаты и для науки, и для дальнейшей практики. Прежде всего было установлено, что сам человек, заболевший холерой Эль-Тор, я имею в виду только Эль-Тор, а не классическую холеру, практически не был источником заражения других. Мы выделили в Астрахани районы, где никто никогда не проживал, где не было никаких канализационных сбросов, только открытые небольшие водоемы, и обнаружили там возбудитель холеры Эль-Тор. Каким образом он попал туда, мы не знаем, но это факт. Дело в том, что если мы до эпидемии холеры в Астрахани ежегодно обследовали всех переболевших в прошлом кишечными инфекциями в весенний период на возможность выявления какого-то хронически больного, то эта практика была оставлена.

Причем этой практики придерживался очень настойчиво Николай Николаевич Жуков-Вережников. Он был академиком, занимался особо опасными инфекциями и был авторитетом в стране. Ему подчинялась вся противочумная система, которая работала и в плане профилактики холеры. Николай Николаевич требовал ежегодного осмотра всех переболевших кишечными инфекциями. И вот через год после эпидемии по этой системе предстояло обследовать всех переболевших. Я настоял, чтобы этим занялся Николай Николаевич, и он поехал. Он обследовал в Ростове около 3,5 тысячи человек и ни в одном случае не выделил возбудитель холеры. Он и сам признался: «Вы оказались правы, Петр Николаевич. Мы этой практикой заниматься больше не будем».

Осталось одно — мы просто тогда не знали этого. Как только температура воды в водоемах поднималась до 18–20°, здесь всегда нужно было искать этот возбудитель, причем в местах большого скопления людей — на пляжах и т.п. И вот когда мы поняли это, мы по существу стали заниматься профилактикой холеры, сэкономив средства, которые шли раньше на большие обследования переболевших.

Надо отметить, что на одном совещании или конференции, которая была проведена в Париже французскими учеными при участии многих стран, председатель заявил, что это единственный случай в истории, когда в Советском Союзе была сильно выраженная эпидемия холеры во многих городах, но ни одного случая вывоза из этой страны в другие страны не зафиксировано. Это было отмечено как достижение нашей организации в борьбе против холеры.

Еще одна деталь, которая касается эпидемиологии холеры. Всегда все думали и во всех учебниках так написано, что больной холерой в состоянии алгида, выделяющий экскременты, опасен для окружающих. На своем опыте я убедился, что это не так. От такого больного выделить возбудитель невозможно, потому что постоянное диффузное выделение жидкости через кишечник, интенсивное и непрерывное обезвоживание человека, заболевшего холерой, не создают условий для размножения в кишечнике возбудителя. Он, может быть, выбрасывается с первыми порциями, когда у человека наступает расстройство кишечника и возникает алгид. В последующем у больного выделения стерильные, возбудитель уже не успевает размножиться, и работает только

механизм воздействия токсина, определяющий обезвоживание организма заболевшего. Это нигде не написано, но это нужно иметь в виду для собственной практики и не беспокоиться, если вы находитесь рядом с человеком, который тяжело болен холерой. Он уже как источник инфекции не опасен.

Когда работаешь в очагах холеры, вопросы питания представляют определенный интерес. Как уберечь себя от заражения, когда кругом водоемы и возможность попадания возбудителя в пищу трудно исключить? Я всегда знал, что возбудитель холеры Эль-Тор очень чувствителен к кислоте желудочного сока, и для того, чтобы себя предохранить, во время питания нужно поднять кислотность желудочного сока. В наших условиях это означало, что когда я садился за стол обедать, то перед тем, как взять ложку или вилку в руки, я выпивал 100 граммов водки. Это манера была воспринята и секретарем обкома Леонидом Александровичем Бородиным. Он не только мог выпивать определенную дозу перед приемом пищи, но и носил с собой вату, смоченную спиртом, и ею протирал всегда руки перед едой. Правильность такой меры подтвердил следующий случай. У меня был шофер, который меня возил по всем делам, и, где бы я ни был, шофер садился со мной за стол и кушал то же самое и обязательно выпивал вместе со мной. Я не боялся, потому что в поле его ГАИ не остановит. Когда я уехал из Астрахани, мне сообщили через пять или шесть дней, когда мой шофер куда-то поехал, что ему кто-то не дал выпить эти 100 граммов. И шофер мой заболел холерой. Вот вам пример того, как бывает плохо, когда начинаешь менять режим питания, потому что речь идет не об алкоголизме, а о повышении кислотности желудочного сока.

Относительно водки, я хочу продолжить эту тему, поскольку она сыграла определенную роль в жизни очень хороших людей. Вы все помните о постановлении правительства о запрещении использования спиртных напитков и о вырубке виноградников. Человек, который этим занимался, он и сейчас жив, сам, конечно, не пропускал случая выпить водки, но он боролся с алкоголизмом. И вот на очередное заседание комиссии, которое проводилось в Центральном комитете партии, вызвали начальника управления лекарственных препаратов Министерства здравоохранения, очень умного, толкового работника, и спросили, как обстоит дело с профилактикой алкоголизма в стране, какие меры прини-

маются в печати, по телевидению. А как снижается производство спиртных напитков? Кто еще что делает и каким образом это все продвигается? Где и сколько вырабатывается спиртных напитков? И еще спрашивают его: «Что такое спирт?» Он спокойно отвечает: «Спирт — это пищевой продукт». — «Вот, видите, товарищи, он считает яд пищевым продуктом». Он говорит: «Позвольте, какой яд? Если в войну солдатам и офицерам давали по 100 граммов, то это значит, что правительство умышленно травило нашу армию ядом?» Вот это присутствующие на комиссии не могли выдержать. Они сказали министру, чтобы немедленно его убрали, и Сергей Петрович Буренков на второй день его уволил из Министерства здравоохранения за то, что он перепутал яд с водкой. Смешно, правда, сейчас, но тогда это было мрачно и печально.

Ну а что касается того человека, о котором я уже сказал, он сейчас, по-видимому, активную роль играет в компартии России. Это бывший секретарь Томского обкома. Мне случайно пришлось встретиться с ним в одной африканской стране в командировке. Нас было трое: я, директор института полиомиелита Сергей Георгиевич Дроздов и его заместитель по науке. И вот этот человек был тоже со своими двумя спутниками. Мы встретились с ним на приеме у посла Конго. Вечером было очень жарко и душно. Выпили пива и разошлись, а на второй день мы оттуда улетали.

Приехали в аэропорт. Рейс был советский. В самолет начали проносить различные статуэтки из красного дерева, по-видимому, подарки этому руководителю нашей партийной делегации. Он почему-то очень нервничал. Пришло время отправляться. Идем в самолет, впереди идет наш руководитель делегации, идет посол, а сзади иду я. А перед этим я попросил своих товарищей, чтобы они взяли мой чемодан и свои чемодан и сели в первом ряду, потому что народу мало, рейс наш, и мы в первом ряду в самолете вместе будем сидеть. И вот картина: заходим в самолет, сидят слева мои спутники, наш партийный руководитель грубо обращается к ним и говорит: «Что вы уселись здесь? Поговорить негде? Марш отсюда!» Вот этого я выдержать не мог. Я сказал: «Сергей Георгиевич, пересядь в следующий ряд», а сам сел в первый ряд. Сажу в первом ряду, а через столик сел этот наш руководитель, бывший секретарь Томского обкома.

У меня даже руки дрожали, я не мог разговаривать. Я никогда не сталкивался с такой наглостью, грубостью, тем более в адрес

наших ученых. Просто стыдно было слушать такие вещи. Мы были отделены столиком, на который ставят столовые приборы. Подходит стюардесса и спрашивает, что бы мы хотели выпить. Он — грубо опять, наверное, еще не отошел: «Водка есть?» Она говорит: «Есть». — «Водки». Она подходит, полотенцем обернута бутылка с водкой, и начинает наливать ему в маленькую рюмку для спиртного. Он говорит: «Нет» и подставляет ей фужер, предназначенный для минеральной воды. Она наливает туда ему водку. Освободившись, спрашивает у меня: «А вы что хотите?» Я отвечаю: «Боржоми есть?» На меня мой сосед покосился. Не буду дальше объяснять. Мы были в полете с посадками около 16 часов. Я распух от боржоми, потому что он пил водку, а я пил боржоми. Мы ни слова друг другу не сказали за время полета. Это секретарь обкома и заместитель министра здравоохранения, оба — коммунисты, мы не находили общего языка.

И вот когда самолет сел в Шереметьево, стюардесса объявляет: «Делегацию заместителя министра Бургасова просим на выход». Мы поднялись втроем. Идем, а впереди нас на выходе стоит этот человек. Его стюардесса не выпускает. Я говорю: «Вы уж, пожалуйста, пропустите, это ведь секретарь Томского обкома». Ну, она говорит: «Пожалуйста». Выходим, перед самолетом стоит огромный автобус, который везет пассажиров, прилетевших первым классом. В автобус входит наш спутник со своими друзьями направо, я выхожу налево. Ну, отъехали 200 метров, остановился автобус, вошли в зал. Подходит ко мне член комиссии и говорит: «Вы знаете что? Он же ведь очень нервничает. Подойдите к нему и поговорите». Я говорю: «Я с хамами не разговаривал и говорить не буду». Я действительно не подошел. Мы разъехались.

Однако все-таки в какой-то степени эта ситуация повлияла на мою дальнейшую судьбу. Я не мог не рассказать об этом Сергею Петровичу Буренкову, министру здравоохранения. Полагаю, но точно не знаю, что он воспользовался этой ситуацией, и воспользовался вот в каком плане. Через несколько дней после приезда — а из Томска этот человек был уже переведен и занимал ведущее положение в Политбюро нашей партии — состоялось совещание, посвященное СПИДу. На это совещание был вызван министр здравоохранения, а я узнал о нем только на второй день. Я возмутился и сказал: «Почему мне о совещании этом не сказали?» — «Ну, знаете, списки составляли, и вас

не включили». «А кто там выступал?» — «Там выступали многие, но я вам скажу только одну деталь. Выступавшие ученые сказали, что ВИЧ, который является смертельным для человека, выделяется даже в слюне, на что руководитель этого совещания, а это был бывший секретарь Томского обкома, сказал: "Вот видите, не предупреждаете, а мы целуемся с каждым, кто приезжает из Африки, из Азии, со всеми целуемся. Мы же можем так заразиться". Вот видите, Петр Николаевич, а вы тоже ничего об этом не говорите». Я возмутился этой ситуацией. Я представлял себе, что такое СПИД, и говорю Сергею Петровичу, что он давно изучает французский язык и, наверное, знает очень короткое слово, которым французы обозначают то действие, когда женщина берет в рот то, что не положено брать. Короче говоря, мужской член. В таком случае, почему же нельзя выделить из слюны ВИЧ? Однако этим не закончилось, и, когда у меня обострились отношения с министром, он, конечно, воспользовался этой ситуацией, а этот человек в Политбюро занимался кадрами руководящего состава, и моя судьба была решена. Я не жалею, потому что работать дальше с этим человеком было очень трудно, но и потом нужно было, по-видимому, освобождать место для людей молодых, которые и сейчас есть и работают очень успешно.

Я принял дела в конце декабря 1965 г. Со мной одновременно, одним постановлением на должность заместителя министра был назначен Евгений Иванович Чазов. К этому времени во Всемирной организации здравоохранения уже серьезно проводилась работа по борьбе с оспой. Как известно, инициатива по борьбе с этой болезнью исходила от Советского Союза. Виктор Михайлович Жданов по поручению правительства внес такую программу во Всемирную организацию здравоохранения. Программа была принята, и к этому времени создана определенная организация для работы по ликвидации оспы. Возглавлял всю работу американский представитель Гендерсон, грамотный, умный человек. Работа была очень серьезная, кропотливая и требовавшая не только препаратов для иммунизации, но и активных людей, которые могли бы этим методом владеть. Мы в это время еще занимались только накожной иммунизацией против оспы, а американцы уже и в армии, и среди населения использовали безыгольные инъекторы.

Это, конечно, разные технические возможности, но дело в том, что если уж подводить итоги по проблеме ликвидации оспы, то наша страна из института, скажем, Отара Григорьевича Анджапаридзе поставила 1,5 млрд доз оспенной вакцины безвозмездно, в то время как американцы ограничились 170 млн доз. Разница, конечно, огромная, и наш вклад в ликвидацию оспы был большой, поэтому Всемирная организация здравоохранения всегда относилась к Советскому Союзу как к стране, где можно чему-то поучиться, что-то получить и привлечь специалистов для работы в своих сферах. Сейчас мы привыкли к тому, что по каждому случаю за консультацией, за помощью наши люди едут в Женеву во Всемирную организацию здравоохранения или в другие страны мира. Ведь этого никогда не было. К нам приезжали, у нас учились, и хоть технически мы во многих случаях уступали развитым странам, но только не в организации здравоохранения.

Успешная ликвидация эпидемических вспышек холеры Эль-Тор в Батуми, Одессе, Ростове и особенно в Астрахани была обусловлена прежде всего хорошей подготовкой лечебных учреждений, их инфекционных отделений, а также существовавшей системой государственного санитарного надзора, определявшей обязательное и беспрекословное выполнение рекомендуемых ею правил. В настоящее время, когда продается все, существовавшие ранее законы утратили свое значение: нет строгого определения санитарных защитных зон, охранявших наши водоемы от возможных загрязнений. Даже в центре России, рядом с Москвой, водные магистрали поделены по районам, где действуют не государственные, а региональные законы. Только этим можно объяснить то совершенно преступное действие известного правительственного чиновника, который оградой приобретенного им участка, пересек бетонную дорогу, где раньше могли проходить или проезжать представители службы государственного санитарного надзора, и спустил эту ограду непосредственно в Москву-реку. Может быть, за этой оградой господин чиновник воздвиг туалет, выливающийся непосредственно в реку для удобства многочисленных гостей, посещающих его обитель по субботам и воскресеньям.

В конце сентября 1970 г., после ликвидации холеры в Астрахани, с группой специалистов я вернулся в Москву. Это возвращение было долгожданным, поскольку я был надолго оторван

не только от семьи, но и от непосредственных сотрудников и руководителей министерства. Я хотел бы несколько слов сказать об исключительном человеке, глубоко уважаемом мною Борисе Петровиче Данилове, занимавшем в то время должность первого заместителя министра здравоохранения страны. Сравнительно короткая, примерно пятилетняя, совместная служба с этим человеком оставила у меня и у многих знавших Бориса Петровича сотрудников хорошую память. Я пишу — память, поскольку несколько дней, проведенных вместе после возвращения из Астрахани, были последними. Борис Петрович, как и я, в свободное время отдыхал на рыбалке. Нас объединяло и то, что наши сыновья были с нами на воскресных встречах. Это происходило обычно в районе Учинского водохранилища. В последний день встречи, после заседания коллегии, Борис Петрович предложил мне отправиться на рыбалку по Минскому шоссе на водоем, где не объявлялись карантинные меры, в отличие от московских водоемов. Я возразил Борису Петровичу, сказав, что карантин будет немедленно снят. Мы поедем и порыбачим там, где не были несколько месяцев. Он не согласился со мной, и мы расстались, как оказалось, навсегда.

В понедельник утром по дороге на работу я узнал от шофера, что в воскресенье кто-то из работников министерства погиб. Трагедия произошла поздно вечером в воскресенье и унесла из жизни замечательного человека, умного руководителя, настоящего друга.

Как выяснилось, Борис Петрович возвращался вечером по Минскому шоссе вместе с сыном. Навстречу им на большой скорости шла военная машина, у которой не работала левая фара. Обе машины двигались по осевой линии. Произошло столкновение, в результате которого наступила мгновенная смерть Бориса Петровича и его шофера, серьезную травму получил его сын, но его спасло то, что он спал на заднем сиденье. Спинки впереди стоящих кресел смягчили удар. После продолжительного лечения сын Бориса Петровича, как мне известно, поправился.

В то время Всемирную организацию здравоохранения возглавлял доктор Кандау, по моему убеждению, исключительно порядочный, умный организатор, знающий свое дело. И вот однажды случай помог мне ближе с ним познакомиться. Я был с делегацией в Алжире и получил сообщение, что в Турции пла-

нируется совещание по борьбе с холерой, которое проводит генеральный директор Кандау. Я приехал из Алжира в Турцию и прямо прибыл на совещание к доктору Кандау. Он встречался с министрами здравоохранения всех африканских стран, которые съехались послушать генерального директора, а по-моему, больше не послушать, а попросить у него льгот, денег, оборудования для борьбы с холерой. И вот прозвучал доклад Кандау. Я внимательно слушал, хотя английского языка не знаю. Наш сотрудник Министерства здравоохранения Феденев кое-что переводил, но, как правило, не успевал. Я что-то, наверное, своей физиономией подтверждал, что так или не так. В перерыве Кандау пригласил меня на чашку кофе и спросил: «Вы, наверное, очень хорошо знаете английский язык?» Я ответил: «Господин Кандау, ни одного слова я не знаю по-английски». — «Но как же так? Вы очень хорошо реагировали на мое выступление». Я сказал, что он настолько образно выражал свои мысли, что я не мог не понять цели выступления. Он заулыбался.

Потом слово было предоставлено мне как представителю Советского Союза. До этого я просмотрел кинофильмы, привезенные этими делегациями, а кинофильмы сводились только к одному — уборке трупов умерших от холеры. Никакой профилактики там не было. Эти министры в белых халатах и шапочках ходили возле трупов и присутствовали при этой уборке. Я сказал, что все, что я видел и слышал сейчас, никакого отношения к профилактике холеры и тем более к борьбе с ней не имеет. «Вы убирали трупы, а мы сейчас приехали сюда для того, чтобы сберечь здоровье и жизни людей, а не убирать трупы. Трупы могут убирать не только врачи. И потом, вы обращаетесь все к господину Кандау с просьбой "дай, дай, дай." Что он может дать? Деньги? Они у него ограничены. Вам нужно начать работать по профилактике холеры, а не заниматься только просьбами».

Выступление было несколько резковато, а на следующий день был большой прием на закрытом стадионе Анкары. Мы были приглашены с Феденевым. Нам указали номер нашего стола. Народу было очень много. По всему стадиону расставлены столики, а один столик стоял в центре. Мы стали искать свои места, но нашего номера на столике не было. Нам помог распорядитель и указал на столик, который стоял по центру стадиона. Мы идем туда. Одновременно выходит Кандау и направляется к этому сто-

лику. Он садится, и мы садимся вдвоем. Мы выпили, поговорили, но последствия я почувствовал уже потом. Когда все министры увидели, что Кандау сел со мной за столик, они решили, что этот Бургасов самый приближенный человек к Кандау, и на второй день в гостиницу посыпались делегации. Я уже не оправдывался, что ничем не могу помочь, я сидел с ними и пил кофе, разговаривал, но ничего обещать им не мог, потому что не имел никакой возможности вступать с ними в деловые связи.

Наконец, в Женеве, когда я собирался уже уезжать, обратился к руководителю программы ликвидации оспы и говорю ему, что вот мы поставляем бесплатно вакцину для борьбы с оспой, а вы пользуетесь безыгольными инъекторами, которые никому не продаете. Они есть у вас и здесь, в Женеве. Может быть, вы попросите господина Кандау уступить мне один безыгольный инъектор, чтобы мы в Советском Союзе использовали его для исследовательских работ? Он ушел, а утром к гостинице прибывает транспорт с двумя большими картонными коробками с запиской Кандау: «Бургасову для научно-исследовательских работ». Кандау прислал мне два комплекта этого безыгольного инъектора с инструкциями, техническими условиями, чертежами.

Когда я приехал в Москву, сразу отдал это тем, кто мог бы создать эти безыгольные инъекторы. И воронежские военные специалисты, кому мы это передали, в скором времени выпустили шесть образцов различных безыгольных инъекторов, и страна стала обеспечена этими инъекторами для прививок. Прививки проводились и против холеры, и против других инфекционных заболеваний, но, к сожалению, в последнее время перестали использовать эти инъекторы. Нашлись специалисты, которые считают, что использование безыгольных инъекторов может способствовать передаче ВИЧ. Каким образом это можно сделать? Безыгольный инъектор работает под большим давлением, и после каждой инъекции выходное отверстие протирают спиртом, но безыгольные инъекторы были сняты с использования для прививок, а это огромный урон, потому что они позволяли нам осуществлять мероприятия в больших масштабах, используя любой препарат, который вводился человеку под кожу.

Чтобы закончить всю историю отношений с господином Кандау, я не могу не остановиться на одном случае, который произошел в Москве. Борис Васильевич Петровский рассказал мне,

как он провожал Кандау в аэропорт в Москве. Ехали они вместе, и вдруг господин Кандау спрашивает Бориса Васильевича, не может ли он отпустить Бургасова и направить его заместителем Кандау в Женеву. Борис Васильевич, как мне сказал, вначале растерялся, а потом говорит: «Господин Кандау, но он же не знает английский язык». На что Кандау ответил: «Это все чепуха. Я к нему прикреплю несколько преподавателей, и через несколько месяцев он будет разговаривать на английском языке. Это не проблема». Тогда Борис Васильевич подумал и сказал: «А вы знаете, господин Кандау, он мне самому нужен». Кандау говорит: «Ну, тогда это другой вопрос. Здесь я уже ничего не могу сделать». Это была последняя встреча с Кандау. Вскоре он ушел из ВОЗ, и те, кто заменял его потом, не могли с ним сравниться по эрудиции, по организаторским способностям, по тому, как он относился к странам, какие задачи он ставил. Кандау остался в истории как личность, с которой считались во многих странах мира.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЕЗДКИ

Характер моей деятельности определял острую необходимость бывать во всех республиках СССР. Это были не просто дискуссии, а деловые поездки, связанные с серьезными событиями, которые возникали на их территории. Однако кроме этого было много и зарубежных поездок. Я был в Швейцарии 12 раз, был в Германии, Польше, Алжире, Турции, Гвинее, Италии, Вьетнаме, Соединенных Штатах Америки, Голландии, на Кубе, в Аргентине, на Филиппинах, в Конго, Сингапуре и во многих странах проездом. Эти поездки производили на меня глубокое впечатление. Это были не туристические экскурсии, а деловые поездки, всегда связанные с тем, чтобы в каждой стране оставить какие-то рекомендации и советы, которые могли бы принести пользу там, куда мы приезжали. Ну, скажем, в Швейцарии поездки были связаны с тем, что там ежегодно собиралась Генеральная ассамблея Всемирной организации здравоохранения, и там были доклады и выступления, которые непосредственно касались и нашей службы. Ездила обычно большая делегация, и не было случая, чтобы меня не включили. В Америке я был дважды по серьезным вопросам. Показывали все, что можно было показать в Америке, водили по всем учреждениям, по которым можно было водить.

Короче говоря, то, что можно было получить за 10–15 дней пребывания в этих странах, это представление об их жизни и условиях существования. Однако должен сказать одно: где бы я ни был, но как только проходило дней десять, наступала невыносимая тоска — тоска по Родине. Считали часы и дни, когда нужно ехать домой, потому что как бы ни было там хорошо, и все было обеспечено — деньги, питание, размещение всегда предусматривались, всегда встречали, провожали, но все-таки Родина оставалась Родиной. Нельзя было даже самое хорошее, что мы встречали, сравнить с условиями нашей жизни. Наверное, это воспитание, наши условия жизни, отношения между людьми и т.д.

Я назову такую маленькую деталь, которая, казалось бы, не имеет никакого значения, но она все-таки откладывает отпечаток на быт и характер жизни людей. Скажем, если к любому из нас, когда мы сидим за столом, приходит сосед, или родственник, или знакомый, ну кто из нас воздержится от того, чтобы пригласить этого человека к столу, а не оставить его за дверью? Я не знаю

таких людей. А вот в Германии я был свидетелем, когда человек пришел во время обеда и его никто к столу не пригласил. Но когда немцы отобедали, они пошли с этим человеком в ресторан, и в этом ресторане они заказали себе то, что могли, и каждый платил сам за себя. Я уважаю немцев, они очень дисциплинированные, очень честные во всех отношениях, но вот эта особенность в поведении для меня до сих пор не ясна. По-видимому, они привыкли к такой системе.

Самая первая поездка у меня была в Алжир, когда он только что получил самостоятельность. Магазины работали, потому что владельцы магазинов освобождались от товаров, чтобы не везти их обратно во Францию. Торговля была нормальная, но все-таки чувствовался перелом. Министр здравоохранения Алжира доктор Хаддам, хирург, который меня встретил и сопровождал, защищал диссертацию у нас в Первом Московском медицинском институте. Он был очень доволен пребыванием у нас в стране и старался отплатить вниманием представителю Советского Союза. Ну, что я могу сказать? Это была моя первая поездка за рубеж, и она произвела на меня большое впечатление. В Алжире были огромные семьи. Когда говорили, что у человека шесть детей, это мизер, а вот когда 12 и больше, вот это уже семья. В одном месте, куда меня привел Хаддам, я обратил внимание, что сидят молодые девушки, и у всех на руках по ребенку, а у доски преподаватель дает им различные рецепты питания: как готовить каши, смеси и т.д. Я спрашиваю у Хаддама: «Это что, наверное, няни пришли с этими детьми?» Он говорит: «Да нет, это не няни, это матери». Этим матерям было не больше 15–16 лет, вот с такого возраста начинается рождение детей.

Еще в Алжире я заметил хорошие и дружные игры детей. Нигде не видел там каких-то хулиганских выходок. Старшие в семье играют с младшими и отвечают за них, и никто не обижает. Хаддам меня возил по всему Алжиру, показал достопримечательности страны. Сам он человек верующий, и во время поездки останавливал машину, выходил с ковриком, становился на колени и молился. Я стоял в стороне, не беспокоил его. Я понимал, что религия — это очень серьезно в жизни человека, я с уважением к этому относился, и он это хорошо оценил.

Однажды после деловых поездок он зашел ко мне вечером и говорит: «Как вы посмотрите на то, если я в субботу или в вос-

кресенье порыбачу? Я не могу в понедельник работать, если не отдохну на рыбалке. Я привык рыбачить в море. Могли бы вы составить мне компанию?» Он попал, конечно, в точку. Я никогда на Средиземном море не рыбачил, но, когда Хаддам сказал, что он всем обеспечит и будет ждать меня на пристани в своем катере, я согласился.

Я прибыл к нему на благоустроенный катер, отделанный внутри хорошим материалом. Команда была три человека, и четвертый сам Хаддам. Вышли в открытое море, погода была тихая, наступила ночь. Мы видели только огни города. Хаддам дал мне большой моток лески, тяжелый груз и крючок. Ловили рыбу на креветок, а глубина примерно 20–25 метров. Я сел на корме. Спускаю раз, спускаю два, ничего не чувствую, вытаскиваю — моей креветки нет. Думаю, что это не ловля. Хаддам подходит и спрашивает: «Как дела?» Я говорю: «Пока ничего нет».

Потом я решил, что груз слишком тяжелый, надо его раза в 3–4 уменьшить, чтобы он тянулся за катером, потому что катер шел по течению. И вот я стал опускать приманку уже с другим грузом. Раз, два, чувствую — посадка. Вытаскиваю — граммов на 500 рыба такого розового цвета, очень красивая. Я кладу ее в ведро. В общем, когда Хаддам подошел ко мне и спросил, как дела, я говорю: «Вот, немножко поймал». Он увидел у меня четыре или пять рыбин, они занимали полведра.

Он зашумел на своих подчиненных: «Что же вы смотрите? Человек ловит, а вы даже не посмотрите, почему! Ведь у меня ничего нет. Он, наверное, скрыл, что он хороший рыбак». Потом уже выяснилось, в чем дело, и Хаддам начал тоже ловить. Короче говоря, мы поймали больше ведра этой рыбы. Тогда он спрашивает: «Куда нам эту рыбу деть? В гостиницу ее не понесешь, там есть». Я говорю: «Может быть, мы нашему послу Пегову это преподнесем?» Хаддам был страшно рад этому предложению, и мы утром эту рыбу доставили на дачу Пегову. Он тоже был очень рад такому подарку и угощал нас уже жареной рыбой.

Настало время уезжать, и Хаддам спросил, что бы я хотел приобрести в Алжире. Я сказал, что, может быть, крючки какие-нибудь, лески для рыбалки. Мы поехали в этот магазин. Я стал около витрин смотреть рыболовные принадлежности и спрашиваю у продавцов: «Сколько стоит?» А мне говорят: «Мы не знаем, хозяин уехал, а он ценники с собой возит». Ну, я расстроился

вначале, что мы приехали в магазин, где не знают цен, а потом увидел, что около кассы Хаддам рассчитывается очень крупной суммой денег. И когда я сказал Хаддаму, что не могу ничего купить, он ответил: «Вы не беспокойтесь. Вот сверток, тут все, что вы смотрели и спрашивали, за все я заплатил. Вы стоите того, чтобы получить от меня этот подарок в знак признательности ваших рыбацких способностей». До сих пор у меня еще остались какие-то принадлежности, которые купил мне тогда Хаддам, хотя прошло уже больше 30 лет. К сожалению, я больше с Хаддамом не встречался и в Алжире тоже больше не был.

Остальные зарубежные поездки были связаны со служебными делами, и, конечно, они оставляли глубокое впечатление об увиденном. Прекрасные воспоминания остались от Сингапура и Филиппин. О Филиппинах говорить много не хочется, потому что там я видел и богатство, и нищету. Много видел детей больных и выздоравливающих после полиомиелита. Страна очень сложная, со своим бытом и укладом, но вот такого, как в Сингапуре, я не встречал нигде.

Прежде всего меня поразило здание аэропорта — оно подземное, к нему ведут колонны в виде бетонных ваз с цветами, установленные на трассе. Я спрашиваю у сопровождающего: «Это что за цветник?» Мне объясняют, что это не цветник, а разделяющие дорогу колонны, но если нужно садиться самолету, то эти вазы раздвигаются и освобождают посадочную полосу. В помещениях аэропорта кондиционированный воздух, прекрасные торговые учреждения, там можно купить все или просто сидеть и любоваться всей этой обстановкой. Сингапур — это город и страна одновременно. Чистота и блеск самого Сингапура произвели на меня очень серьезное впечатление. Я ни в одной стране, хотя я много где был, такой опрятности и такой чистоты, как в Сингапуре, не видел.

До сих пор меня не оставляет один вопрос, когда я узнал, какое количество свиней ежегодно забивает Сингапур, — там забивают около 2,5 млн голов в год при населении около 2 млн человек. Я исходил из того, что если у нас где-то в Подмоскowie находится свиноферма, то вы же знаете, что за 10–15 километров чувствуете, так сказать, действие этой свинофермы. А там в самом городе свинофермы, но нигде не чувствуется никакого запаха. Когда наш посол пригласил к себе министра иностранных дел

Сингапура и я познакомился с ним, я его спросил, не могли бы они показать мне хоть одну свиноферму. Он сказал: «Поезжайте по улицам, и, если вы почувствуете что-нибудь, сами, пожалуйста, ознакомьтесь с этой свинофермой. Пока я сказать вам ничего не могу». Я ездил часа три, но нигде не было каких-то запахов, которые свидетельствуют, что тут находится свиноферма. Я уехал оттуда ни с чем.

При втором посещении Сингапура я специально нашел этого министра иностранных дел, встретился с ним и сказал: «Я вас очень прошу, покажите мне, пожалуйста, свиноферму, я в прошлый раз ничего не нашел». Он сказал: «Были ваши представители раньше здесь. Мы им показывали свои свинофермы. Они тоже были поражены тем, что никакого запаха от свиноферм нет, но это патент, за него нужно платить большие деньги, и они отказались купить у нас такой патент». Привезли меня на свиноферму. Там находилось примерно около 5 тысяч голов свиной — специальная мясная порода. Это одноэтажное здание на бетонном фундаменте, решетчатые полы, около каждой клетки или двух клеток выход воды с такой кнопкой, на которую свиньи нажимают, когда хотят пить. Значит, им никто воду не наливает, а корма рассыпаются автоматически по специальным желобам. Испражнения свиней проваливаются через решетки пола и скапливаются в бетонной основе свинарника, к ним добавляется запатентованный состав, который уничтожает запах. Полученная масса свозится как удобрение на поля. Никакого запаха, исключительный порядок и культура. Я спросил: «А сколько человек этих животных обслуживают?» Мне ответили: «Обслуживают только два человека. Они следят, чтобы вода подавалась и корма высыпались периодически». После этого я зашел в магазин и в целлофановом пакете купил копченую свинину, которая готовится там, — я давно такой свинины не видел и не ел.

Что еще обращает на себя внимание — это рынок Сингапура. Он очень свободный, на площади стоят столики, где можно продавать, но можно сесть за столики и покушать. Вокруг рынка кольцом стоят киоски, в которых готовят пищу, как правило жареную рыбу и мясные продукты. Сопровождавший нас молодой китаец изъявил желание все показать. Я обошел с ним все киоски вокруг и спрашиваю: «А у вас мухи бывают здесь?» На меня посмотрели с подозрением и ответили, что если у кого-то найдут

здесь муху, то завтра эту палатку закроют, поэтому мух здесь не бывает. Это Сингапур. И еще: если там человек выходит на прогулку с собакой, у него с собой обязательно пластмассовая сумка и совок. Прогулка с собаками разрешается только так, иначе человек подвергается очень большому штрафу.

Тротуары в городе чистейшие, как будто их моют каждый день щетками. На самом деле их моют, там пыли нигде нет, кюветы бетонированные, и вода в них не задерживается. Еще одно, что обратило на себя внимание. Мы вышли погулять по городу. Догоняет нас шикарная легковая машина, и водитель приглашает нас в машину, чтобы подвезти до центра города. Мы стали говорить, что хотим просто погулять, посмотреть. Он предложил: «Вы все посмотрите и увидите, но вам далеко идти до центра, а я вас туда подвезу, ничего платить не надо. Я вижу, вы приезжие, я хочу вам сделать одолжение». Ну, мы пожали плечами и сели. Он привез нас в центр города, мы вышли из машины. Он нас поблагодарил, тогда я спросил: «В чем дело? За что вы нас благодарите?» Он нам признался, что если бы на легковой машине пересек центр города порожняком, то заплатил бы штраф. Это запрещено. Транспорт может идти через центр города только с пассажирами или вещами. Что я могу сказать о населении Сингапура? Это на 87% китайцы, как правило молодые, энергичные, работают они, как говорят, не покладая рук, и работают очень эффективно. Мы нигде не видели человека в стоптанной грязной обуви и грязной рубашке. Это белые рубашки, они, может быть, неглаженные, но обязательно чистые.

На нас Сингапур произвел огромное впечатление своей культурой, своим бытом, видом улиц, кюветов, транспорта, всего. Это исключительное зрелище, которое нигде больше нельзя увидеть.

Очень хорошие воспоминания оставила и поездка в Аргентину. Там проходил конгресс по водоснабжению. Съехались представители почти всех стран мира. Это было летом, после окончания футбольного матча в местечке Мар-дель-Плато. В этом местечке мы остановились в гостинице, и однажды утром я проснулся от какого-то монотонного шороха, который не утихал и не усиливался. Окно было открыто. Я посмотрел в окно и увидел, что вся площадь перед гостиницей заполнена ребятишками 15–16 лет, и все ходили, разговаривали, что-то делали. Я не мог

понять, что происходит. Мы спустились на площадь, и нам объяснили: каждый год перед началом учебного года все школьники выходят на эту площадь, и, если школьник окончил первый класс и у него остались учебники, он их может продать школьнику, который только поступает в первый класс. А старшеклассники меняются учебниками. Я посмотрел эти учебники и был несколько удивлен. Я привык к тому, что, когда ребенок заканчивает свой класс, эти учебники у него помяты, порваны, во всяком случае, производят неприятное впечатление. Там эти книги выглядели так, как будто они еще не использовались. У нас, как известно, проблема: как начинается учебный год, покупают учебники в магазине. Там их не покупают, там меняют учебник на учебник, а покупают их только первые и последние классы.

В Аргентине, конечно, обращает на себя внимание и торговля. Во всех магазинах, куда мы заходили в свободное время, нас встречали нашими песнями. Звучала «Широка страна моя родная» или песня про Москву, поскольку они знали, что мы приехали из Советского Союза. Интересный случай произошел в одном мясном магазине. Мы зашли из любопытства, конечно. При входе висела туша килограммов, может быть, на 450–500. Нам объяснили, что это мясо аргентинских бычков. Они достигают 400–500 килограммов веса, и тогда их забивают. И все население Аргентины питается этим мясом. Оно называется осада.

Эту телятину аргентинцы жарят на металлических сетках, под которыми горят угли. Ее не солят, не перчат, не смазывают, просто кладут на решетку, переворачивают и обжаривают. Аромат изумительный, вкус исключительный. Это питание аргентинцев. И когда мы приехали к послу на дачу, перед каждым маленьким особнячком, который занимали члены посольства, тоже лежала такая решетка. И то же самое, приезжают, берут вино в больших бутылках, оплетенных сетками. Дешевое, буквально гроши стоит это вино, никакого хлеба, вот эти куски телятины, которые они жарят и здесь же кушают. И потом, когда я однажды от бессонницы, может быть, вышел на улицу, часа в три утра, а надо сказать, что в Аргентине жизнь замирает примерно с 12 часов дня до 16 и потом оживляется часов с 17 и продолжается всю ночь, я зашел в ресторанчик рядом с гостиницей, который обслуживал проезжающих таксистов. И был удивлен, когда подъехал шофер, взял в буфете большую бутылку вина, съел кусок этого отлично-

го мяса, запил вином, сел и уехал. Вот вам, пожалуйста, никакого алкоголизма нет. И когда мы зашли в магазин, чтобы купить что-нибудь попить, нам говорят, вот купите лучше вино. Каждая бутылка содержала 3–4 литра этого вина и стоила буквально копейки. Это виноградное, натуральное вино.

Я спросил: «А как выращивают этот скот?» Оказывается, этот скот круглый год пасется в предгорьях. Когда наступает период отела, хозяин на вертолете вылетает, фиксирует, сколько телят появилось, сколько нужно отобрать этих телят на убой, сколько оставить. И все это реализуется. Наша страна, как я потом узнал, покупала в Аргентине примерно 40–45 тысяч тонн говядины. Это говядина, мясо взрослых животных, ее пакуют, замораживают, и эти замороженные блоки продают нам.

Аргентина — это удивительная страна с удивительным народом. У нас была встреча с мэром города Мар-дель-Плато. Когда мы приехали, по обычаю, может быть, не совсем оправданным, привезли с собой по бутылке московской водки. Я поставил бутылку перед мэром, а он отодвинул эту бутылку, сказав: «Я крепкое не пью, мы пьем другое вино». Тогда я стал задавать вопросы бытового порядка: как у них обстоит дело с бандитизмом, с хулиганством, с проституцией. Он говорит: «У нас проституции нет». Я удивился, что в Аргентине нет проституции, и попросил объяснить, как же так получается. «А очень просто. Вы завтра, когда будете гулять по городу, обратите внимание, что идет, скажем, пожилой человек, а с ним молодая особа. Все думают, что это его дочь, потому что жена не может быть такого возраста, но это не дочь, это женщина, которая приглашена этим господином в дом на правах члена семьи. Она живет с ним, везде его сопровождает, ухаживает за ним, это член семьи. Вот как вы считаете, это проституция?» Вот такая ситуация в Аргентине, когда люди нуждаются в какой-то помощи, когда умирает жена, и кого-то нужно привести в дом, чтобы заниматься хозяйством.

Почему, интересно, страна называется Аргентина? По истории как будто описано так, что, когда войска, которые завоевали эти земли, вступили на эту территорию, их встретили местные жители на конях, и на многих, особенно на вождях этих племен, были серебряные изделия, и они подумали, что эта страна богата серебром. Слово «Аргентина» происходит от слова «серебро». Однако оказалось, что в Аргентине никогда не добывали серебро,

оно было в соседних странах. Насколько эта история правдива, мне сейчас утверждать трудно.

В Аргентину я летел через Кубу. Я имел возможность и счастье быть на Кубе дважды. Познакомился с Фиделем Кастро, с министром здравоохранения Серхио, заместителем министра здравоохранения Тери, главным санитарным врачом. Познакомился со здравоохранением Кубы, вынес очень хорошие впечатления об этом, не говоря уже о клинической медицине. Кубинские врачи — очень серьезно подготовленные специалисты, они славятся на всю Латинскую Америку. Я присутствовал на собрании студентов первых курсов, перед которыми выступал Фидель Кастро. Это происходило ночью в Большом театре. Члены Политбюро сидели в президиуме, а Фидель на трибуне. Конечно, он выступал без записок. Оратор он исключительный, ну и человек, конечно, замечательный. Он говорил о том, какого цвета надо сделать юбочки студенткам первого курса, какая должна быть обувь и какой высоты каблук, какую одежду должны носить мальчишки, как они себя должны вести, но смысл был только один: с первого курса, с первого дня занятий жители Кубы должны знать, что это будущий врач, что он должен быть одет соответственно и вести себя соответственно.

Это почетная профессия на Кубе — врач. И действительно, самая высокая категория оплаты на Кубе у медицинских работников. Это Фидель Кастро смог организовать так работу, а самое главное, он принимал в медицинские вузы такое количество студентов, которое для Кубы не нужно. Я тогда спросил: «Товарищ Фидель Кастро, зачем вы готовите такое количество студентов-медиков?» Он ответил: «Очень просто. Во всей Латинской Америке сейчас все медицинские учреждения работают только благодаря кубинским врачам. Они славятся на всю Латинскую Америку. Они высокопрофессиональные врачи». И потом он сказал: «Если уж распространять коммунизм, то вот эти врачи этот коммунизм распространяют больше, чем кто-либо из кубинских специалистов».

На Кубе мне показали так называемого семейного врача. Меня привезли в двухэтажный особняк, стоящий в саду. На первом этаже — кабинет врача, приемная и еще подсобная комната. На втором этаже жилая трехкомнатная квартира. С врачом работает медицинская сестра, которая обеспечивает регистрацию боль-

ных. Обслуживает этот семейный врач примерно 500–600 жителей. Он знает каждую семью, всех ее членов с момента рождения. Если человеку нужно поехать в больницу для серьезного обследования, это делается по совету семейного врача, без совета он не едет, это закон. Он и педиатр, и любой другой специалист, он присутствует на свадьбах, на крестинах, на похоронах, он знает всех, и его знают все. А в том месте, куда меня привезли, семейный врач был холостяком. И мэр поселка говорит: «Вот мы сейчас подыскали для семейного врача очень хорошую девушку, они познакомились, и, наверное, у нас скоро будет свадьба, мы нашего семейного врача женим». Уважение к этому врачу, авторитет его непререкаемы. Вернувшись, я рассказал своему министру, что такое семейный врач на Кубе, а он сказал: «Да чепуха, мы про это дело слышали, но нам это не подходит». Не знаю, почему не подходит, вот там медицина действительно на должном уровне. На Кубе занимаются медициной, и там врач на своем месте. Это не отшельник, который ищет, где заработать, а человек, который обеспечен, о нем заботится государство, о нем беспокоятся эти 500–600 человек, которых он ежедневно обслуживает.

Второй раз я имел счастье посетить Кубу уже по приглашению министра здравоохранения и самого Фиделя Кастро. Фидель Кастро наградил меня за первое и второе посещение, за то, что я смог сделать для здравоохранения Кубы, орденом Финлея. Мне этот орден вручили в посольстве Кубы. Это орден в честь человека, который открыл вирус желтой лихорадки. Это исключительно красивый и достойный орден. Дело в том, что меня пригласили как раз потому, что товарищ Кастро сказал, что, поскольку в Советском Союзе есть санитарно-эпидемиологическая служба, которая выполняет большие обязанности, а у нас этой службы нет, пусть приедет заместитель министра Бургасов и расскажет нам об этой службе.

Я провел на этот раз на Кубе 12 дней. Министр здравоохранения и его заместитель возили меня по всей Кубе, я везде выступал с докладами, с информацией об организации санитарно-эпидемиологической службы, о ее задачах, целях и оснащении. И что вы думаете? На следующий же год Куба создала себе санитарно-эпидемиологическую службу, которая стала успешно работать, стала готовить врачей по этому профилю. Вот вам отношение Фиделя Кастро к здравоохранению.

Ну, и последнее. Я хочу сказать о конгрессе всей Латинской Америки по здравоохранению на Кубе и о выступлении там Фиделя Кастро. Он не только выступал, а вел конгресс в течение трех дней. Сидел со мной один человек и через переводчика говорит: «Теперь я верю, насколько он талантлив, ведь надо подумать, что три дня он не уходит с конгресса, ведет конгресс, и его за три дня никто не побеспокоил какими-то вопросами, которые могут возникнуть в республике, которую он возглавляет. Это настоящий руководитель». В том, что он настоящий руководитель, я был убежден. Дело в том, что на Кубе возникла лихорадка Денге. Заболевание тяжелое, эпидемическое. Переносчиком возбудителя является комар. Забеспокоились кубинцы и пригласили меня проконсультировать, что дальше делать. Когда я въехал в Гавану на машине, это было часов в 10 утра, послышался гул самолета, над Гаваной летал самолет и что-то распылял. Я спросил тогда Серхио, министра здравоохранения Кубы: «Скажите, пожалуйста, а что это такое»? «А мы, — говорит, — опыляем сейчас, уничтожаем комаров, потому что комары — переносчики заболевания, а у нас другого средства нет, как их уничтожить». Я сказал ему, что сейчас нужно прекратить эту работу. Я расскажу, как это делать лучше и эффективнее. Если вы ставите своей целью уничтожить переносчиков этого заболевания, это касается не только Денге, а вообще комаров, распылением ядохимикатов, то это нужно делать не днем, а поздно вечером, после захода солнца, когда потоки воздуха прижимают к земле все частицы, или рано утром, когда восходящих потоков воздуха еще нет. Тогда все, распыленное самолетом, садится на растения, где находятся комары. В другое время это бесполезная работа. Они были очень признательны, им удалось сэкономить значительные средства и получить хорошие результаты.

Однажды после большого доклада, который делал Фидель Кастро, мне сообщили, что он хочет со мной встретиться. Около 12 часов ночи, когда все закончилось, я вижу — спускается человек в форме, уставший, подходит ко мне. Он оказался такого же роста, как и я. Положил мне руку на плечо и говорит: «Знаете, я так устал. Может, мы выпьем»? Здесь же находилась переводчица. Я говорю: «Знаете, товарищ Фидель Кастро, с кем, с кем, а с вами — с большим удовольствием». Он засмеялся. Внесли поднос, рюмки, ром кубинский, легкую закуску с фруктами. Мы

сели и часа два беседовали. Замечательный, умный человек. Он настолько разбирается в здравоохранении, так ознакомлен со всеми достижениями, что с ним говорить не так просто. И когда я сказал министру, что он счастливый человек, что у него такой руководитель, который прекрасно представляет себе, что такое здравоохранение, он ответил: «Это только так кажется, что мне легко, вы знаете, когда я к нему прихожу на доклад, я думаю только об одном: успел он или не успел прочитать то, что я прочитал. И, как правило, я ошибаюсь, он всегда вперед меня знает все, что я ему скажу».

Замечательный человек, патриот своей страны и делает все для народа. Я видел школьников, для которых Фидель Кастро — это отец родной. Родители не могут убедить школьников в том, в чем убеждает их Фидель Кастро. На улицах утром помотришь — идут мальчики в светло-желтых рубашечках с галстуками пионерскими, и все в темных брючках; девочки в юбочках и рубашечках — красота какая, чистота, опрятно, аккуратно. Куба на меня такое впечатление произвела. И когда стали распространяться слухи о том, что с Кубы бежало много людей в Америку, недовольных режимом, мне потом доверительно сказали: «Это не сами люди бежали, а Фидель Кастро распорядился отловить 100 тысяч преступников, проституток, жуликов и неверных людей, посадил их на корабли и отправил в Америку». Вот как было дело, а не хорошие кубинцы бежали от Фиделя Кастро — по-видимому, это разные вещи.

Поездка в Гвинею носила ознакомительный характер. Нужно было посмотреть, что там происходит. Тогда руководителем Гвинеи был Секу Туре. У него был юбилей, этот юбилей отмечался несколько дней большими празднествами на стадионе, танцами, песнями, потрясающими по своей силе. Восприятие таких песен для обычного человека, особенно когда исполнители пользуются усиливающей аппаратурой, требует большой воли. Мы сидели оглушенные, потому что такие звуки огромной силы подавляли сознание, все мы не могли спокойно анализировать происходящее и поэтому мучились.

Когда ехали из аэропорта, я обратил внимание, что в стороне от шоссе стоят корпуса, покрытые ржавым железом. Я спросил, что это такое. Мне объяснили, что в свое время Советский Союз построил в Гвинее мясокомбинат. Потом в течение года гвиней-

цы забили весь скот, и на этом мясокомбинате делать было уже нечего, его забросили.

Климат в Гвинее очень теплый. Живут все, по-видимому, тем, что получают в садах и огородах, а также в лесу. И главным беспокойством является то, что обезьяны и птицы, посещая плантации, опустошают их, и поэтому тот, у кого есть ружье, считается счастливым человеком. К счастью, я одно ружье подарил Секу Туре. Он был в восторге, что теперь сможет отстреливать, отпугивать хищников, которые опустошают его плантации. В Гвинее в это время, как я понял, воровство не считалось преступлением. Во время моего пребывания там в порт прибыл корабль с подарками для Секу Туре в честь его юбилея. На корабле были телевизоры, приемники различные, аппаратура, оборудование, домашний скраб и т.п. Послали туда отряд охраны, и потом оказалось, что этот отряд растащил все эти подарки с корабля, а что осталось Секу Туре, я просто не знаю. И когда мы говорили на эту тему с заместителем Секу Туре, он сказал: «Вы поймите, у нас положение такое — каждый человек, приходящий к власти, сейчас пытается как можно больше взять себе, взять для того, чтобы больше не отдавать. Почему так происходит? Он знает, что его никто не накажет, его просто освободят от работы. У нас за это никого не наказывают, и поэтому каждый берет себе, не думая о последствиях».

Вот когда я вспоминаю Гвинею прошлых лет, я смотрю на нашу сегодняшнюю жизнь. У нас в России, наверное, кое-что заимствовали в Гвинее в порядке поведения, отношения к обществу, отношения к материальным ценностям, доступным некоторым господам, приобретающим это все, зная, что наказания им никакого не будет. Так и существуют преступления без наказания.

Что еще можно сказать о Гвинее? Народ там очень веселый. Если остановились два человека на углу улицы, они или поют, или пляшут независимо от жары, они любят танцевать. Мне пришлось побывать на острове, на котором снимались многие исторические фильмы. На этом острове есть пляжи и маленькие будочки для отдыха. Этот остров посещают послы, которые находятся в Гвинее, с семьями. Я познакомился там с одной семьей: он был подполковником в отставке и жил там с супругой, она была акушером-гинекологом, и все детишки знали ее как родную мать, она принимала роды у всех жен послов. Когда она появлялась на пляже, ребятишки бежали к ней всей гурьбой, они считали ее

родственницей, которая помогла им появиться на свет. Это тоже особенность Гвинеи.

Самое тяжелое впечатление производит небольшой и не особо оснащенный порт. Когдаходишь к порту, видно нагромождение камней, которые шевелятся от массы крыс. Такого обилия крыс я нигде не видел. Правда, я вспомнил свою аспирантуру, когда я был в Ставропольском крае во время эпидемии туляремии и видел, как крысы бегали из мясокомбината на водопой и возвращались, но те шли спокойно, пересекая шоссе, а эти шевелились на камнях, ища пищу, и подходить к порту вечером было неприятно. Никто не занимался уничтожением крыс.

Перед отъездом из Гвинеи я посетил одну поликлинику. Самое странное было то, что при входе эта поликлиника была покрашена в белый цвет, но как только я открыл дверь, вошел в коридор, все померкло в черных красках. Когда я зашел в хирургическое отделение, все стены и даже операционный стол — все было в черном цвете, врачи были в черных халатах. Я настолько был потрясен увиденным, что спросил у главного врача: «Что случилось? В чем дело? Почему в лечебном учреждении все окрашено в черный цвет?» Мне сказали, что, когда поликлинику построили, все было, как положено, покрашено в белый цвет, но когда стали приходить первые посетители, они пачкали стены черной краской, и настолько все испортили, что пришлось все выкрасить в черный цвет. Вы представляете: темно-коричневое лицо у жителя, черный халат, черный операционный стол, только окна просвечивали, а остальное все было черное.

Когда, провожая меня, гвинейцы повесили мне на шею небольшого удавчика, они думали, что я буду отбиваться от него, но удавчик был 1,5–2 метра, он вокруг моей шеи обернулся, и я с ним на шее шествовал по улице, привлекая внимание гвинейцев, которые были довольны, что я не боюсь этого удавчика.

Из других стран, которые мне удалось посетить за время моей работы, я, конечно, не могу забыть Вьетнам. Я был там дважды, во время войны, точнее, во время американской интервенции во Вьетнаме, и на третий день после падения Сайгона, когда армия Вьетнама выбросила американцев со своей территории. О Вьетнаме можно много говорить. Могу только сказать главное — это страна тружеников. Нельзя было спокойно смотреть на молодых девушек, почти девочек, которые строили и восстанавливали до-

роги. Они на своих плечах носили коромысла, на концах которых висели корзины, наполненные щебнем. И эта девочка, в ней всего, наверное, килограммов 40, бежит, несет эти корзины для того, чтобы где-то сделать насыпь. Однако и мужчины тоже исключительно трудолюбивые. Нельзя равнодушно смотреть, как они сажают рис. Рис не сеют зернами, а рисовую рассаду сажают на огромных плантациях, покрытых водой. Это адский, тяжелейший труд, который выполняли вьетнамцы.

Но нельзя не рассказать о том, как вы въезжаете в деревню во Вьетнаме, и, если ребятишки узнают, что вы из Советского Союза, поднимается крик «ленсо», и на вашу машину, на вас, на руки забираются эти ребятишки. Настолько уважали они советских людей. Наверное, это шло от родителей, от населения, которое с большим уважением относилось к нашей стране.

Шла война, рождаемость у них была понижена, и все-таки в каждой семье было по 5–7 человек, и все работающие, и все делали только одно, чтобы прожить во время этой тяжелой войны с американцами.

По прибытии во Вьетнам наша делегация была принята самим Фам ван Донгом — руководителем страны. Была очень теплая беседа, был товарищеский ужин. Я был очень признателен вьетнамским товарищам, которые нас так встретили, хотя у них было очень тяжелое и напряженное время. И это время продолжалось, оно сказывалось в том, что рано утром, когда все спят, на улицах возникал шум — это вьетнамцы едут на велосипедах. Велосипед был основным средством передвижения, и все они торопились на работу. И когда было уже темно, эти вьетнамцы собирались домой после рабочего дня, работали они без перерыва. Но особенность в их сопротивлении и в их победе заключалась в том, что весь народ участвовал в этой несправедливой войне.

Присутствовал я и на одном оборонительном участке, его занимал один батальон, в землянке находились операционная и медпункт этого батальона. В очень маленькой комнате, обитой фанерой, чтобы не сыпалась земля, стоял операционный стол, рядом за стенкой стоял на деревянных сваях велосипед, на велосипеде сидел молодой вьетнамец и крутил педали, таким образом он крутил динамо-машину, которая давала свет для операционной, пока шла операция.

Когда мы поехали на юг страны, я там видел много замечательных вещей и, в частности, один остров, это в районе Хайфона, где

был питомник обезьян. Туда мы приехали, вернее приплыли на моторной лодке. Высокий остров, скалистый, с растительностью. Вьетнамцы рассказали, что они поселили туда несколько сотен макак-резус, но эти обезьяны стали размножаться, всю зелень там съели и стали перемещаться к другим островам, тоже таким скалистым, забираться на них и там устраивать свое жилье. По данным вьетнамцев, в этом заливе Хайфона находится около 4000 островов. Там никогда не бывает бурь или сильных ветров, потому что они сдерживаются этими высокими островами, и на них расселились обезьяны. Вьетнамцы в самом питомнике кормили обезьян комбикормами и различными растениями, которые они собирали на месте. Из комбикормов и растений они готовили плитки, которые выкладывали на площадке для кормления.

В заливе Хайфона мы встретили семьи вьетнамцев, которые живут на воде. Это большая лодка, в этой лодке есть вся живность, которая нужна для вьетнамца, — и собака и поросенок. Вся семья живет в этой лодке, стоит металлическая печурка, на которой можно что-то приготовить. Лодка ходит под парусом, но парус не матерчатый, а сплетенный из лиан. Семья живет на воде, ловит рыбу для питания и этим существует.

В Сайгоне обстановка представилась несколько иной. Там были зажиточные люди. Меня принимала в Сайгоне жена командующего армией. Эта армия освобождала Вьетнам от американцев. Эта воспитанная и интересная женщина была членом очень богатой семьи в Сайгоне, у которой американцы расстреляли брата. Не выдержав такой потери, она ушла из дома. Затем встретлась с командующим и впоследствии стала его женой. Сама она рассказывала, что они коллекционируют китайский фарфор по векам его изготовления. Это красивые изделия, но они имели отличия, присущие определенному периоду производства. Эта женщина принимала меня в ресторане, угостила исключительным мороженым, которое было в ананасах. Мы остались большими друзьями, и она мне рассказала про свою жизнь и про то, как она счастлива, что нашла такого супруга.

И потом мне представилась возможность поехать в зону, которая является, вернее являлась, местом отдыха состоятельных людей Вьетнама. Поднимались мы на машине постепенно в гору. Самое замечательное, что, я увидел там наши российские березы. Я там увидел, как выращивают морковь, капусту, лук — эта вы-

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЕЗДКИ

сота, 3000 метров над уровнем моря, позволяет иметь во Вьетнаме климат, совершенно одинаковый с подмосковным. При таком климате, имели особняки состоятельные люди, а в самом Сайгоне отдыхать было невозможно. Еще в Сайгоне я видел демонстрацию очень красивых женщин. Сначала я не понял, кто они такие, — идут, несут лозунги: «Дайте работу». Мне сказали, что это проститутки, которые освободились из офицерских американских домов. Американцев выбили, и эти женщины остались без работы, без куска хлеба. Исключительно красивые, стройные женщины, они не были похожи на обычных проституток. Они были причесаны, ухожены, спокойны, искали только работу. Их не смущала любая работа. Дайте только работу, чтобы жить.

Говорят, что и вьетнамцы, и, как я слышал, корейцы, очень любят мясо собак. Въезжая в одну деревню, я сам видел, как хозяин бил еще живую маленькую собачку прутьями. Мне сказали, что для того, чтобы мясо пропиталось кровью, он ее заживо отбивает, а затем забивает. Иначе говоря, собаки во Вьетнаме не выполняют обычной роли, и к ним не относятся так, как у нас относятся к собакам, — как к сторожу, другу. Там собака — животное, которое идет в пищу. Они не крупные, своеобразной породы, круглые собачки, предназначены для питания. И вот когда я приехал во Вьетнам, меня спросили в ресторане, где мы питались, какую кухню я выбираю, европейскую или вьетнамскую? Мои спутники сказали, что признают только европейскую кухню, а я выбрал вьетнамскую, и потом они завидовали — такие вкусные блюда мне подавали. Я даже не знаю до сих пор, ел ли я там мясо собак или нет, но приготовлено все было настолько вкусно, что это не имело значения.

В то время путь во Вьетнам лежал через Китай, и мне пришлось дважды быть в Пекине. Я посетил Китай, когда там была так называемая культурная революция. На улицах нельзя было встретить ни одной автомашины, проезжали только люди, толкающие впереди себя тележку на двух колесах. Сейчас города Китая по своему виду значительно превосходят многие города Европы и Америки.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ НА ФОНЕ НАСТОЯЩЕГО

Нужно сказать, что я взялся за эту трудную для меня работу только с одной целью — может быть, пройдут годы, и моя семья, мои потомки, собравшись за хорошим столом, будут вспоминать немножко обо мне, кем я был и что я сделал для семьи. А то, что я сделал, остается на виду. Сейчас я живу лучше, чем когда-либо, вот почему. У меня, несмотря на то, что я похоронил жену, осталась семья, у меня есть внуки, есть дочь Марина — это воплощение всего самого лучшего, что имеется в человеке, я уж не говорю о внешности, это другой вопрос, я говорю о ее характере. Это исключительно чуткая, внимательная женщина, которая опекает меня, она предугадывает все мои желания, на все мои вопросы она заранее ищет ответы. Она беспокоится обо мне как о маленьком ребенке, правда, это иногда на меня производит другое впечатление. Во всяком случае, я живу как у Христа за пазухой. Несмотря на свое прошлое и большие должности, которые я занимал, я материально хуже жил. Сейчас я не нуждаюсь в какой-либо помощи, в деньгах, у меня все есть. Что касается питания, холодильник всегда забит продуктами, которые нам необходимы, мы не испытываем никакой нужды. В этом отношении можно было бы не жаловаться на судьбу. Есть другие вопросы, и, если бы не ситуация, которая сейчас существует в стране, наверное, я по-другому излагал бы свои мысли, и мое прошлое представлялось бы мне в другом свете.

Сейчас, может быть, я несколько субъективен, я не могу быть объективным, потому что вокруг меня развивается новое общество, появляются новые взгляды, новые суждения, новые решения, и то, что, скажем, является сейчас для меня неприятным, для других вполне приемлемо. Вот сколько времени я ждал и наконец дождался, когда мой старший внук постриг младшего внука, который ходил заросший. Он подражает кому-то, чему-то, а я не мог на это смотреть, я никогда себе этого не позволял. Естественно, я устарел, мои взгляды тоже устарели. У каждого человека своя жизнь, и поэтому я не могу судить обо всех сейчас, я говорю только о своей жизни. Почему я сейчас живу материально лучше, чем жил? Не потому, что современная власть предоставила мне такую возможность, наоборот, она сделала все возможное, чтобы я так

не жил, но в прошлом это все было заработано. Заработана была квартира, заработана была дача, заработана настойчивостью и трудом моей жены Татьяны, которая вложила очень много в этот дом, где мы обрели такое спокойствие и нормальную жизнь, — это ее большая заслуга.

Я не могу не вспомнить моих мать и отца, я уже о них писал. Я с удовольствием вспоминаю и с большим уважением отношусь к родителям моей жены Татьяны. Ведь надо же было найти такую тещу! Говорят, что теща — враг зятя, это все чепуха. Моя теща была для меня ангелом-хранителем, потому что даже когда возникал конфликт с женой, которая была иногда ревнивой, она мне всегда говорила: «Петр Николаевич, не обращайтесь внимания. Вы — такой мужчина, на которого можно посмотреть. Ну и что, если вы измените раз Татьяне». Это говорила мать моей супруги. А когда Татьяна приобретала какой-либо подарок для своей матери в Москве — привозила платок, кофточку или юбку, моя теща раскладывала это на столе при мне и говорила: «Посмотрите, какая безвкусица! Кто такие вещи сможет носить? Зачем они мне нужны?» И бросала в сторону этот подарок. На второй день почти этот же подарок привозил ей из Москвы я. Она разворачивала на том же столе и говорила: «Посмотрите, какой у человека вкус! Знает же, что мне нужно и что я люблю. Угадал, а вот дочка не могла этого сделать». Это моя теща — Елизавета Соломоновна. Дай Бог, жить ей на том свете так, как живут хорошие люди. Она для людей делала все.

Тесть всегда сидел у телевизора, смотрел его, это было в Загорянке, на даче, и все что-то записывал, а когда заканчивалась программа, он уходил, говоря, что опять они все заселяют. Кто они? Он имел в виду людей определенной национальности. Я тогда смеялся над ним: «Ну что вы, Матвей Иванович, переписываете эти фамилии, ведь у нас сейчас равенство, и никто этими вопросами не занимается». «А вы когда-нибудь поймете, это не те люди», — говорил он. Сейчас вспоминаю Матвея Ивановича, насколько он был прав.

И вот сейчас «не те люди» командуют всей политикой на телевидении, «не те люди» ведут программы по так называемому воспитанию населения. И когда смотришь «не тех людей», то думаешь, что даже вывеска: «Иванов, Петров, Сидоров» — это тоже только вывеска, за которой сидят «не те люди», которых Матвей Иванович переписывал. Поверьте, что я не антисемит, но нельзя же мирить-

ся до конца с тем положением, что ни одного настоящего русского человека нет на телевидении, нет ни одного режиссера, нет ни одного русского, повторяю — русского — корреспондента, который откровенно бы излагал события в мире. Это все люди, примкнувшие к кому-то, это люди, заменившие одну идеологию на другую и выполняющие программы, продиктованные им людьми, не желающими развития России, ее расцвета, а пытающиеся довести ее до гибели. Вот тяжелое впечатление, которое остается.

Почему это тяжелое впечатление? Растут дети, люди растут молодые. Посмотрите, что делается на улицах. Ведь раньше в период летних каникул все школьники без исключения бесплатно уезжали в пионерские лагеря на все лето. Они были заняты. Можете считать это идеологией! Они там играли, проводили всякие кампании свои, они жили полноценной жизнью, они питались нормально... Это молодежь, которая воспитывалась, так сказать, по-сталински. А что сейчас происходит? Вы посмотрите, где эта молодежь? Как она воспитывается, кем она воспитывается?

Я по своей страсти рыболова заезжаю в некоторые места Подмосковья. Прекрасные места с хорошими водоемами, лесными насаждениями. Говорят, что здесь были пионерские лагеря. Сейчас — запустение, хлам и гниль. Почему же так относятся к нашей молодежи? И только по телевидению собирают молодежь, откуда она, особенно не известно, но это молодые люди, перед которыми ведут определенную программу, высмеивающую прошлое, издевающуюся над прошлым и пытающуюся привить молодежи все лучшее, что, по мнению организаторов, есть в настоящем.

Сейчас только показали программу под названием «Угадай, что я сказал». Участники спрашивают друг друга, что такое камень? Оказывается, камень — это основное орудие пролетариата. Зачем молодежи преподносить такую дикость! Ведь пролетариатом создано, по существу, все на свете! И когда мне говорят, что коммерсант — это человек особый, коммерсант должен иметь определенные навыки и талант, а коммерсант в прошлом у нас — спекулянт и жулик, но если этот коммерсант богатый, то он заработал... Спрашивается, кто делал и делает каслинское литье, которое ценится как высокое произведение искусства? Кто ковал решетчатые ограды для Петербурга? Где эти мастера, талантливые кузнецы и литейщики? Они зарабатывали, но они нигде не видны. Они не жили той жизнью, которой живут сейчас так называемые новые русские. Это

ложь. Это не русские и не новые. Это старые мошенники под другой личиной. Почему новые? Откуда они взялись, эти новые с миллиардами денег? Где они их заработали? Если мне скажут, что они талантливы, — чепуха. Их талант заключается только в одном — они приезжают на «мерседесах» с молодыми девицами, распоряжаются рабочими и уезжают, больше ничего.

Откуда они появились, знают те, которые сами уже награбили, а сейчас ушли немного в тень от власти. Их убрали потому, что они являются свидетелями всех событий, которые предшествовали 1990-м годам, когда стали разворовывать нашу Россию. Ну, а президент нужен тем, кто еще недостаточно награбил. Они еще будут грабить и не закончат до тех пор, пока их не поставят на место. А ставить на место кто будет? Посмотрим...

Сейчас идет настойчивая и продуманная во всех отношениях программа разложения нашей молодежи. Я не говорю про наши старые кинофильмы — пусть там много было мифического, но это доставляло такое удовольствие, что их можно было смотреть по несколько раз. И невозможно смотреть эти боевики американские, где, кроме крови, убийства и насилия, ничего нет. Зачем это нужно? И молодежь смотрит все это.

Многие начинают понимать, куда их толкают. Однако кто-то занимается этим изо дня в день, не пропуская никакой возможности отравить сознание нашей молодежи. А что такое молодежь для нас? Это наша страна, это наше будущее.

Я не говорю о нашей деревне. Я не был давно в глубинке, езжу по Подмосковию. Пустующие, зарастающие поля. Правда, там иногда появляются хорошие особняки, на полях, где сеяли пшеницу, кукурузу и другие злаки. Почему это происходит? Что, некому работать? А в деревнях, как мне говорят, сплошные попойки. Пьяницы ходят, не помнящие себя, а молодежь спаивают, которая осталась в деревне. Это умерщвление России, потому что деревня всегда была генетическим фондом для государства. Самое здоровое население было в деревне. Оттуда мы черпали свои силы, физические и умственные? Сейчас деревня вымирает полностью. И сколько бы Госдума не говорила о помощи агропрому — это чепуха.

Когда смотришь по телевидению развлекательную программу, пытаешься не пропустить выступление группы юмористов и замечательных артистов: Винокура, Шифрина и других. Действительно, артисты высокого класса, доставляют удовольствие и по

содержанию своих выступлений, и по исполнению. Однако мы вместе с тем с удовольствием смотрим произведения, которые оставили для потомства многие артисты прошлого. Ну, скажем, я не могу спокойно реагировать на появление Изабеллы Юрьевой. В мое время эта молодая артистка с замечательным голосом взлетала на сцену как птица... Это была любимица всех студентов. С ней всегда выступал Вадим Козин, но его судьба сложилась несколько по-другому. Он был сослан за свои наклонности, которые тогда являлись нарушением закона, он был гомосексуалист. И когда слушаешь некоторых комментаторов по телевидению, утверждающих, что его вызвал Берия и предложил ему отправиться на Дальний Восток, ну, глупость говорят. Какое отношение имел Берия к этому человеку, талантливому артисту, страдавшему этой особенностью, которая сейчас признана нормальной и позволяет организовывать клубы и говорить открыто об этих сексуальных извращениях? Ну, бог с ними. Ведь жить им недолго, и после себя они никого не оставят и такого потомства, к счастью, будет меньше.

Ну, возьмите только группу Художественного театра: Москвин, Тарханов, Тарасова, Еланская, Кторов, Яншин и многие другие. Я уже говорил, что они приходили часто в институт, когда я был студентом, потому что были нашими шефами, а Москвин был депутатом нашего района. Это ведь жизнь была настоящая на сцене! Сейчас трудно это себе представить, и поэтому с большим удовольствием смотришь произведения искусства, которые они создали, на киноленте и даже в воспоминаниях людей, которые их до сих пор помнят.

Завершая все изложенное, я хочу сказать следующее: я все-таки родился счастливым человеком и могу это подтвердить такими примерами. Вы знаете, что мне говорила мать, а она очень меня любила, потому что я был самый маленький и несчастный, по ее мнению: «Петя, прости мне, пожалуйста, я тебя травила с первого дня беременности. Что я только ни пила, что я только ни делала, у каких я только бабок ни была, я все выполняла, но ты все-таки родился. Прости мне, сынок, что я так поступала с тобой». Второй случай: мне было 6 лет, мы пошли купаться со своими сверстниками на реку Упу, под мост, опоры этих мостов называли быками. Наша компания, человек восемь, кое-как поплыли на эти быки. На них были уложены бетонные основы, на которые мы уселись отдыхать, потом по одному стали перебираться на берег. Один уплыл,

второй, и так произошло, что я остался один. Страх одолел меня. Думаю, как же я поплыву, я же утону! Река глубокая, а я плаваю еле-еле. В компании я еще проплыл бы, а один что делать буду? Ребята, с которыми я плавал, поднялись и побежали, а дом наш недалеко стоял от реки, и рассказали маме. И вот я вижу по дороге пыль — бежит моя мама. Вот это меня подстегнуло. Я опять залез в воду и поплыл и, когда она подбежала к берегу, я уже там сидел, и она меня обнимала, целовала, настолько была рада, что я выплыл, что даже не ругалась. Вот это второй случай моего счастья.

Ну, третий случай всем очевиден. Как-то в воскресенье мы сидели, завтракали и говорили о том, кто куда пойдет учиться. Отец говорил, что Виктор уже имеет специальность, он уже туда пошел, Анатолий техникум заканчивает, ну а Петька у нас умрет. Вот то, что Петька умрет, считалось естественным, такой я был худой и тощий. Но Петька не умер. Началась моя учеба. Поездка на Байкал. Там в одном месте я чуть не сорвался со скалы. Какое-то мгновение я задержался, остался жив. Вот опять счастье. Вылезая из Байкала, когда вытаскивал убитых чаек, потерял два зуба — упал в расщелину, разбил себе лицо, остался жив. Опять счастье. Финская кампания прошла. Убивали людей, много товарищей погибло, я остался жив. Опять счастье. Наконец, на станции Будогощь при мне немецкий пикирующий бомбардировщик в пыль превратил вокзал, но для того, чтобы создать какие-то помещения для людей, которые уезжали и приезжали, из бревен быстро сложили небольшой домик. В одну поездку, когда я ехал в командировку в Москву, я зашел в этот домик, лег на нары, вещи положил под голову. На другой стороне лицом ко мне лежал полковник, он тоже ехал в Москву. Мы беседуем, ожидаем прихода летучки, и через какое-то время позади где-то за стеной глухой удар взрыва потряс домик и надо мной что-то просвистело и врезалось между бревнами. Я посмотрел на предмет — это было осколок. Однако самое тяжелое было в том, что полковник был мертв: осколок пробил ему грудь навывлет, а я лежал на спине и остался жив. Это тоже счастье.

Я уже рассказывал о других случаях, когда я как-то спасся, и все-таки это было счастье, которое исходило от моей матери. Она мне дала жизнь и все для того, чтобы я был человеком, старалась как могла, возможности были очень ограниченные, но душевное спокойствие, душевные внушения сыграли свою роль. Я стал человеком, который был принят во всех хороших компаниях, которого

ценили на работе, и, не знаю почему, везде мне встречались хорошие люди. Это удивительно, но, за редким исключением, я попадал в организации, где кроме уважения к людям ничего не было.

Была работа хорошая, и я не раскаиваюсь в том, что прожил эту жизнь не так, как многие живут сейчас, которые превращаются в перевертышей с удовольствием. Я не буду никогда перевертышем и хотел бы, чтобы моя семья, мои родственники никогда этому не следовали.

Что касается родственников, моя надежда, конечно, на здоровье моей дочери Марины. От нее много зависит, и я надеюсь, что мой старший внук Кирилл обретет свое место. Он сейчас учится. Ему очень трудно. Я понимаю, что эти трудности связаны не с тем, что ему не хватает денег на то, чтобы что-то купить. Он одевается нормально, питается нормально, но он не удовлетворен тем, кто он есть, он заслуживает большего. Он работает, учится. Он должен быть нормальным человеком и он должен быть хорошим отцом, ведь у него растут два сына.

Старший, Ванечка, это мой правнук. Здоровье этого Ванечки — наше счастье. Возможно, он когда-нибудь прочитает мои воспоминания. Я очень хотел бы этого, и чтобы он вырос настоящим человеком, которому все было бы доступно в жизни с точки зрения завоевания авторитета, работы, получения за свою работу оценок, которые он бы заслуживал. Я хотел бы здоровья Ванечке и, конечно, пожелал бы здоровья второму появившемуся правнуку — Роману, который родился в семье Кирилла.

Ну, Дима, второй внук, несколько отличается от других. Это человек своеобразный, он и с детства был очень своеобразный. Я помню, когда Мариша оставила мне его на два дня, куда-то она уезжала, он три ночи не давал мне спать. Кричал: «Где мама?» Я что ни делал, что ни говорил, его нельзя было успокоить. Я его сравниваю с еще одним своим внуком — сыном Сергея Петьюкой, тот абсолютно был спокоен и всегда считался со мной и не устраивал никогда никаких сцен, как Димочка. Сейчас вырос уже в джентльмена, стал взрослый, но полнота стала его огорчать. Он сам чувствует, что над ним посмеиваются. Он не идет в компании других людей. Умный мужик, но откуда такое безразличие к учебе? Мог бы заниматься отлично, но не хочет. Не хочет читать, сидит за компьютером день и ночь, смотрит всякие детективы, американские фильмы, хотя способен на многое в учебе, способен создать

себе новую жизнь и стать большим человеком, но он этого не хочет. Это вызывает реакцию у моей дочери. Я переживаю это очень тяжело. На него воздействовать разговорами невозможно, потому что он считает, что все знает. Мне говорит, что сейчас современная молодежь вся такая, но я не верю этому. Среди этой молодежи есть нормальные люди, которые учатся, постигают науку, языки, что бы ты ни окончил, но, если не владеешь хоть одним иностранным языком, если не имеешь каких-то практических навыков, какую-то оперативность решения вопросов, тебя никто не будет держать на работе. Уволят, а жаловаться некому. Не тот случай, и не тот период жизни мы сейчас переживаем. Думаю, что если такая жизнь будет продолжаться, вымрет все настоящее, все бывшее, все хорошее, останется только пыль, которая тоже может быть быстро унесена ветром.

Мне кажется, что вся перспектива нашего развития сейчас заключается в том, что мы должны пережить это тяжелое время. Если мы не переживем, то, конечно, мы и не выживем. Я не хочу никого призывать братья за оружие, но покорность нашего народа, покорность наших стариков, обездоленных, не имеющих средств к существованию, которых обманывают, которых никто не слушает, вот эта покорность, навевшая десятилетиями нашей жизни в других условиях, когда мы считали, что все уже известно, все законно, не может быть вечной. Мы знали, куда пойти жаловаться, на кого жаловаться, и на наши жалобы реагировали, нас понимали. Сейчас это все ушло в прошлое. Можете жаловаться, а жаловаться на кого? Если у него есть деньги, вы можете на него жаловаться, сколько хотите и как хотите, приводить любые доводы, но вас никто слушать не будет. Заплатите — с вами будут разговаривать. Деньги решают все. В общем, вспоминаешь прошлое только для того, чтобы сказать: «Не нужно такого настоящего, которое мы сейчас переживаем. Оно должно измениться. Оно должно приобрести другой вид, другой характер. Другая должна быть экономика и другие люди».

Скажите, как можно смириться с тем, что сейчас делается в русле Москвы-реки, которое является источником водоснабжения отдельных районов Москвы? Районы ее прохождения — Рублево, Барвиха, Жуковка — по берегам имели четкую санитарно-защитную зону, в которой запрещалось купание и строительство и даже рыбная ловля. Однако сейчас эта зона отошла к местным властям,

и господин, руководящий Барвихой, его фамилия Макаров, распродает землю на самом берегу. Строят здесь огромные особняки, Москва-река перестала быть санитарной зоной. Она стала обычной рекой, загрязняемой каждый день. Почему же правительство не может установить, что все можно отдать частным владельцам, за исключением железных дорог, водных магистралей, которые являются и средством сообщения, и средством снабжения водой? Нельзя этого допускать. Нельзя допускать частные компании для добычи газа, нефти, золота. Это все достояние народа, а не частных компаний. Почему нас на ваучерах этих обманули, и на этих ваучерах создали свои миллионные и миллиардные состояния, сохраняемые зарубежными банками? Это касается компаний, которые занимались этой грабительской практикой. Когда они закончат свою деятельность, наверно, наступит хорошее время.

После непродолжительного периода, когда я свое активное так называемое творчество решил перенести в систему созерцания, моя попытка закончилась неудачно. События развивались так быстро, так тяжело, что я опять сел за книги, за статьи, за телевизор, и стал осмысливать то, что происходит. В период кризиса августа 1998 года наступило критическое состояние в экономике, появились новые, совершенно различные факторы, которые не могли оставаться без внимания.

Стали быстро меняться у президента Ельцина в правительстве люди. Менялись как перчатки, один, второй, третий, назначались другие, как будто речь шла о каких-то временных явлениях, хотя речь шла о жизни и о состоянии страны. Так продолжалось только потому, что и телевидение вмешалось в эти дела. Появились и новые программы, которые посвящали свое время «подвигу» Клинтон. По этому поводу и газеты, и телевидение беспрерывно забивали наше мышление, которое нужно было бы по-другому строить. Нельзя такие вещи допускать. Но это одно дело. Второе — появился Макашев, который сказал, что у нас евреи занимают такие-то позиции. Ну, сказал человек открыто, это может быть. Однако ведь никто не подумал, что так считают миллионы. Ну чему тут удивляться? Это антисемитизм. Ведь можно напомнить историю. В 1917 г., когда совершалась революция в нашей стране, революцию в основном делали люди определенной национальности, ведь это никто же не отрицает, они руководили этой революцией. Ведь из 22 членов Совета народных комиссаров только три чело-

века были русскими, включая Ленина, один латыш, и один грузин. Остальные ведь другой же национальности. Ведь не было никогда антисемитизма, когда наши руководители, и Ворошилов, и Молотов, и многие военные, и Брежнев, и Калинин, все-таки женились на женщинах этой национальности. Неужели эти женщины красивее и элегантнее обычных русских или женщин других национальностей? Нет, здесь тоже что-то происходило. Но я скажу другое. Каганович, это была очень мощная фигура в нашем развитии, он возглавлял в свое время транспорт Советского Союза, он никогда не вызывал каких-то проявлений антисемитизма.

У нас в институте даже не было понятия об антисемитизме, хотя директор института и два его заместителя были евреями. Это были люди исключительно грамотные, достойные уважения, и до сих пор они остались у нас в памяти. Однако мы не могли себе представить, чтобы эти люди имели у себя большие накопления за счет народа, никогда не думали, что эти люди берут крупные взятки, что они воруют. Об этом у нас не было даже мысли.

То же было на войне. Вот санитарный отдел 59-й армии — начальник отдела Александр Григорьевич Парамонов (он, к сожалению, умер) был русский, и я был русский, а остальные: начальник лечебно-профилактического отделения Гриша Сорин, его заместитель Миша Милютин, оба национальности определенной, начальник 3-го отделения Лазарь Гортаницкий тоже, и начальник отделения кадров Арнольд Лапидус, мой хороший друг и приятель, терапевт Фарбер, хирург Шрайбер, но у нас не было никогда понятия об антисемитизме, мы дружно жили и работали. Однако, когда сейчас к власти прорвались люди, которые даже имеют двойное гражданство, скажем Израиля и России, такие, как Березовский и другие, которые воруют направо и налево. Нельзя спокойно относиться к этим вопросам, и, конечно, дело не в антисемитизме, а в том, что Россия есть Россия. Ей должны служить люди, которые уважают Россию, а не грабят ее.

Особенно меня удивило выступление известного комментатора Млечина, который очень красочно изображал Льва Троцкого. Ну, кто такой Троцкий в нашей истории? Кто знает литературу, может сказать, что много крови пролил Троцкий в нашей стране, который не терпел русских, ненавидел русских. Я могу привести только один пример, который характеризует Троцкого как человека и патриота, из воспоминаний писателя Разнева, который

присутствовал в Курске при выступлении Троцкого в декабре 1918 г. Троцкий как председатель тогда реввоенсовета говорил о всемирной революции и всех вопросах, которые с этим связаны. Вот что сказал тогда Троцкий. Я цитирую то, что написано у Разнева: «Патриотизм, любовь к Родине, к своему народу, к окружающим далеким и близким, живущим именно в этом месте, жаждущим счастья самого малого, героизм. Какую ценность представляют собой все эти слова? Пустышки перед подобной программой, которую я вам представляю о мировой революции». Вот кто такой Троцкий. Для него патриотизм, героизм, желание помочь ближнему — это все чепуха, а вот мировая революция для него была главной проблемой.

Еще могу сказать, поскольку речь идет и о нашем православии, и о нашей России, что Троцкий трижды возглавлял комиссию по разрушению монастырей и церковей в России, только он этим занимался, больше никто. Это воинствующий сионист до мозга костей, это человек, который грабил монастыри. Куда эти деньги делись? Это вопрос другого порядка, ведь он уехал за рубеж не с пустыми карманами, он все-таки себе приобрел и замок, и жилье. На какие средства? Все это было награблено. Это что касается антисемитизма.

А сейчас, когда Макашов это сказал, сутками изо дня в день по телевидению и толкуют, и толкуют, и бьются над этим высказыванием человека. Он высказал мнение десятков миллионов людей, но только, может быть, сказал это грубо, может быть, не нужно было так выступать, но из этого сделали целую проблему по телевидению, в печати и т.д. Думаю, что не надо тратить на это время сейчас, когда не платят по-прежнему зарплату, много голодных и бездомных детей. Около 2 миллионов детишек не имеют родителей, живут впроголодь. А недавно демонстрировали программу, где наши ведущие военные корабли, имеющие большой штат, получили пополнение, а из этого пополнения значительный процент молодых людей закончили только четыре класса, некоторые неграмотные. Скажите, когда это было в Советском Союзе, чтобы люди пришли в армию с четырьмя классами образования? Ведь этого же никогда не было. А это состояние народа, состояние национальностей нашей страны, это состояние людей, которые приходят в жизнь, чтобы ее продолжать и совершенствовать. Из наших паспортов исключат графу «национальность». Мы под-

ражаем Америке, где существуют только американцы, а у нас — россияне. Нет русских, татар, чеченцев и многих, многих других национальностей. Кому это мешало жить?

Сейчас появилась новая и очень серьезная проблема. Это нападение на Югославию Соединенных Штатов Америки. Я не могу согласиться с теми, которые говорят, что это НАТО. В НАТО командуют Соединенные Штаты Америки. Это агрессор перво-степенный, который, по-видимому, никаких уроков не вынес из Вьетнама, из других районов, куда они вторгались. Они все-таки решили сейчас наводить порядок в Югославии бомбовыми ударами. И вот по этой программе каждый день идут выступления очевидцев, журналистов, корреспондентов, которые там бывают, по-разному толкуют эти вещи, нашу позицию, что нам делать.

Так вот в этой же программе выступил комментатор Евгений Киселев, который пригласил для интервью бывшего министра иностранных дел Козырева и известного генерала, ныне губернатора Курской области. Никогда бы я не поверил, если бы сейчас не услышал, о самом Козыреве и его позиции в оценке этой ситуации, ведь Козырев был министром иностранных дел России. И когда этот Козырев называет бандитами президента Югославии, руководителей Ирака и других стран, которые, по его мнению, не вписываются в его понятия демократов, я не мог понять, кто такой Козырев. Он же представлял нашу внешнюю политику. И вот сейчас, когда я прослушал этого Козырева, ему, правда, наш генерал ответил соответствующим образом, когда Козырев сказал: «Как же мы можем обвинять Америку, Англию, Францию, они же ведь наши союзники были...» Я бы хотел сказать: «Скажите, пожалуйста, разве Югославия, которая первая приняла удары гитлеровской Германии на своей территории, не была нашим союзником?» И каким союзником!

Когда мы говорим об Америке как союзнике, то спрашивается, какой же это союзник, который не спросил даже мнения нашего руководства, в прошлой войне сжег в атомном котле Хиросиму и Нагасаки? Зачем он это сделал, когда уже война с Японией была завершена по существу, когда Квантунская армия была разбита нашей армией на Дальнем Востоке, а, видите ли, лишь для того, чтобы уменьшить потери своих войск в дальнейшем наступлении. Сжечь два японских города с детьми, стариками и женщинами, там уже военных практически не было, только из-за этих целей. Это Соединенные Штаты Америки!

Мы привыкли уже к таким удобствам, как просмотр телевизионных программ, они же нас освобождают от необходимости посещать даже театры и кинотеатры. Нам демонстрируют хорошие фильмы, особенно исторического плана, снятие еще в советское время, и, конечно, сплошную грязь из американских военных картин, которые нам преподносят в виде совершенных фильмов. Все мы признаем, что без телевидения жить, конечно, человек не может. И введение какой-то цензуры на телевидении было бы странным, о чем многие говорят. Но все-таки телевидение должно иметь свои права. Оно должно давать возможность людям выступать: и артистам, и политическим деятелям, но мы ведь не просим некоторых деятелей телевидения комментировать эти выступления. Невозможно слушать спокойно, скажем, Евгения Киселева или Сванидзе. Когда он слышит слово о Зюганове, о коммунистах, о Маслюкове, у него дрожат даже усы, у него горят глаза ненавистью. Он ведь должен только предоставить возможность этим людям выступить, задать им вопросы, которые он считает нужным задать, но не комментировать их. Зачем такие комментарии? И тоже самое делает Евгений Киселев, правда, в более скромной форме. И вот когда появляется на экране Сванидзе, хочется выключить телевизор, потому что в программе «Подробности» он все подчиняет своей цели, своей идее, своим мыслям, что его устраивает и что его не устраивает, а нас его мнение не интересует. Кто он такой? Почему мы должны слушать его мнение, вопреки тому, что сказали его собеседники, которых он приглашал?

Продолжительное время по нашим средствам информации шли сведения о том, как американцы ищут центры разработки биологического оружия в Ираке. Ищут, ищут, пытаются даже воздействовать военным образом на поиски, комиссии посылают, возмущаются отсутствием находок. Что они ищут? У кого они ищут? Я им просто подсказал бы, потому что я имел отношение к этой проблеме в свое время. Зачем же им искать? Вот есть у нас в России специалисты, которые себя считают (и их считают) одними из основоположников разработки бактериологического оружия. Скажем, И.В. Домарадский, академик. Он все знает, он везде был, он пользуется привилегиями, которые дала ему советская власть в свое время, он пользуется квартирой в Москве... Почему к этому Домарадскому не приехать на квартиру и не узнать, что готовится, он же все знает. Почему не попросить некоторых других?

Скажем, есть такой Лев Федоров, который печатает во многих газетах, во многих журналах свои статьи и пишет невероятные вещи, которые читаешь и думаешь: «Ну, если бы это был Зощенко, можно было бы смеяться, но это не Зощенко, это пишет Лев Федоров». Он, оказывается, руководитель комитета по защите от химического оружия, он, видите ли, крупный специалист. Ну, до чего он договорился? По свердловской проблеме, которая вошла в историю как крупная трагедия не только у нас, но и во всем мире, он пишет буквально следующее: «В Свердловске военные приготовили возбудителя сибирской язвы, необычного возбудителя, а секс-возбудителя». Я вначале не понял, почему «секс». Оказывается, по мнению господина Федорова, в этот возбудитель был включен вирус, который уничтожает только мужчин старше 20 лет и не трогает женщин и детей. Вот такой секс-вирус. Однако у него была особенность: с гибелью самого возбудителя и этот вирус погибал, поэтому его выделить невозможно.

Ну, господин Федоров просто не знает, что этот секс-вирус в Свердловске в то время все-таки вызвал заболевание 33 женщин. Он даже не знает, что умер один мальчик, секс-вирус его не пощадил. Ведь Федоров договорился до утверждения, что в подземельях этого города существуют объекты, которые выпускают бактериологическое оружие, и вот взрывы на одном из объектов и загрязнили Чкаловский район города, где появилась сибирская язва. Откуда такая психически ненормальная концепция всей этой теории? Откуда взял этот господин Федоров такие вещи?

Однако самое-то потрясающее заключается в том, что не только Федоров к этому пришел и сам придумал, но и раньше очень уважаемые мной люди, талантливые артисты, я имею в виду ведущего программы «Как это было», с которым я имел счастье быть на собеседовании, поощряют Льва Федорова в его измышлениях. И как это было? А было это просто. Накануне как-то показали программу «Час пик». Мне эта программа нравилась, потому что там ведущий, очень серьезный человек, приглашал кого-то из людей, которые нужны были по сути дела для разговора, и вел с ними беседы, задавая вопросы без больших комментариев, только выслушивая мнение этих людей. И вот однажды я вижу — сидит полковник, летчик, Герой Советского Союза, который беседует с руководителем программы «Час пик». Я думаю: вот как все-таки можно своим мнением поделиться с окружающими. Находит время с военным

беседовать на хорошую тему этот руководитель программы «Час пик».

И что вы думаете? На следующий день мне звонят и приглашают в программу «Вид» на телевидение для беседы. Я подумал: наверное, этот ведущий «Часа пик» и меня хочет видеть, кто-то ему подсказал, кто я, и, наверное, он хочет со мной познакомиться и побеседовать. Поскольку летчик сидел в мундире, то почему же я поеду в гражданском костюме? Я облачился в генеральскую форму, надел все свои знаки отличия, а их всего было тридцать четыре, и приехал в эту организацию.

Меня посадили в кресло, попудрили, причесали, но, когда я зашел в помещение, куда меня направили, я увидел, что это не «Час пик», а программа «Как это было» и ведет ее уважаемый мною раньше артист, который исполнял роль в фильме «Здравствуйте, я ваша тетя». Изумительный артист, но почему он артистические свои данные использовал полностью в этой программе, мне это не понятно. Он все-таки гражданин, имеет, по-видимому, совесть, имеет какие-то взгляды на жизнь, но зачем в этой программе проявлять свои артистические способности? А дело заключалось в следующем. Меня пригласили на сцену. В аудитории сидели люди, как обычно бывает в этой программе. Ну, естественно, когда я вышел на сцену в мундире, пожилой человек, уже седой, с медалями и орденами, раздались аплодисменты. Ну, это обычная вещь, так у нас встречают стариков, слава богу, с аплодисментами. Я сел на свое место. Ведущий говорит: «Как вы знаете, в Свердловске была ситуация, и вот председателем комиссии был...» — и называет меня.

Я его прервал и сказал: «Никакой комиссии в Свердловске не было. В Свердловск я выехал шестого апреля, на второй день после случаев смерти. Выехал по указанию министра с помощниками — клиницистами и эпидемиологами. Из клиницистов в Свердловск выехали Владимир Николаевич Никифоров, крупный клиницист, главный инфекционист страны, мой сын Сергей, клиницист, кандидат наук. Сын Никифорова отказался ехать. Он, видимо, занимался своей диссертацией на кафедре. Туда выехал Иван Семенович Безденежных, главный эпидемиолог страны. Никаких комиссий там не было». Это, по-видимому, не понравилось ведущему, но беседа продолжалась. Были свидетели трагедии в Свердловске, даже не свидетели, а потерпевшие и их родственники. Их можно понять, они поверят любой версии о случившемся. Их жал-

ко, и я не хотел бы с ними спорить. Однако когда меня спросили: «А вот есть публикации...», я сказал, что есть публикации Федорова, но я думаю, что это психически ненормальный человек, который распространяет свои соображения в прессе.

И что же вы думаете? После моих слов выходит небольшого роста человек и садится рядом. Ведущий объявляет, что перед вами находится Федоров, который нами приглашен. Никогда я не думал и не мечтал сидеть рядом с этим психически больным человеком, но пришлось сидеть. Вся программа продолжалась 1 час 45 минут. Я ушел очень недовольный, потому что ведущий прерывал разговорами, а в конце он мне задал вопрос, читал ли я Священное Писание. Зачем он эти вопросы задавал, я не знаю, потому что я славянин, и если я и не читал это Писание, то я крещеный и бывал в церкви в детстве. Я сейчас коммунист и в церковь, естественно, не хожу, но этот вопрос он задал, это его право.

И вот через несколько дней смотрю эту программу, когда ее стали показывать. Она продолжалась не 1 час и 45 минут, а всего минут 20. Мой текст сократили, а выпячивался текст Федорова. Однако самое-то потрясающее — может быть, это мелочь, но мелочь-то какая — когда показали начало программы, я уже сидел и беседовал, а вот когда вошел Федоров, раздались аплодисменты. Ну, зачем же так извращать события на таких мелочах? И кто это делает? Артист, которого я уважал, но после этого я его не только не уважаю, но я и своим родственникам и друзьям сказал: «Этот человек, по-видимому, из перевертышей. Он может служить любому, кто ему платит. Правда, деньги сейчас очень много значат, поэтому это, наверное, тоже понятно».

В последние годы, а особенно месяцы проблема разработки бактериологического оружия в нашей стране занимала многие печатные страницы в газетах и журналах. Людей, которые занимались этой практикой, я не знаю. Поводом, по моему мнению, для серии таких публикаций послужила изданная очень малым тиражом книга академика Домарадского, которая называется «Перевертыш». Но то, что он перевертыш, это вполне естественно, об этом можно судить и по книге, но он нашел себе очень хорошего консультанта в печати — корреспондента газеты «Известия» Янкулина, который, популяризируя Домарадского, скажем в журнале «Знание — сила», пишет: «Возможно, эти мемуары субъективны, однако главная их ценность в том, что это первое в российской пе-

чати откровенное свидетельство человека, оказавшегося в центре военно-бактериологической программы и сегодня пытающегося осмыслить происшедшее с нравственных позиций. До сих пор известны лишь признания и воспоминания людей, работавших в системе и убежавших на Запад». Янкулин имеет в виду двух человек, которые бежали на Запад, один — в Англию, другой — в Америку, о них я не хочу особенно распространяться. Это Алибеков из Москвы, который работал в микробиопроме, и Пасечник, директор ленинградского института генетики, человек бездарный. Я не знаю, что он мог увести в Англию и чем он мог быть полезен английской науке. Ну, а что касается Алибекова, то этот самозванец, извините, мог увести только документы, которые в какой-то степени могли бы помочь американцам что-то сделать в области бактериологического оружия, но, в конце концов, они закончились, а голова у Алибекова не приспособлена для таких целей, поэтому сейчас эти два перебежчика потеряли свою значимость.

Одновременно сейчас начались публикации, к которым не только сам Янкулин (газета «Известия») имеет отношение, но и другие корреспонденты, о которых я скажу позже. Это и в газете «Совершенно секретно», и в других газетах, которые пытаются друга друга обогнать, но все ссылаются на публикации и на странные ложные утверждения так называемого руководителя некой организации по проблемам химической защиты, который никогда не был специалистом в области биологического оружия, но пытается диктовать свои условия в оценке всех ситуаций в нашей стране.

15 октября 1997 года в газете «Известия» под заголовком «Несколько слов об одном создателе бактериологического оружия» помещена огромная статья Янкулина, которая посвящена уже упомянутому мною Домарадскому. Нельзя не обратить внимание на трагическую четкость заголовка, вызывающую желание ознакомиться с содержанием этой статьи. Основой ее является горькая обида академика Домарадского на всех, препятствующих его выезде за границу, на неграмотных генералов, мешающих расцвету возглавляемой им науки, и на более чем прохладное отношение к нему когда-то знающих его специалистов, не имеющих возможности помочь ему выехать за границу. Сейчас, по моим сведениям, он уже уехал.

Я хотел бы обратиться к руководителям нашей службы, которые занимаются этой проблемой, решить этот вопрос положи-

тельно, потому что «один из создателей так называемого бактериологического оружия» не имеет никакого представления о таком оружии. Он ничего не сделал в этой области, но нажил себе на этом капитал, квартиру, условия для жизни, а самое главное — влияние на журналистов, которые сидят у него и записывают его мемуары. Я должен сказать, что мне эта фамилия не просто знакома, но очень хорошо известна, потому что в течение более 20 лет по своей должности я ведал противочумными институтами, а в одном из них, в Ростовском институте, последнее время работал Домарадский, которого я знаю как человека.

Кроме умышленной дезинформации, о чем я скажу ниже, в статье доминирует патологическая неприязнь Домарадского к военным. Они, по мнению героя статьи, мешали ему во всем, поскольку не имели понятия ни о генетике, ни о микробиологии и вирусологии. Эти крупные ученые известны всем, некоторые рано покинули нас. Это Николай Александров, Владимир Лебединский, Ефим Смирнов и другие, которые сейчас живы и здоровы: Игорь Ашмарин, Анатолий Воробьев, Виктор Паутов. Они еще продолжают приносить пользу нашей стране. Что общего может быть между этими учеными и Игорем Домарадским? Абсолютно ничего.

Генералы-ученые знают, что вся карьера героя от директора Иркутского противочумного института, потом директора Ростовского противочумного института и наконец занятия особых должностей в Москве, позволивших получить отличную квартиру, была определена генералом Бурназяном, человеком очень энергичным, грамотным в военных вопросах, но мало осведомленным в теории и практике вирусологии, микробиологии и эпидемиологии.

Во время эпидемии холеры в 1965 г. Игорь Домарадский как директор Ростовского института подключился к генералу Бурназяну в качестве главного консультанта. Со смертью Бурназяна закончилась и карьера Домарадского. Что касается его вклада в противохолерные мероприятия, могу, забегаая вперед, сказать, что ничего нового не было внесено. Как были жесткие карантинные мероприятия вокруг населенных пунктов, где имеется холера, так они и остались. Когда возникла холера уже в 1970 г., где мне пришлось работать с крупными специалистами, города, где появилась холера, также по старым обычаям и правилам окружались войсками, ничего из этих городов не вывозилось, кроме почты самолетами. Эта систе-

ма была и осталась. Ничего «крупный специалист», каким он себя считает, Домарадский в этом плане не сделал, но он завоевал доверие Бурназяна, который стал продвигать его по службе.

А что касается заголовка рассматриваемой статьи, то, может быть, корреспондент Генкулин кроме одного из «создателей» бактериологического оружия назовет и другие фамилии и заодно укажет, какое оружие они создали? Провокационный характер этого заголовка рассчитан, вероятно, на доверчивых людей и отсутствие свидетелей событий, связанных с разработкой не оружия, а защиты войск и населения от такого оружия. В своей книге, краткое содержание которой изложено в рассматриваемой статье, Домарадский сообщает, что при назначении его на должность заместителя министра здравоохранения, главного государственного санитарного врача СССР, дорогу ему перешел Петр Николаевич Бургасов. Такое событие действительно имело место, но оно избавило здравоохранение от странного во многих отношениях руководителя, а произошло оно по другим причинам.

В 1965 г. по линии Всемирной организации здравоохранения нашу страну посетила делегация специалистов из США, Франции, Ирана, Югославии, которых интересовала система противочумной организации, обеспечивающей на протяжении десятилетий эпидемическое благополучие на огромной территории, где практически ежегодно регистрировались случаи заболевания чумой диких грызунов. Эта система, включавшая противочумные институты Иркутска, Саратова, Ставрополя, Алма-Аты, Ростова-на-Дону, а также противочумные отряды, оснащенные современным оборудованием, подвижными средствами и укомплектованные специалистами высокой квалификации, работала самостоятельно и вполне оправдывала значительные затраты, ежегодно отпускаемые правительством на ее содержание. Странно, но сопровождать делегацию по стране, демонстрировать высоким специалистам систему работы противочумных учреждений на месте поручили не Игорю Домарадскому, директору Ростовского института, а мне, начальнику кафедры военно-медицинской подготовки Центрального института усовершенствования врачей. Меня вызвали в инстанцию, предложили временно снять генеральские погоны, сопровождать делегацию и письменно доложить итоги продолжительной поездки по нашим институтам и отрядам. От

Всемирной организации здравоохранения делегацию возглавлял югослав Цветанович.

Поездка совершилась. Я составил отчет, а через две недели меня вызвали в отдел науки и здравоохранения Центрального комитета партии. Возглавлявший его Сергей Павлович Трапезников предложил мне занять должность заместителя министра здравоохранения Советского Союза, главного государственного санитарного врача. Это предложение было неожиданным, и мои попытки доказать нецелесообразность такого решения, поскольку я не имел должного представления о гражданском здравоохранении, разбились о реплику Трапезникова: «Этот вопрос решен, и как член партии вы должны понимать это». И перед уходом он мне сообщил, что перед моей кандидатурой на эту должность рассматривалась кандидатура Игоря Домарадского, которого представил заместитель министра здравоохранения генерал-лейтенант Бурназян. «Но передо мной сидел человек, который непрерывно чесался, и я подумал: какой же это главный государственный санитарный врач страны, который непрерывно чешется, и как он будет себя вести на серьезных совещаниях в ЦК и правительстве? Поэтому я отказал генералу Бурназяну в его просьбе назначить Домарадского на эту должность. А вы на эту должность подходите. Отправляйтесь в Минздрав», — сказал мне Трапезников. Так я перешел дорогу Домарадскому в его продвижении по службе.

В этой должности я оказался непосредственным начальником Домарадского, так как вся противочумная система была в моем ведении, а позднее он был в составе редакции журнала, редактором которого тогда я был. Карьеристские стремления Домарадского определялись чисто материальными вопросами. Работники противочумной системы пользовались льготами по зарплате. Ежегодно им начислялось по 10% к основному окладу, а так как, начиная с Иркутского противочумного института, при продвижении по службе основной оклад увеличился значительно, то очевидна неудовлетворенность Домарадского, вскоре наступившая при понижении его в должности от научного руководителя проблемы до заведования обычной лабораторией. Правда, за это время он сумел сменить квартиру в Ростове-на-Дону на московскую, но, перемещаясь по служебной лестнице не по собственному желанию, он не оставлял в этих организациях хорошего впечатления о своей персоне.

Последний «подвиг» И. Домарадского — активное участие в программе «Как это было». 3 октября 2003 г. по первому каналу телевидения транслировалась программа «Как это было — эпидемия холеры 1970 г.». Программу вел артист Олег Шкловский. Передача привлекла мое внимание как бывшего главного государственного санитарного врача СССР (1965–1986 гг.), а в прошлом — главного эпидемиолога 59-й армии Волховского, Ленинградского и 1-го Украинского фронтов (1941–1945 гг.). С момента возникновения холеры в июне 1970 г. в Батуми до ее ликвидации в октябре того же года в Астрахани я был заместителем председателя Всесоюзной чрезвычайной противоэпидемической комиссии, которую возглавлял министр здравоохранения СССР академик Борис Васильевич Петровский. Решения этой комиссии выполнялись беспрекословно всеми организациями страны. Проведение в Астрахани противо-холерных мер вместе со мной осуществляли ныне здравствующий крупнейший инфекционист нашей страны, президент РАМН, академик Валентин Иванович Покровский, заместитель председателя Совмина Лидия Павловна Лыкова, исключительный организатор, и человек, пользующийся большим авторитетом среди астраханцев, секретарь обкома партии Леонид Александрович Бородин.

Никто из этих лиц, активно участвовавших непосредственно в осуществлении противохолерных мер в Астрахани, где была самая высокая заболеваемость, господином Шкловским не был приглашен. Его собеседником был академик И.В. Домарадский, человек, никакого отношения не имевший к происходившим в то время событиям. Академика Домарадского пригласили не случайно, поскольку в нашей прессе (газета «Известия» от 15 октября 1997 г.) в статье Вячеслава Янкулина «Синдром чумы, или Хождение по мукам одного из создателей бактериологического оружия» таким «создателем» именуется академик Домарадский. Журналист Янкулин именуется его доктором Фаустом наших дней.

«Доктор Фауст» одно время являлся директором Ростовского противочумного института, в программе которого были и вопросы противохолерных мероприятий. По этой причине в период возникновения холеры в Каракалпакии в 1965 г. он был консультантом по этим вопросам у заместителя министра здравоохранения СССР Аветика Игнатьевича Бурназяна, обладавшего значительными организаторскими способностями, определившими стремительный рост карьеры «доктора Фауста», его материального благополу-

чия и квартирных благ. Со смертью А.И. Бурназяна Домарадский вернулся к своей прежней деятельности, потеряв и личную охрану, и персональную машину и, главное, уважение среди лиц, его знавших. Наследство, которое оставил «консультант» по холере в 1965 г., проявилось отчетливо в эпидемию холеры 1970 г., когда страх перед этим заболеванием заставлял врачей и медицинских сестер, посещающих больных, облачаться в тяжелые противочумные костюмы, а контакт с больными медицинского работника обязывал последнего подвергаться обсервации на семь суток. Первое посещение академиком В.И. Покровским, профессором В.Н. Никифоровым и мною больницы, где лежали больные холерой, когда мы вошли в белых халатах, в обычных костюмах с галстуками, произвело какое-то смятение среди медицинского персонала больницы. Оно еще больше усилилось, когда Валентин Иванович Покровский сел на край койки больного холерой и рукой, не защищенной перчаткой, стал ощупывать его живот. Это была сенсация!

Не останавливаясь на деталях беседы «доктора Фауста» с ведущим программы, в которой полностью отсутствовали важные сведения, характеризовавшие обстановку по холере в Советском Союзе в 1970 г., остановлюсь только на клеветническом заключении ведущего. Он сообщил зрителям программы, что как в Одессе, Ростове-наДону, так и в Астрахани в 1970 г. на улицах находились трупы умерших от холеры, а население страдало от голода. Более дикой лжи, оскорбляющей советское здравоохранение тех лет, никто еще не выдумывал. «Доктор Фауст» промолчал. Ведущий был доволен, а по телефону мне непрерывно звонили многие специалисты, пережившие эпидемию холеры 1970 г., возмущаясь увиденным на экране.

Всем специалистам известно и ведущему тоже, что холера 1970 г. во многих странах вызвала смертность среди заболевших до 30%. В нашей стране тактика лечения инфекционных больных, в том числе и холерой в Астрахани, курировалась президентом РАМН, директором ЦНИИ эпидемиологии В.И. Покровским, крупнейшим специалистом. Из сотен заболевших умер только один человек. Исключительно низкая смертность была и в других городах, где пользовались предложенным В.И. Покровским методом лечения. Что касается голода среди населения, то можно представить себе Астраханскую область, окруженную войсками, откуда не вы-

возился ни один килограмм мяса, рыбы, где исключительно высокие урожаи бахчевых культур и овощей зарывали в траншеи из-за отсутствия сбыта. Так что о голоде в Астрахани мог говорить только или психически больной, или озлобленный человек, для которого такая вопиющая ложь, оскорбляющая целое поколение живших и работающих там граждан, хорошо кем-то вознаграждается. Это полностью относится и к «доктору Фаусту». Зная и оценивая организацию противохолерных мероприятий в 1970 г. в нашей стране, генеральный директор Всемирной организации здравоохранения господин Кандау для проведения конференции с руководителями здравоохранения африканских стран, посвященной борьбе с холерой, в качестве консультанта пригласил меня. Теперь, к сожалению, мы вынуждены руководствоваться только советами из этой организации, которая в прошлом часто использовала опыт здравоохранения нашей страны.

Программу «Как это было — эпидемия холеры 1970 г.» смотрели многие. 17 октября я кратко доложил ее на заседании совета старейшин, руководимого академиком Б.В. Петровским, и на заседании бюро отделения профилактики РАМН, членом которого является академик Домарадский. Присутствующие единогласно осудили поведение Домарадского, его солидарность с ведущим программы господином Шкловским, грубо оскорбившим всех участников борьбы с эпидемией холеры в 1970 г., и поручили мне информировать об этом органы печати и телевидения. Может быть, господин Шкловский вернется к своей истинной профессии и не будет использовать роль ведущего программы «Как это было» как подмостки для постановки далеко не юмористических программ с участием таких, как академик И.В. Домарадский?

В Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» в ст. 43 главы 4 указано, что «гражданин или организация вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации. Если редакция средств массовой информации не располагает доказательствами того, что распространенные ими сведения соответствуют действительности, она обязана опровергнуть их в том же средстве массовой информации». Если ведущий программы «Как это было» господин Шкловский не сочтет возможным в ближайшее время воспользоваться

этим Законом «О средствах массовой информации», он оставляет за мной право использовать более жесткие законы Российской Федерации.

Должен отметить, что господин Шкловский, действительно талантливый артист, оставил пост ведущего «Как это было» и, думаю, вернулся к своей присущей его таланту профессии замечательного артиста.

В постоянно беспокойной и напряженной работе главного государственного санитарного врача страны, которую я выполнял более 20 лет, расширялось знакомство не только с зарубежными специалистами, но и с людьми различных профессий, должностей, характеров и убеждений в нашей стране. Многие из них — большинство — уже перешли в другой мир, оставшиеся единицы сохранили в своей памяти наше былое, трудное и напряженное время. Рано ушел из жизни Вилли Вильгельмович Канеп — министр здравоохранения Латвийской республики, отличавшийся четкостью изложения своих взглядов на перспективу развития здравоохранения. Он был отличным организатором этой службы в республике, исключительно внимательным к окружающим и авторитетным среди медицинских работников. Остался в памяти и министр здравоохранения Грузии Ливан Обоевич Сакварелидзе, который кроме характерного для грузинского народа человеколюбия и широкой, открытой души обладал огромными знаниями в области эпидемиологии и микробиологии. Я никогда не видел его расстроенным или растерянным, даже в том случае, когда секретарь ЦК Компартии Грузии, высоко оценив его работу в Батуми по ликвидации возникшей вспышки холеры и высказав эту положительную оценку в моем присутствии, через несколько месяцев освободил его от должности министра, не объяснив даже причины такого решения. Такое решение, как оказалось, принял не секретарь ЦК, а его супруга.

Среди близких мне по службе людей могу назвать и Алексея Адольфовича Сумарокова — участника войны уже в 16 лет, контуженного и по этой причине демобилизованного. Обладая феноменальной памятью и занимаясь проблемами эпидемиологии и микробиологии, Алексей Адольфович был ходячей энциклопедией. Я не знаю случая, когда бы заданный ему вопрос по специальности остался без ответа. Его ученая степень и звание — он был доктором медицинских наук и профессором — позволили коллегии

Минздрава и министру Борису Васильевичу Петровскому назначить по моему представлению Алексея Адольфовича Сумарокова директором Института эпидемиологии, имевшего кроме теоретических лабораторий хорошую клиническую базу. Этот институт был единственным в стране, который имел право присваивать степень доктора медицинских наук по эпидемиологии. Значимость деятельности института определялась и тем, что в нем активно работал профессор Иван Семенович Безденежных, равных которому в то время по эпидемиологии не было.

Институт выполнял свою ответственную работу. Не было тревог и волнений, поскольку во всех сложных ситуациях его специалисты успешно решали возложенные на них обязанности. Но однажды как гром среди ясного неба возникла ситуация, потребовавшая кадровых изменений. Меня срочно вызвали в ЦК в отдел науки и здравоохранения. В кабинете начальника отдела за столом сидела женщина, перед ней лежала толстая тетрадь. Начальник отдела предложил мне принять участие в обсуждении вопроса, касающегося личности Алексея Адольфовича Сумарокова — директора Института эпидемиологии. Владелицей толстой тетради и всех, естественно, записей в ней была секретарь парторганизации Института эпидемиологии. Я не был с ней знаком лично, но часто слышал от Алексея Адольфовича хорошие отзывы об этой женщине — Галинушке. Галинушка открыла тетрадь, которая, как оказалось, была обличительным документом, где за датами следовали события и высказывания Алексея Адольфовича, высказываемые им политические взгляды.

Она открыла страницу, относящуюся к юбилею Ленина, когда в институте праздновали это событие, было торжественное собрание, а в конце показали документальный фильм, в котором присутствующий на съезде комсомола В.И. Ленин сидел на ступеньках сцены и делал заметки в блокноте. Галинушка записала, что директор института, коммунист Сумароков А.А. подтолкнул ее и произнес: «Смотри, Галинушка, сидит как обезьяна». На этом закончилась деятельность директора. Мне предложили его немедленно освободить от этой должности как аполитичного человека. Все это сделала Галинушка, партийный руководитель института, которая вместо хорошей, откровенной беседы с директором, не являвшимся ни антигосударственным деятелем, ни аполитичным человеком, сочла возможным написать донос на этого преданного

науке и Родине человека, который пострадал из-за веры в хороших честных людей, не способных предать и обмануть. Должность директора института занял его заместитель — крупный клиницист в области инфекционной патологии Валентин Иванович Покровский, который и сейчас, будучи президентом Российской академии медицинских наук, не оставляет институт.

К сожалению, такие Галинушки и различные перевертыши в настоящее время не редкость. Они буквально расцветают и в широкой, как говорят, «общенародной» программе «Свобода слова» занимают соответствующее место. Достаточно раз посмотреть программу телевидения, демонстрирующую «исключительные журналистские» способности ведущего Евгения Киселева, под названием «Глас народа», чтобы понять, что это за «глас» и что это за представители многомиллионного народа России.

За продолжительный период работы в должности главного государственного санитарного врача СССР у меня, естественно, сложились определенные отношения с главными государственными санитарными врачами союзных республик. Их было пятнадцать. Это различные специалисты, различные характеры, но объединенные единой целью — обеспечением санитарного благополучия народов республик. Среди них остаются в памяти такие преданные своему делу, честные в исполнении своих обязанностей и хорошие товарищи как Акулов — главный государственный санитарный врач России, Кардаш — главный санитарный врач Белоруссии. Однако помимо честных, преданных делу руководителей встречались приспособленцы, люди, способные взять от жизни все лучшее только для себя. Для примера я решил сослаться только на одного деятеля государственной санитарной службы республики.

Случилось так, что министр здравоохранения Казахстана Шарманов пригласил меня с женой отдохнуть в республиканском санатории. Я с удовольствием согласился и на второй же день пребывания в санатории за завтраком встретил государственного санитарного врача республики Клебанова. Восприняв это как внимание к моей персоне, я был очень удивлен, когда и к обеду, и к ужину ежедневно доктор Клебанов прибывал с женой или один. Так продолжалось весь отпуск, Клебанов не оставлял меня одного и тогда, когда я переехал на Иссык-Куль, чтобы увидеть эту действительно восхитительную природу. После этого Клебанов не раз бывал на моей московской квартире, и я считал, что это нор-

мальные естественно сформировавшиеся дружеские отношения между людьми, выполнявшими одно дело. Но ошибочность этого мнения оставила тяжелый след в моей жизни. В августе 1986 г., по настойчивому ходатайству министра здравоохранения страны С.П. Буренкова, с которым, по утверждению Балтруниса — руководителя отдела здравоохранения и науки ЦК КПСС, я не нашел общего языка, я был освобожден от занимаемой должности. На следующий год я был приглашен на Всесоюзный съезд эпидемиологов, который состоялся в Алма-Ате. В аэропорту, куда прибывали делегации, я увидел и Клебанова. Он сделал вид, что не заметил моего появления. Он не подошел ко мне и по окончании съезда, и перед отъездом в Москву. Меня, не знаю почему, пошли провожать (оформить билет, сдать багаж) два молодых человека — сотрудники института, который тогда возглавлял министр здравоохранения республики. Я этих молодых людей не знал, но очень признателен им за внимание, проявленное ко мне. Где был Клебанов? Чем я испортил ему жизнь? Думаю, что он тогда уже определил свою очередную жертву — моего преемника на должность Александра Ивановича Кондрусева. Таких клебановых сейчас много. Если раньше они уважали не человека, а должность, то теперь их «вкусы» стали разнообразнее и шире, они преклоняются перед долларом, вне зависимости от его происхождения и владельца.

ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, НОВЫЕ КНИГИ

Популяризацию героя, которому я перешел дорогу в руководство Министерством здравоохранения СССР, начал корреспондент газеты «Известия» Янкулин. Автор статьи пишет: «В этом маленьком, слегка прихрамывающем человеке вряд ли можно распознать доктора Фауста наших дней, хотя вопросы жизни и смерти в значительной мере были до недавнего времени именно его профессией». Я должен ответить этому корреспонденту, что этот так называемый доктор Фауст даже близко не приближался к смерти, он знал только жизнь, и жизнь богатую и обеспеченную, жизнь, связанную с карьерой, и поэтому приписывать ему такую роль, как роль доктора Фауста, мне кажется просто несерьезно. По-видимому, лживые фантазии не имеют предела. Как можно сравнить, например, высокую квалификацию сотрудников Саратовского противочумного института, научный руководитель которого профессор Абрам Львович Берлин заразился в эксперименте легочной чумой, с опытом Домарадского, который избегал работы с возбудителями чумы? Что касается упоминания в статье о том, что Домарадский имел личную охрану, то я на такие анекдоты не реагирую. Ну, что касается профессора Берлина, то в одной статье в газете «Совершенно секретно» было написано, что якобы зимой 1939 г. профессор приехал в Москву после опытов, которые он вел с возбудителем чумы и с вакциной, заражая животных активным возбудителем. После приезда в Москву он заболел. В Москве он лежал два дня в больнице на Соколиной горе, где и умер, и вместе с ним погиб врач. Но это написано человеком, который даже понятия не имеет, как это было. Все это надумано.

А дело было так. Раньше работающие с чумой люди могли выезжать после работы в любом направлении, никаких ограничений не было. И только после этого трагического случая появились уже новые законы, очень строгие, что человек, проработавший с возбудителем чумы, не имеет права раньше чем через семь суток отбывать куда-то в другие места. Тогда этого не было, и Берлин на второй день после работы приехал в Москву. Начальник профилактического управления Наркомздрава Исаак Георгиевич Рогозин, очень крупный деятель и эпидемиолог, когда к нему подошел Берлин и сказал, что он себя плохо чувствует, ответил, что ему необходимо лечь в больницу немедленно. Профессор Берлин с сомнением из-

рек: «Что же я даже гриппом не могу заболеть?» Его поместили на Соколиную гору.

Откуда все эти детали мне известны? Мой шеф по аспирантуре Леонид Моисеевич Хатаневвер внезапно в июне 1939 г. исчез. Ни дома, ни на работе его не было. Мои поиски, звонки ни к чему не привели. Он явился только через восемь дней на работу и совершенно откровенно и секретно рассказал мне следующее. Его вызвал срочно с работы Рогозин. Он приехал, и его поместили в номер гостиницы «Метрополь», который занимал в первый день приезда профессор Берлин, и сказали, что из этого номера он не выйдет в течение семи дней. Его будут кормить, поить, ему обеспечат уход, но он обязан в течение этих дней протереть все стены, стекла, картины, мебель — все, что есть в этом номере, дезинфекционным раствором, с тем чтобы полностью исключить риск заражения чумой. Ему сказали, в чем дело. Он знал профессора Берлина не только по литературе, но и лично. И Леонид Моисеевич Хатаневвер находился там это время, обрабатывая номер и не выходил в свет. И когда он приехал на работу, первым меня пригласил и рассказал всю историю.

Когда профессор Берлина попал в больницу, навстречу ему шел парикмахер. Никто этому не придавал значения, и парикмахер прошел и вышел за пределы больницы. Берлина сопровождал терапевт Горелик. Так вот что получилось дальше. Доктор Горелик, который осматривал Берлина, тоже умер. Была одна врач, эпидемиолог, она потом со мной занималась в аспирантуре, она осталась жива. Однако самое-то главное и очень серьезное, что не пришел на работу парикмахер. В статье написано, что парикмахер брил профессора Берлина. Ничего подобного, он к нему даже не прикасался, он даже к нему не подходил, он только шел навстречу, когда заносили Берлина в палату. Обратили внимание, что парикмахер не пришел на работу, и стали его разыскивать. Он был одиноким человеком, и на квартире через несколько дней его нашли мертвым. Он тоже умер от легочной чумы. Вот что такое чума в Москве, которая действительно существовала, но о которой москвичи даже понятия не имели, и никакой паники в Москве не было.

Я должен еще сказать, что примитивность изложения проблемы в этой статье, которую пытается со слов Домарадского изложить Янкулин, просматривается и там, где речь идет о создании так называемой параллельной системы по разработке бактериологиче-

ского оружия, в которой якобы Домарадский занимал должность заместителя председателя проблемной комиссии, тогда как многие годы задолго до этой «системы» существовал и эффективно работал совет под руководством маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна. Заместителями его по биологической части были Ефим Иванович Смирнов и я. Совет занимался вопросами защиты советских войск и населения от ядерного, химического и бактериологического оружия. Совет подчинялся непосредственно правительству.

Что касается разработки защиты от бактериологического оружия, к которой Домарадский не имел никакого отношения, она действительно имела место на территории нашей страны и тогда завершилась со значительными успехами. Уже в 40-е годы наряду с Японией исследования по разработке бактериологического оружия проводились в США, Англии и Канаде. Причиной таких исследований считали опасность использования этих средств со стороны Германии. После капитуляции Германии, а затем и Японии исследования не прекратились, а приняли еще более широкий размах, тем более что американское правительство вместо предания суду японских преступников — разработчиков бактериологического оружия, предоставило им возможность продолжать работу в США.

Как могло поступить в такой ситуации наше правительство? Ждать милости от какого-нибудь Трумэна, который вместе с Черчиллем сжег в атомном огне мирное население Хиросимы и Нагасаки, или лучше серьезно готовиться к защите от возможной серьезной угрозы? Выбрали второе. Всем известно, а военным тем более, что для разработки эффективного огнестрельного оружия против танков обязательно нужно испытать бронебойность этих снарядов по отношению к толщине и составу брони современных танков. Естественно, для разработки средств защиты от бактериологического оружия необходимо знать характеристики этого оружия, создать его, испытать на защищенных иммунологически и незащищенных животных, преимущественно на обезьянах, кроликах, морских свинках и лошадях. И не при введении этого оружия под кожу или в рот, а при вдыхании аэрозолей в естественных условиях.

Первая, весьма эффективная рецептура такого оружия, положившая начало изысканию и разработке специфических средств

защиты против него, принадлежит покойному профессору, генерал-майору Николаю Ивановичу Александрову. Это рецептура ботулинического токсина А и Б, самого сильного яда в природе, которому американские исследователи придавали особое значение. В итоге этих исследований была разработана технология производства ботулинических анатоксинов А и Б. Какое отношение к таким разработкам имел «создатель» бактериологического оружия? Да никакого, он и понятия об этом не имел.

Что касается глубоких теоретических знаний Домарадского, то изложенному в статье нельзя не поражаться. Он, по словам журналиста Янкулина, утверждает, что устойчивый к современным лекарствам вирус гриппа может косить людей эффективнее напалма. Может быть, Домарадскому известно лекарство против обычного неизмененного вируса гриппа? Тогда что же он скрывает его от населения? А население ежегодно подвергается нашествию этого обычного неизмененного вируса гриппа, болеет, используя известное ему лекарство.

Трудно перечислить все домыслы, представленные в статье. Как можно не удивляться тому, что Игорь Валерианович Домарадский получил один высоковирулентный штамм возбудителя туляремии? Действительно, получил, только из Соединенных Штатов, который вызывал летальность даже при лечении, близкую к 100%, тогда как до его исследований эти штаммы обрекали на смерть при лечении только 8–10%. Только кого, господин Домарадский? Людей, крыс, мышей, кроликов или кого-нибудь еще? Заканчивая эту мысль, я хотел бы извиниться перед руководителями, в том числе перед членами Конституционного суда, отказавшими Домарадскому в выезде за границу, за свою просьбу изменить такое решение. В самом деле, кто такой Домарадский? Он «доктор Фауст» наших дней, и вопросы жизни и смерти были его профессией. Он «20 лет проработал в системе дьявола», имя которой бактериологическая война. Он знает, что «устойчивый современный вирус гриппа косит людей эффективнее напалма». Домарадский убежден, что бактериологическое оружие баснословно дешево и производство его доступно. В своей деятельности он имел дело с учеными высокого уровня, и, естественно, это были только гражданские ученые, к военным он испытывал неприязнь. Он не может без содрогания называть фамилии своих знакомых ученых, которые носили генеральские погоны. Это Паутов, Воробьев, Ашмарин и другие.

Далее Янкулин сообщает, что Домарадский был исключительно талантлив, иначе не держали бы «строптивного академика почти десять лет на должности с круглосуточно прикрепленным автомобилем, с кремлевской вертушкой и даже персональной охраной. Правда, талантливый Домарадский был признан академиком только в 1991 г., через 12 лет после избрания его в члены-корреспонденты, тогда как другие члены-корреспонденты избираются в академики максимум через четыре и даже через два года». Домарадский знает, что секретов почти не осталось. Боясь международных инспекций, считает Домарадский, генералы, по его мнению, посчитали целесообразным все уничтожить. Герой Янкулина напоследок награжден орденом Дружбы народов. Ведь надо же так поступить? Вручить такую награду человеку, который «в августе 1991 г. идет в оцепление к Белому дому, окончательно принимает решение порвать с системой». Кто хорошо знает Домарадского, его физический недостаток, главное, его «решимость и смелость», тот объективно отнесется к такой информации. Нельзя же средствам массовой информации, к которым относится и газета «Известия», писать глупости, присущие только невежественному человеку. Опровержение на эту статью мне пришлось направить в «Известия», и оно не было опубликовано, более того, редакция передала эту статью автору Янкулину, который связался со мной по телефону, и, кроме оскорблений в мой адрес, я от него ничего не услышал. Неужели это свобода слова и свобода печати в нашей стране?

Учитывая, что Домарадскому дозволено печатать все, может быть, в следующих публикациях он напишет, что он сделал в науке о бактериологическом оружии, какой возбудитель он выделил и для каких целей, что им конкретно внесено в эту очень серьезную и дорогостоящую проблему. Мне кажется, что он остался, как и был, пустым в этом отношении человеком, но пишет он, особенно о себе, очень много. Завершая это повествование, я хотел бы отметить небольшую деталь. В своей книге академик Домарадский пишет, что во многих случаях наши городки, где он работал, были городами без евреев, и его обращение по поводу приема на работу новых людей наталкивалось на большое сопротивление. Зачем Домарадский так беспардонно лжет, зачем поднимает этот вопрос, который звучит как антисемитский, хотя он знает, что, скажем, Николай Николаевич Гинзбург никогда не

был русским, но всю жизнь работал в области бактериологического оружия, имея даже большие в этом отношении заслуги? Я только удивлен этому потому, что и сам Домарадский не русский. Зачем же он поднимает эти вопросы? В наших учреждениях тогда, я могу с полным правом сказать, значительная часть ученых были не русскими. Мы никогда не придавали этому значение. Зачем же поднимать такие вопросы сейчас? Однако это, по-видимому, в характере самого Домарадского.

Для окончания и завершения, так сказать, медицинской темы мне хотелось бы несколько слов сказать о так называемом СПИДе, синдроме приобретенного иммунного дефицита. Начиная с 80-х годов на протяжении последних почти 15 лет наша пресса очень много публиковала статей, посвященных этой важной проблеме. «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Россия», «Известия», «Аргументы и факты», «Труд» — ну все абсолютно газеты уделяли этой проблеме внимание под различными названиями: «СПИД или не СПИД», «Болезнь поведения», «Еще раз о СПИДе», «Чума двадцатого века», «Покушение на человека», «СПИД и спорт», короче говоря, очень много названий. Однако в конце концов воз и ныне там, и последнее, что меня несколько смутило, это статья в «Медицинской газете» от 3 июня 1998 г., посвященная дню памяти умерших от СПИДа. В ней отмечено, что «СПИД не является наказанием за сексуальную жизнь, гомосексуализм и наркоманию. Ни одна из групп и классов людей не заслужила СПИДа». Это пишет газета. Однако это, кажется, и не «заслуга», а награда нашему поколению, продолжающему катиться в пропасть будущего века. Я говорю «пропасть», потому что никаких эффективных мер против СПИДа сейчас не предпринимается, и принять их очень трудно. Завершая это тяжелое повествование по СПИДу, хотел бы закончить его выдержкой из статьи нашего ученого, сына президента нашей академии Вадима Валентиновича Покровского, который с самого зарождения этой проблемы в нашей стране возглавил организацию борьбы «с чумой XX века». Он пишет: «Как известно, правильная и доступная информация о СПИДе, путях его распространения и методах предупреждения заражения пока единственный способ профилактики заболевания. Невежество, проявляющееся в самых разнообразных формах, несет конкретную опасность заражения СПИДом». Прав, конечно, Вадим Валентинович.

Действительно, правильную и доступную информацию он скрывал и скрывает до сих пор даже от Академии медицинских наук, от бюро профилактики этой академии, не сообщая даже профессии и фамилии заболевших. Теперь, когда заболеваемость разлилась широкой рекой и нет ей предела, она исчисляется не единицами, а тысячами, и гомосексуализм как база сохранения и распространения вируса померк в зловещем мраке шприцевой наркомании. Может быть, теперь проявятся гуманизм, ответственность и беспокойство у наших руководителей и ученых за судьбу нашего поколения?

Очень коротко о СПИДе можно сказать следующее. Всем известно, а врачам особенно, что каждый возбудитель имеет свою точку приложения. Для понимания этого явления я должен напомнить, что при ангине поражаются миндалины, и все это знают, и человек, болеющий ангиной, опасен. Он может заразить другого, потому что возбудитель у него находится на миндалинах, и при разговоре он вместе с частицами слюны выбрасывается изо рта. Скажем, при кишечных инфекциях, брюшном тифе возбудитель локализуется в тонкой кишке, при диарее — в толстой кишке, при воспалении легких — в легких, при менингите — в менингеальной оболочке головного мозга. Возбудитель локализуется в определенных тканях и клетках человека, в них размножается и оттуда производит свое действие.

Так где же локализуется и размножается вирус СПИДа? Этот вопрос принципиальный, нужный, но он везде замалчивается. Вы ни в одной статье не увидите ссылки на английских исследователей, которые это установили. А исследователи Национального института аллергических и инфекционных заболеваний Англии обнаружили, что белок, вырабатываемый клетками толстой, прямой кишки человека, является базой накопления и длительного сохранения вируса СПИДа в организме человека. Они установили, что вирус СПИДа, прежде чем проникнуть в другие органы, может длительное время находиться в ободочной и прямой кишке. Ученые в ходе лабораторных экспериментов исследовали и инфицировали вирусом СПИДа 13 различных клеток организма человека. Все клетки препятствовали внедрению и размножению вируса СПИДа, кроме клеток прямой и толстой кишки, которые захватывали вирус СПИДа и сохраняли его в течение почти 10 недель. Исследователи отмечают, что вирус СПИДа хронически инфицирует прямую,

толстую кишку и уже потом поражает иммунную систему. Этот факт может служить объяснением высокой заболеваемости СПИДом среди гомосексуалистов. Причем этот вирус, размножаясь в клетках прямой, толстой кишки, в течение 10 недель сохраняется, инфицируя человека — гомосексуалиста, который имеет сношение с этим больным. В значительном большинстве поражаются пассивные гомосексуалисты, у которых развивается эта инфекция в кишечнике. Это факт, который никем не опровергнут.

Но самое-то главное у нас всегда скрывалось и скрывается до сих пор. Кто болеет СПИДом? Это кто? Слесари, токари, повара, шоферы? Кто болеет СПИДом? Никто об этом не говорит, даже наши руководители Минздрава России. Они тоже замалчивают этот вопрос. Они только говорят, что СПИД возрастает, а сейчас проблема возросла до такой степени, что уже сам гомосексуализм теряет свое значение. Вы понимаете, что от гомосексуалистов не могут родиться дети. Это исключено, потому что это иное сношение.

Однако сейчас появились широкие возможности для шприцевой наркомании, когда подростки 14, 15 и 16 лет используют одни и те же шприцы для введения различных наркотиков, а с этими шприцами передается и вирус СПИДа, поэтому эпидемиология СПИДа уже не представляется только как эпидемиология гомосексуалистов. Гомосексуалисты сделали свое дело, они создали базу для распространения этой тяжелой инфекции, которая может проявляться у человека через 10, 15 и даже 20 лет после заражения.

Инфекция считается пока фатальной, и никто от нее еще пока не излечивался. Подходы к этому только намечаются. Поэтому сейчас говорить о СПИДе как о приатке гомосексуализма, невозможно. Есть мнение, что это половая инфекция. Тогда, наверное, как при всех половых инфекциях, венерических заболеваниях мужчины и женщины должны в равной степени страдать от этого заболевания? Однако этого не происходит. Возьмите материалы американской статистики, других европейских стран. В Америке я был в больнице, где лежат больные СПИДом. В одной больнице из 20 человек была только одна женщина, которая пользовалась шприцем для введения наркотиков. Остальные были мужчины, поэтому СПИД — это пока мужская патология, гомосексуалистов и в особенности пассивных гомосексуалистов. Это нужно объяснять тем, которые широко используют эти так называемые

половые связи. А на месте людей, которые занимаются сейчас проблемой СПИДа, нужно хотя бы в ночных клубах, где собираются гомосексуалисты, распространять доступную для них литературу с перечислением имен гомосексуалистов, умерших от этой болезни.

В Америке эта тяжелая патология захлестывает все общество. Гомосексуализм и лесбиянство считаются верхом человеческой культуры, хотя это патология, которой не страдали даже наши предки, дальние и древние. Так вот, в ночных клубах можно было бы положить брошюры с описанием, как заражаются СПИДом. Пусть эти люди знают, как заражаются СПИДом. Хотя бы себя они предохраняли и других не заражали. Даже этого не делается, потому что никто не знает, кто болеет и когда болеет.

Возьмите любую инфекцию для эпидемиолога — чтобы разработать меры борьбы, нужно знать конкретно, кто болеет, почему болеет и когда болеет. По СПИДу это скрывается от населения. И начинают рекомендовать презервативы, а ими гомосексуалисты не пользуются, а у нормальных людей это приводит только к одному — сокращению рождаемости. И в наших условиях, когда людей умирает больше, чем рождается, проблема СПИДа приобретает особое значение. Это вымирание нации. Проповедуют чепуху, но нет никаких прав остановить эту организацию, которая якобы занимается профилактикой СПИДа и ничего фактически не делает, а я это говорю с полным основанием, потому что и Валентина Ивановича Покровского знаю давно, и его сына знаю давно. Это чепуха, чем они занимаются. Я не хочу сказать, что они умышленно скрывают данные о заболеваниях СПИДом. Вот в таких условиях мы хотим сохранить здоровье населения. Ничего из этого не выйдет. Сейчас эпидемиология СПИДа значительно расширилась за счет молодых наркоманов, использующих шприцы. Исчезло различие между количеством мужчин и женщин, заболевших СПИДом, как это было при передаче вируса гомосексуалистами.

Торговые точки, занимающиеся распространением печатных изданий, с каждым годом набирают силу. Полки этих магазинов всегда полны новыми изданиями, появляется очень много авторов, которые пишут о прошлом, о настоящем, правда, никто не пишет о будущем, потому что будущее еще никто не представляет. Ну, естественно, обилие такой литературы не могло оставить в стороне многих людей, в том числе и меня. Появилось желание познакомиться с этой литературой, которая сейчас издается у нас

в стране, да и за рубежом. Я, как и многие другие, имея свободное время и свободные деньги, приобретал книги и читал их. Читал очень много, но не хотел бы говорить обо всех. Я только перечислю некоторые книги, которые произвели на меня определенное впечатление и о которых я могу сказать несколько слов.

Скажем, Юрий Белов уже издал две книги, которые я читал. Это первая книга «Не тужи, Россия» и вторая книга «Русская судьба». Названия сами за себя говорят. Я не хотел бы сейчас вдаваться в подробности, потому что каждый может прочитать и каждый может найти там то, что он хотел бы знать. Следующая книга, Эдуарда Тополя, известного писателя и журналиста, который был в Москве в период выборов президента и который тоже издал книги. Одна из них — «Китайский проезд». Я очень коротко скажу об этой книге ниже. Следующее издание, которое я прочитал, это «Тайное общество двадцатого века», тоже очень серьезная вещь Николая Боголюбова. Можно читать, нужно читать, нужно знать, что происходит, и поэтому в этом отношении нет никаких ограничений. Ну и конечно, книга, которая представляет исключительный интерес. Она написана человеком, который хорошо знал, о чем писал. Это воспоминания о Косыгине. Написал эту книгу Фетисов и называется она «Премьер известный и неизвестный». Исключительная книга, просто исключительная, я бы посоветовал познакомиться с содержанием этой книги, потому что ее читаешь с большим удовольствием.

Я не могу не сказать о книге, составленной по статьям, опубликованным за последнее время. Она называется очень просто «Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи». Это книга составлена Лобановым. О ней следует сказать. Естественно, мне пришлось обратиться и к такой известной книге, которую я читал еще в 1952 г. Это «Вторая мировая война» Черчилля, потому что там можно найти ответ на многие вопросы, которые сейчас возникают в нашем обществе.

Все эти книги, конечно, очень серьезные и нужные. Да, я чуть не забыл сказать, что вышли книги, которые являются исключительно большим трудом автора. Это книги О.А. Платонова «Терновый венец России» и «Загадка сионских протоколов». Вот, вы видите, какие названия — «Прощай, Россия», «Терновый венец России» и т.д. Все тяжелые названия в адрес России, но не читать их невозможно. Я никогда не был каким-то иступленным веру-

ющим, но, когда читаешь эту книгу, она изложена примерно на 500 страницах, начинаешь понимать историю, что происходило в прошлом и что фактически повторяется сейчас. Ничего нового в этом отношении не произошло. Повторяется та трагедия, которая уже была в России. Для того чтобы не перечислять особенности разделов книги «Китайский проезд», я хочу только зачитать пролог к этой книге, который дает основание понять полностью ее содержание. Пролог написан так, я его цитирую.

«И нашла на него болезнь сердца, и огненная стрела боли пронзила его грудь. И взошел он к Богу. "Неужели убиваешь меня совсем?" И был ему глас и сказал: "Народ, который выбрал тебя царем, ты бросил в нищету и отчаяние, а порок стал царить на твоей земле. Через боль в сердце лишаю тебя жизни и царства". И оставилось его сердце, и помутило разум, и дыхание пресеклось, и душа полетела к Богу, воия: "Господи, прости меня, не убивай. Дай мне вторую жизнь, прошу тебя. И спасу Россию от нищеты, от воровства, от бандитского разграбления, клянусь"».

Это предисловие, или пролог, адресовано, конечно, нашему президенту Б.Н. Ельцину, приходу его к власти и всем событиям, которые развернулись уже при его правлении. Дальше я не хотел бы пересказывать прочитанное. Лучше прочитать эту книгу, тогда все будет понятно.

Я хотел бы сейчас остановиться на книге, которая посвящена Алексею Николаевичу Косыгину. Мало у нас таких людей было, мало, хотя руководителей было очень много. Я имею основание так говорить, потому что в течение всей работы в должности главного государственного санитарного врача Советского Союза всегда присутствовал на совещаниях Совета Министров, на президиуме Совета Министров, которые проводил Алексей Николаевич Косыгин. Я никогда не видел его улыбающимся, и в книге это подчеркнуто, вот эта внешняя серьезность человека с большой душой, человека внимательного и исключительно доброжелательного. Я могу только сослаться на некоторые его выступления, которые дают основания считать, что он собой представлял. Однажды докладчик от Министерства сельского хозяйства сообщил на президиуме, что большие трудности сейчас с уборкой они ощущают потому, что многие колхозники в субботу и воскресенье выходят на дороги, ищут попутный транспорт и увозят в город продукты, которые у них накопились за неделю. Поскольку

они уезжают, они не работают в самые горячие уборочные дни. Казалось бы, сейчас Алексей Николаевич сказал бы: «Как, они же должны работать? Что же вы делаете?» И вы знаете, что Алексей Николаевич сказал: «Как вам не стыдно. Вы же руководители, вы своих людей не бережете, не цените. Неужели у вас нет возможности каждую субботу и воскресенье подавать в колхоз несколько машин, а они у вас имеются, вы не бедные. В эти машины колхозники сядут со своими продуктами, съездят в город на рынок, реализуют эти продукты, вернутся на машинах обратно и не будут терять время на поиски другого транспорта. Неужели вам нужно объяснять эту простую истину, которая заключается в том, что наши люди должны богатеть, в городе должны появляться новые продукты, должна какая-то быть конкуренция между торговлей частной, которую производят колхозники, и государственной, которая в магазинах? Неужели вы эти элементы до сих пор не восприняли в нашей действительности? Я не хочу больше по этому вопросу вас слушать». Это сказал Алексей Николаевич Косыгин.

Прежде чем говорить о книге, посвященной Иосифу Виссарионовичу Сталину, при котором прошла моя молодость, жизнь, я хотел бы обратить внимание читателей этой книги на следующее. Я много читал о нашем руководителе партии и правительства, много слышал, многое как будто знаю, но никогда не знал, что он отличался исключительно хорошим слогом в поэзии. Для читателей я могу процитировать буквально две строфы из многих его стихов, которые помещены в этой книге. Я никогда не думал, что Иосиф Виссарионович обладает таким талантом.

Вот стихотворение под названием «Луна».

*Плыви как прежде, неустанно,
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сиянием
Развей тумана мрак густой.*

*К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь...*

Я дальше не буду продолжать, это очень красивые стихи, и если бы мне не сказали, кто это написал, я бы не знал, я сказал бы: «Ну, может быть, Лермонтов, может быть, Пушкин. Вот стихи написаны в таком стиле». Это особенности таланта Иосифа Виссарионовича. В молодости он увлекался и писал такие стихи. В книге помещены статьи многочисленных людей, которые знали Иосифа Виссарионовича Сталина. Они пишут о его характере, о его особенностях, о том, как они его воспринимали, как он их воспринимал, и только единственный человек — а приводится его целая статья по Сталину — допускает некоторые слова и фразы, которые в какой-то степени омрачают впечатление об этом великом человеке. Это его переводчик Бережков. Бережков пишет так: «Взглянув на него, я испытал нечто близкое к шоку. Ниже среднего роста, исхудавший, с заметно усталым лицом, израненным оспой, одна рука короче другой, невзрачный, даже незаметный». Вот этот Бережков, который дрожал при появлении Сталина, пишет такие строки. Никто другой таких слов о Сталине не писал. Не замечали его физических недостатков и лица, израненного оспой, ничего. Писали о другом.

Скажем, Черчилль пишет: «Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения». Однако для того, чтобы полностью сказать мнение Черчилля о Сталине, я из его книги просто могу кое-что зачитать, потому что это передать очень трудно. Во время обеда Черчилля со Сталиным Черчилль сказал, поднимая тост: «Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей, но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народов Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда осознаю, что нахожусь в дружественных и близких отношениях

с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру». Это сказал Уинстон Черчилль на банкете, на котором он был вместе со Сталиным.

На некоторых моментах жизни Сталина, его выступлениях, обращениях к народу я хотел бы очень коротко остановиться. Выступая перед народом Советского Союза 9 мая 1945 г. и говоря о победе, Иосиф Виссарионович сказал следующее: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: "Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться". Это было три года назад». Я хотел бы подчеркнуть. То, что сказал тогда Сталин, совершил сейчас не Гитлер, совершил Горбачев, меченый дьявол, извините. Он это сделал со своими помощниками. По какому указанию, мне неизвестно, но это совершилось сейчас, то, что тогда проповедовал Гитлер.

Ну и самое-то главное. 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии Иосиф Виссарионович сказал: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». После бурных аплодисментов он продолжил: «Я пью в первую очередь за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией между всеми нациями, входящими в состав Советского Союза». Вот положение, который тогда излагал Иосиф Виссарионович Сталин, руководитель нашего государства, нашего правительства.

И сейчас все в него, начиная от Хрущева и других, тыкают пальцем, что он сделал то-то, все это напыщенно и насыщено. Вся эта ненависть, связанная только с тем, что Иосиф Виссарионович уважал действительно русский народ, будучи грузином, что он действительно ценил нашу страну, как страну, которая объединяла людей, единое руководство, которое одержало действительно победу. Это было и этого никто никогда не забудет.

Из всех статей, изложенных в книге, я хотел бы остановиться только на некоторых, потому что комментировать статьи маршала Жукова, маршала Василевского, Шарля де Голля и многих других вряд ли необходимо, все дают высококую, положительную оценку Иосифу Виссарионовичу. Однако я хотел бы остановиться на трех статьях. Одна очень небольшая статья написана мар-

шалом артиллерии Яковлевым, вторая написана Дмитрием Дудко, священником, который дважды сидел в лагерях при Сталине, ну и, конечно, статью Бориса Львовича Ванникова, который при Сталине был репрессирован.

В чем дело, почему я на этих статьях хотел бы остановиться? Прежде всего, священник Дмитрий Дудко пишет: «Я заметил, что у нас в России осуждению подвергаются те, кто имеет государственное направление. Государственность причисляется к какому-то пороку, преступлению. Так осудили государственника Ивана Грозного, расширившего границы России, одни — в его жестокости, хотя стоило бы задуматься, мог ли молиться за всех казненных жестокий человек, не есть ли здесь акт любви. Как это ни странно, за многие годы за Ивана Грозного подали голос только Сталин и в наше время — митрополит Санкт-Петербургский Иоанн». Однако не в этом дело. Священник пишет: «Я хочу припомнить, как наша патриархия, особенно Сергей и Алексей, называли Сталина богоданным вождем. К ним присоединились и другие, допустим, такие, как крупный ученый и богослов архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина богоданным. Да, Сталин нам дан Богом. Он создал такую державу, которую сколько не разваливают и не могут до конца развалить». Это слова священника, который много терпел в сталинское время и сидел. Вот он остался при таких мыслях.

СВЕРДЛОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В 90-х годах в нашей печати, в газетах «Известия» и «Совершенно секретно», «Комсомольская правда», в других изданиях стали появляться статьи, которые решили анализировать прошлое нашей жизни, а особенно события, которые имели место и привлекали внимание общественности. Речь шла о событиях 1979 г. в Свердловске, когда была вспышка сибирской язвы. С чем были связаны оживление этой прессы, активность и академика Домарадского, и Льва Федорова, корреспондентов из «Совершенно секретно» и других газет, мне очень трудно сказать. Во всяком случае, если вдуматься во всю историю, они хотели бы помочь американцам все-таки найти бактериологическое оружие, потому что поиски в Ираке, по-видимому, ни к чему не привели, а американцы нуждались в таких поисках, в добыче сведений, которые проливали бы свет на это секретное оружие.

Перед тем как рассказать, что было в 1979 г. в Свердловске, а я был там с первого до последнего дня, отвечаю за каждое слово, за каждую мысль, за каждый вывод, который я делал из этих событий, я должен сказать, что после этих событий дважды меня посетил профессор Мезельсон, бывший консультант президента Америки по биологическим вопросам. Приезжал он один и с женой ко мне на дачу. Он не приезжал ни к Домарадскому, ни к Льву Федорову, которые, как говорят, очень хорошо знают эту проблему, он нашел меня и приехал ко мне. Мы очень хорошо провели время, очень много разговаривали, был переводчик, все нормально было.

После этих разговоров Мезельсон мне сообщил, что он приглашает меня и моих товарищей, которые работали в Свердловске, в Америку для обсуждения этой проблемы. Я согласился. Мы выехали вместе с крупным инфекционистом, к сожалению, рано умершим, Владимиром Николаевичем Никифоровым, сейчас уже академиком Владимиром Петровичем Сергиевым, он знал английский язык и был очень полезен. Принимали нас не как обычных командированных. Затрачены были большие средства для того, чтобы мы жили в шикарной гостинице, питались и ни в чем не нуждались.

Мы делали доклады в Вашингтоне, в Нью-Йорке, в Бетезде, где сосредоточился главный центр по этим вопросам, было ши-

рокое обсуждение материалов, которые мы представляли. По этим докладам Мезельсон мне прислал потом две большие пленки, они у меня хранятся, где полностью воспроизведены мои выступления, выступления Владимира Николаевича Никифорова и других по этим проблемам.

Что было сделано в этом отношении в Америке? Я должен сказать, что на этой конференции присутствовало очень много профессионалов, в том числе и специалисты из Англии и из других стран, причем в значительной степени присутствовали специалисты спецслужб, которые занимаются только этими вопросами, их эта проблема очень интересовала. И когда дискуссия заходила слишком далеко, а приходилось отвечать на все вопросы, не отвечать было нельзя, я однажды увлекся и стал очень широко рассказывать обо всех делах. И вдруг поднимает руку один человек с седой бородой, я никогда его не видел, но потом я его узнал, и просит слова. А перед этим было около 20 вопросов по докладу, который я делал. Он просит слова у Мезельсона для маленького замечания. И что же он сказал? «Вы кому не верите? Бургасову? Так кому же тогда можно верить?» И сел на место. Кто же, вы думаете, это был? Это был профессор Сэбин. Он потом уже подошел ко мне, и я с ним поговорил по существу. Это был автор вакцины против полиомиелита, крупнейший американский ученый, который часто приезжал к нам в страну.

Он очень хорошо знал Михаила Петровича Чумакова и его институт и один раз сказал, что его вакцина против полиомиелита увидела свет и широчайшее распространение только благодаря Советскому Союзу, деятельности Михаила Петровича Чумакова, академика, который добился построения института, начал выпускать эту вакцину, ездил с этой вакциной в Японию и прививал там детей, показывая эффективность вакцины, которая спасла и спасает миллионы детей и сейчас.

После завершения докладов, ответов на вопросы специалисты Соединенных Штатов Америки вместе с нашей группой собрались за круглым столом решать, что дальше делать. Все признались, что их устраивала эта информация, что она их убедила в том, что произошло в Свердловске, и они поэтому просили меня совместно с Никифоровым и товарищами, которые могут принять участие, подготовить руководство по этому вопросу, прислать его в Америку, и в течение шести месяцев американские

специалисты обязуются издать это руководство на английском и русском языках. Предложение было, конечно, исключительное, потому что мы понимали, что в наших условиях написать и издать за шесть месяцев руководство невозможно.

Мы приехали в Москву, и я и Никифоров занялись этой проблемой. Доктор Мезельсон и его сотрудники поддерживали с кафедрой инфекционных болезней Института усовершенствования врачей, где работал Никифоров, постоянные связи, интересовались состоянием дел. Я подготовил такое руководство. Оно было подписано мною, Никифоровым, иллюстрировано снимками по гистологии всех материалов, которые мы имели, оформлено по существу, и два экземпляра я передал Владимиру Николаевичу Никифорову, считая, что он перешлет их Мезельсону. И вот, представьте себе, на одном из совещаний, недели через две после этих событий, возник вопрос об одной инфекции, по которой нужно было срочно составить инструкцию. Когда этот вопрос обсуждался, я присутствовал и сказал: «Что вы думаете? Поручите это Владимиру Николаевичу Никифорову». На меня посмотрели странно. Я ничего не мог понять, а потом мне сказали: «Петр Николаевич, какому Никифорову? Уже неделя как мы его похоронили, его уже нет на свете». Для меня это был удар — я очень уважал этого специалиста, потому что он и Валентин Иванович Покровский в борьбе с холерой в Астрахани сделали невероятные вещи. Я могу напомнить только, что в Астрахани из 800 с лишним заболевших умер только один человек, который не был вовремя доставлен до больницы. Не было таких еще примеров в истории борьбы с холерой. И вот Владимир Николаевич умер. Я не стал спрашивать тогда о руководстве, не до этого было.

Через какой-то промежуток времени у меня на даче в Барвихе появляется молодой человек. Я его до этого никогда не видел. Представился — это сын Владимира Николаевича Никифорова. Он приехал с маленьким чемоданчиком со мной поговорить. Я спросил: «Вы что привезли мне сейчас?» Он говорит: «Да вот, все, что осталось от отца по руководству, которое писали» и высыпает на стол всякие черновики и бумажки, от руки написанные. Я говорю: «Вы мусор мне привезли, а где само руководство?» — «А я руководства никакого не видел». Вы знаете, для меня это было неожиданностью.

Единственный сын, который присутствовал при смерти отца, зная, что у отца лежит это руководство, сказал, что никакого руководства не видел и не знает. Я говорю: «Очень сожалею, но я-то думал, что вы привезли мне это руководство, чтобы я переправил его в Америку». — «Я такого руководства не знаю, хотя у меня имеется несколько другая точка зрения на события в Свердловске». Меня это, так сказать, подстегнуло. Я сказал: «Чтобы иметь точку зрения по Свердловску, нужно было в Свердловске быть, а вы отказались ехать с отцом и лечить больных сибирской язвой. Вы остались на кафедре, занимались научной работой по ботулизму. Чему посвящена работа, не знаю. Проблема ботулизма мне известна прекрасно, у меня есть докторская работа по этой теме, но не в этом дело. Вы не поехали с нами, поэтому ваша точка зрения меня не интересует». Он прервал разговор и говорит: «У меня к вам одна просьба. Сейчас имеется вакансия главного инфекциониста России, никем не занята после отца. Я вас прошу меня поддержать, позвонить в Министерство здравоохранения, помочь мне занять эту должность». Я развел руками. Я сказал ему: «Вы и фамилию Никифоров носите, и являетесь его сыном, но до главного инфекциониста России вы еще не дожили, не доросли. Вам еще многому нужно учиться, чтобы быть таким, каким был отец».

Раздосадованный, он ушел, сказав, что имеет свою точку зрения на сибирскую язву и найдет возможность с соавторами издать книгу о сибирской язве в Свердловске. Не знаю, издал ли он эту книгу, будет ли издавать, меня это мало интересует. Этот молодой человек, который погрел память об отце и все, что с ним связано, просто пришел, нагрубил и ушел. Я с ним больше не встречался. Однако это одна часть проблемы.

Мезельсон еще раз приезжал к нам, еще раз говорили мы с ним, говорили откровенно. Он ведь не искал тогда ни одного из «разработчиков бактериологического оружия», которым является, скажем, Домарадский, он искал Бургасова, чтобы со мной поговорить по этому вопросу. Мезельсона не интересовало, как живут семьи умерших от сибирской язвы и что нужно сделать в гуманитарном отношении. Его интересовало, что было в Свердловске, что вызвало смерти, какая причина всех этих заболеваний и как к этому делу сейчас подступить. Я ему сказал очень просто: «Если бы, господин Мезельсон, мы с вами жили рука об

руку, доверяли друг другу во всем, то, наверное, вам не пришлось бы тратить столько времени на поездки, и у нас состоялся бы несколько другой разговор, а сейчас то, что я вам сказал, пожалуйста, опровергайте». Он ответил, что они все продумали и пришли к другому заключению, чем мы.

Они пришли к заключению, что там был аэрозоль, насыщенный бактериями сибирской язвы. Я ответил: «Если бы это был аэрозоль, который распространяется в течение нескольких минут по территории, кто-то его вдохнул бы, заболел и через день-два умер, и на этом все бы закончилось. Но почему же в Свердловске заболевания появились 4 апреля, а последний случай был 17 мая? Это что же за аэрозоль такой? Инкубация при сибирской язве ведь не 1,5–2 месяца, а только один–два дня». Тогда он мне сказал, я его не стал больше поправлять, что они все продумали и считают, что инкубация при сибирской язве может продолжаться и месяц. Я ответил: «Это дело ваших ученых и вас, но поскольку я знаю сибирскую язву по существу, то никак не могу согласиться с такой постановкой вопроса». Вот такие были наши встречи, беседы. Руководство по сибирской язве так и не было издано, на него были потрачены труд и деньги и на иллюстрации, и на оформление, но это руководство осталось в руках сына Владимира Николаевича, который грозился по-другому изложить состояние дел и ситуацию в Свердловске. Ну, это его дело. Пусть он этим и занимается.

Что касается самих происшествий по Свердловску, я очень коротко изложу, потому что опровергать каждую статью, каждую газетную строчку я просто не в состоянии, на это нужно огромное количество времени. Первое, это полная дезинформация общественности относительно того, что военные в Свердловске прививали людей плохой вакциной, а хорошая эффективная вакцина осталась не использована. Ложь невероятная, и ложь подлая, которую распространяет Лев Федоров. Второе, — это утверждение Федорова о том, что там трупы умерших сжигались просто в печах. Где он видел это, я не знаю. Он утверждает, что там работало очень много заключенных. Глупость невероятная, ни одного лишнего человека в работе по предупреждению и профилактике сибирской язвы в Свердловске не было. Никого не было, кроме нас и людей из органов здравоохранения, которые были привлечены к этому делу.

Следующее, с чем я не могу согласиться, это уже звучит не просто как ложь, это звучит неприятно, некультурно. Вы знаете, мы привыкли, может быть, по старому воспитанию, к авторитету наших людей, которые много сделали для Советского Союза, относиться с уважением. Вот, скажем, Ефим Иванович Смирнов, генерал-полковник, академик. У меня не так-то просто сложилась с ним служба, но я его уважаю как крупного ученого и деятеля, организатора, который вокруг себя во время войны создал группу специалистов — крупных хирургов, терапевтов, инфекционистов, и эти специалисты создавали такие документы, по которым мы жили во время войны. При работе с этими документами было возвращено в строй 80% раненых, которые победили фашистскую Германию. Как можно генерал-полковника Смирнова Ефима Ивановича в статьях называть просто Ефим, даже без имени и отчества, что этот Ефим вместе с Бургасовым после скандала у Ельцина приехали в военный городок, посмотрели какой-то труп, и Ефим спросил у Бургасова: «Ну как?» Тот кивнул головой. Они выпили спирт и разъехались. Что можно более дикое придумать по этому вопросу?

Ну, во-первых, я никогда с Ефимом Ивановичем Смирновым не был у Ельцина. Во-вторых, я во время работы в Свердловске не заезжал в военный городок, хотя бы по той причине, что каждый заезд в военный городок по существовавшему тогда положению означал запрет в течение трех лет выезда в зарубежные командировки, а я в то время по роду своей служебной деятельности раза два-три в год выезжал за границу. И последнее.

Я не могу согласиться с тем, правда это мелочь, что Ефим Иванович Смирнов где-то пил спирт. Дикость невероятная, но это пишут журналисты, пишет крупнейший, так сказать, человек в области химической защиты Лев Федоров. Так вот они пишут, оскорбляя военных и всех остальных, называя этих людей какими-то подонками, а себя выставляя перед читателями современными специалистами. Эти люди даже недостойны внимания.

Что можно еще сказать об этих статьях? Ну, скажем, в Свердловске прививали людей какой-то другой вакциной, а сами имели хорошую, причем кололи по три раза. Первое, вакцина есть, и она до сих пор осталась на вооружении гражданского населения и военных как защита от сибирской язвы. Эта вакцина никогда подряд трехкратно не вводится, она вводится с большими интер-

валами. Второе, то, что умирали даже те, кто был привит. Они умирали на третий, на четвертый день после прививки, когда еще прививка не оказала своего действия, когда не был создан еще иммунитет, этому удивляться не стоит, и поэтому говорить о вакцине, что она негодная, глупо. Другой вакцины не было и пока нет. И наконец, последнее. Я уже не могу спокойно об этом говорить, меня это не только возмущает, мне противно, извините, об этом говорить, когда этот «крупнейший ученый» Федоров сообщил, почему в Свердловске не умирали дети? Он сказал, что это секс-возбудитель, он включен в возбудитель сибирской язвы и не опасен для женщин и детей, он поражает только мужчин от 20 лет и старше, которые составляют основу действующей армии. Вот господин Федоров до чего додумался. Он даже не знал, что в Свердловске заболели более 30 женщин, но, наверное, ему было не до этого, ему нужно было опубликовать свою «секс-бомбу».

Я сделал короткое вступление перед тем, как изложить, что же в Свердловске было. А было следующее. 4 апреля на заседании коллегии Министерства здравоохранения часов в 10 утра поступил звонок из Свердловска. Звонили товарищи и сказали, что в Свердловске есть случаи скоропостижной смерти. Местные врачи не знают, что это такое. Поскольку в своей деятельности я всегда имел отношение к таким проблемам, мне Борис Васильевич дал понять, что я должен ехать. В командировку я пригласил крупного клинициста Владимира Николаевича Никифорова, своего сына Сергея, работавшего на Соколиной горе в клинике в реанимации и занимавшегося проблемой менингита, Бениamina Лазаревича Черкасского — эпидемиолога, и Ивана Семеновича Безденежных — главного эпидемиолога России.

Мы прилетели туда на самолете, и нам были предоставлены исключительные условия для работы и размещения. Нас поселили в особняке, и ежедневно мы с эпидемиологом объезжали город и окрестности в поисках возможных источников возникновения заболевания. Никифоров с Сергеем иногда не имели возможности приехать в особняк и отдохнуть. Они постоянно находились в больнице, куда поступали эти больные и где они умирали. Была весна, и в Свердловске нарастала заболеваемость гриппом. Врачи должны были в этих условиях выделить из этой группы заболевших гриппом и другими респираторными заболеваниями больных сибирской язвой. Это была сложная задача, требующая

высокой квалификации. Все больницы были переполнены, госпитализировались люди с температурой, и только выявленные больные сибирской язвой помещались в отдельный стационар.

Большинство из них умерли — 64 человека из 93 заболевших, угасали на глазах у людей невероятно быстро и очень необычно. Как будто человек только что лежал и разговаривал, даже смеялся и тут же через несколько минут закрывает глаза и умирает. В чем же дело, что происходит? Возбудитель сибирской язвы тем и опасен, что, поражая людей, вызывает, как правило, смертельный исход. Возбудитель распространяется среди людей и животных и сохраняется в природе в виде спор, частиц, которые выдерживают различные дезинфектанты, высокую температуру, но, попадая в организм теплокровного животного или человека, споры прорастают, образуя капсулы, и в капсулах развивается возбудитель. Когда концентрация возбудителя достигает огромных величин в крови, именно в этот момент можно выделить из крови культуру сибирской язвы. Ее концентрация достигает порядка нескольких сотен тысяч или миллиона в 1 мл крови, и в этот момент наступают гибель возбудителя и освобождение токсина, яда, против которого организм сопротивляться не может, и человек в течение короткого времени умирает.

Сейчас многие врачи, медицинский персонал, работавший в то время, выглядят такими смелыми, серьезными людьми, они говорят, что работали, когда мы приехали. Фактически большинство врачей от страха и паники, а паника была страшная, потому что на глазах умирали люди без каких-либо клинических проявлений, не выходили на работу. Их можно было понять. Врачей в больнице было мало, потом они стали появляться. Всю работу по лечению выполняли Владимир Николаевич Никифоров с моим сыном, а также работал средний медицинский персонал, который был в этой больнице. Это прошлое.

Что же произошло в Свердловске? Первые больные поступили 4 апреля. Потом, через 1–2 дня, еще, и так периодически через 2–3 дня появлялись больные, а другие умирали дома. Поскольку речь шла о сибирской язве, а сибирская язва — это «достояние животного мира», ветеринарная служба проверяла все мясные продукты, что попадали на рынки, потому что именно в мясе может содержаться возбудитель, вызывающий заболевание. В это время южнее Чкаловского района, где находился военный

городок, в восьми поселках — Малое Сидельниково, Большое Сидельниково, Первомайское, Кашино, Сысерть, Абрамовское, Аверинское, Новоипатово — в 51 дворе с 1 по 12 апреля 68 животных заболели сибирской язвой. Перед въездом в Чкаловский район со стороны Челябинска были установлены военные посты. Останавливались все виды транспорта, проверялись, и если было мясо, то это мясо складывалось и сжигалось. На рынках прекратилась продажа мяса, обрабатывались все помещения, где мясо когда-то хранилось. Было обращение к населению: уничтожить мясо, купленное на рынке и с рук. А поскольку время подходило к первомайским праздникам, постановление выполнялось не везде и не всеми. Многие мясо не сжигали, а просто выбрасывали. Начался падеж среди собак. Каждый день раздавались листовки, проводились совещания, выступления по радио, короче говоря, была проведена огромная профилактическая работа в Свердловске.

И вот 13 мая наш президент Б.Н. Ельцин, тогда секретарь Свердловского обкома партии, позвонил мне и говорит: «Знаете, товарищ Бургасов, пока вы в Свердловске, население не может согласиться с тем, что опасности заболевания уже нет. Если вы здесь, значит, есть еще сибирская язва. Когда вы собираетесь уезжать? Не поймите меня так, что я хочу от вас освободиться, но дело в том, что просто я хочу, чтобы навели порядок в этом деле». Я ему сказал: «Борис Николаевич, я готов сейчас уехать. Я звонил 10 мая в Министерство здравоохранения, там остался Буренков Сергей Петрович. Я обратился к нему с просьбой, что уже закончились заболевания, может быть, еще отдельные случаи будут, но нам делать уже нечего. Однако он мне сказал, что я еще нужен в Свердловске». Борис Николаевич спросил: «Так и сказал?» Я ответил: «Да, так и сказал». — «И как вы относитесь к этому?» — «Ну, это Сергей Петрович Буренков, первый заместитель министра, а сейчас исполняющий обязанности министра». Он говорит: «Я ему позвоню». Через полчаса Борис Николаевич мне опять звонит и говорит: «Я позвонил вашему заместителю министра. Вы были правы, он странный человек. Он меня так и не понял». Но, к счастью, приехал Борис Васильевич из Женевы, он там был на ассамблее, и я вернулся в Москву.

На прощание мне секретарь обкома подарил будильник с радиозаводом. Это будильник, который может будить в любое время, если вы поставите на какую-то волну радиопередачи. Инте-

ресная машинка, она у меня до сих пор цела как память о моем знакомстве с нашим нынешним президентом, который переживает сейчас трудный период времени.

Так было в Свердловске, и поэтому сейчас дискутировать на эту тему я ни с кем не хочу. Я понимаю, что могла бы речь идти о помощи лицам, которые пострадали в связи с потерей близких, но сейчас анализировать, что там было, я не стану. Я могу только спросить тех, кто утверждает, как Федоров, что там произошел взрыв каких-то боеприпасов, начиненных этими бактериями: «Где этот взрыв произошел? Когда он произошел?» Он же ведь ничего об этом не знает и понятия не имеет. А я знаю, что там было, и отвечаю на вопрос, который в газете «Совершенно секретно» Домарадский задает мне письменно, не в академии спрашивает при встрече, а письменно: «Что скрывает Бургасов? Он же знает положение дел в Свердловске, он же может сейчас сказать. Ну, понятно, что он раньше давал какое-то обязательство советскому правительству, партии, но сейчас партия — не руководящая сила в нашей стране, и советского правительства уже не существует, он мог бы рассказать нам всю правду».

Я хочу в этой книге ответить господину Домарадскому, что я русский человек, я слесарь Тульского оружейного завода, и какое бы правительство не было в России сейчас — коммунистическое, демократическое, либеральное, любое правительство, — Россия для меня остается Родиной и торговать я Родиной не собираюсь ни при каких условиях. Если американцы, умные люди у них тоже есть, поймут всю ситуацию, то не будут ходить ко мне и спрашивать, что там произошло. Пусть они атакуют одного из «создателей» биологического оружия господина Домарадского, ему скрывать нечего, он любой власти может угодить, пусть он и расскажет все, что знает о биологическом оружии.

Правда, я должен огорчить американцев, они ничего не узнают от Домарадского, он пустышка по этим вопросам, и что бы он ни говорил и где бы ни выступал, ничего не скажет. Ведь этот товарищ, который жил за счет партии, правительства, создал себе хорошую жизнь. Этот товарищ не выезжал в поле с противочумными отрядами на борьбу с грызунами, он не работал с живым возбудителем чумы, как, скажем, работал профессор Берлин в Саратове. Он около этого ходил. Он только обобщал. Он генетик, который якобы выделил ген токсинообразования у

дифтерийной палочки, огромное событие, которое потрясло весь мир, а мы этого пока не ощущаем. Этот господин Домарадский волен осуждать, рассуждать вместе со Львом Федоровым, они подружились по печати. Я могу задать им только один вопрос: «Ну почему же трагедия, которая произошла в городке, не вызвала заболевания среди населения городка, а ведь там было больше 3000 человек?» Я им дам только один ответ. Весь городок всегда, когда я там работал и когда я оттуда уехал, снабжался через сеть военторга. На территории городка были магазины продовольственные и другие, которые обеспечивали население городка всем необходимым. Население не пользовалось рынком, оно не знает, что такое рынок, и обеспечивалось только этой системой. Эти товарищи не считают это важным фактором, и все льют свою воду на одну мельницу, как помочь американцам все-таки узнать, что было в Свердловске. Пусть помогают. Ничем они американцам не помогут, потому что сами ничего не знают, пусть пишут еще многие статьи, тратят деньги и время, из этого ничего хорошего не выйдет.

И последнее. Странно смотреть, когда в газетах пишется, что проблемой биологического оружия занимались академики Михаил Петрович Чумаков, Виктор Михайлович Жданов, Сергей Дроздов и другие. Была, оказывается, и такая академик Гайдамович. Я знаю Гайдамович, она хороший научный сотрудник, но Софья Яновна академиком никогда не была. Так вот, эти лица создали бактериологический щит, как написано в «Совершенно секретно». Я думаю, что Сергей Дроздов, академик, и академик Дмитрий Львов, директор института имени Ивановского, они тоже входят в этот состав, по мнению Домарадского, и сам Домарадский, который создал щит, пусть они этот щит ощупают. Я думаю, что Домарадский, чтобы включиться в эту компанию, притянул эти известные фамилии. Не знаю, как они реагируют на то, что они создали этот щит. Я знаю только одно: эти ученые занимались очень серьезными проблемами профилактики многих заболеваний, но бактериологией с точки зрения использования бактерий как оружия они никогда не занимались на моей памяти. Может быть, что-то после моего ухода из министерства и произошло, но, думаю, что этого не могло быть. Ну а Домарадский, чтобы представить себя крупным специалистом, назвал эти фамилии. Это свойственно характеру этого «крупного ученого», так

называемого, академика, который сейчас потерял всякое уважение своих товарищей. Другого я сказать по этому поводу больше ничего не могу.

В первые годы после этих трагических событий наши средства массовой информации — печать, телевидение, радио — не приступали к анализу причин возникших смертельных заболеваний. Единственным человеком, который проявлял настойчивость в выяснении причин случившегося, был доктор Мезельсон — советник президента США по биологическим вопросам. Он дважды посетил меня на даче в Барвихе и организовал поездку нашей группы специалистов в США, обеспечив исключительно благоприятные условия пребывания в этой стране. К этому времени стали появляться статьи и наших собственных корреспондентов, которые под разными названиями, во многих газетах, фантазируя до извращения действительных событий, информировали население и зарубежные средства информации о причинах возникновения эпидемической вспышки сибирской язвы. Продолжительное молчание и невероятный, одномоментный взрыв внимания к прошлым событиям сейчас трудно объяснить. Может быть, бывший сотрудник Министерства микробиологической промышленности Алибеков, ведавший такой документацией в нашем закрытом совете, сбежавший с этими документами в США, стимулировал американскую разведку на поиски биологического оружия в нашей стране. Это сделал и другой беглец — директор ленинградского института В.А. Пасечник, видевший возбудитель чумы только на фотографиях и заявивший, что он «работал над подготовкой бактерии чумы для использования в качестве биологического оружия».

В 1965 г. по инициативе ВОЗ в нашу страну прибыла большая делегация специалистов. Ее возглавлял доктор Цветанович, в составе делегации были и американские ученые. Сопровождать делегацию поручили мне. В течение месяца мы посетили, по просьбе делегации, все противочумные институты страны — кировский, ростовский, ставропольский, саратовский, иркутский. Только в этих институтах были созданы все условия для работы с возбудителем чумы. Поэтому сообщение сбежавшего В.А. Пасечника, что он работает в Ленинграде с возбудителем чумы, — бред больного, а представителям американской разведки никто не объяснил, что работа с этим возбудителем в нашей стране строго определена только в указанных специализированных институтах.

Среди отечественных корреспондентов, превзошедших всех своих собратьев по связям с общественностью, был Лев Федоров. Его статья «Секс-борьба по-советски», пропитанная злобной, совершенно необъяснимой ненавистью к нашим военным специалистам, обусловлена глубокой шизофренией, «раскрыла все секреты свердловской трагедии». Автор утверждал в статье, что отсутствие заболеваний среди детей, а также среди женщин (их заболели 33!) достигнуто включением в споры сибирской язвы специального вируса, который поражает только мужчин 20 лет и старше (нужных в армии!). Этот вирус, утверждал автор, выделить нельзя, поскольку он погибает вместе с возбудителем сибирской язвы. Далее Лев Федоров сообщает, что «свободная пресса, живо обсуждавшая в 1990–1992 гг. тему биологического оружия, как по команде затихла, осталась лишь активность американского профессора М. Мезельсона», и здесь же поясняет, что «недавно газета "Нью-Йорк Таймс" сообщила об открытии ученых из Лос-Аламоса: в образцах тканей умерших в Свердловске будто бы был обнаружен не один, а целых четыре штамма сибирской язвы. Проснулись!» Надо отметить, что последнее восклицание относится непосредственно ко Льву Федорову. Будучи «руководителем за химическую безопасность», он всю свою болезненную фантазию обрушил на людей и организацию, которые были не исполнителями, а жертвами современной диверсии.

Ровно через девять лет после свердловской трагедии наша группа по приглашению М. Мезельсона посетила США. Ниже публикуется отчет об этой поездке.

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ СССР —

***П.Н. Бургасова, В.Н. Никифорова и В.П. Сергиева,
о поездке в США с 10 по 18 апреля 1988 г.***

Делегация по просьбе профессора Гарвардского университета Мэтью Мезельсона прибыла в США для встречи с американскими учеными по обсуждению событий 1979 г., имевших место в Свердловске и получивших в американской и западной печати искаженное освещение.

За время пребывания в США делегацией были сделаны доклады в Национальной академии наук США (Вашингтон, 11.04), Школе гигиены и здравоохранения (Балтимор, 14.04) и Американской академии науки и искусства (Кембридж, 15.04) на

тему «Эпидемиологические и клинические аспекты вспышки заболеваний людей сибирской язвой в Свердловске в 1979 г.». По просьбе американской стороны основные доклады по эпидемиологии и профилактике были сделаны П.Н. Бургасовым, по клинической картине, диагностике и лечению — В.Н. Никифоровым, отдельные фрагменты этой истории были доложены В.П. Сергиевым. После докладов следовали фиксированные выступления американских специалистов с комментариями. Затем — вопросы и ответы из аудитории. На каждом выступлении присутствовали 70–100 человек. В Вашингтоне и Кембридже среди зрителей были только специально приглашенные лица. В Балтиморе лекции были доступны всем желающим.

В предельно сжатом виде доклады сводились к следующему. Сообщение о нескольких случаях заболеваний и смерти людей в г. Свердловске поступило в МЗ СССР по телефону из Прокуратуры СССР во время заседания коллегии МЗ СССР 07.04.79. Первое подозрение пало на ботулизм. Поэтому заместитель министра П.Н. Бургасов в тот же день вылетел на место вместе с В.Н. Никифоровым — специалистом по ботулизму и инфекционным болезням. В.П. Сергиев оставался в Москве, продолжал заниматься организацией обычных противоэпидемических мероприятий, но по телефону получал ежедневную информацию из Свердловска и составлял короткий отчет — рапорт для руководства МЗ СССР. Несколько позднее в Свердловск прилетел главный эпидемиолог Советской армии генерал В. Агафонов. Это обычная практика во время расследования вспышек. Однако, удостоверившись, что заболеваний среди военнослужащих нет, он вернулся в Москву. Это была единственная ситуация «участия военных» в купировании вспышки.

Отсутствие заболеваний среди детей было связано с тем, что все дети дошкольного возраста находились в детских учреждениях, где питаются три раза в день продуктами, поставляемыми централизованно. Вечерняя еда легкая и не содержит мяса. В связи с занятостью родителей на производстве школьники до 12 лет находятся на «продленном дне» с таким же режимом питания. Мужчины, занятые, как правило, тяжелым физическим трудом, потребляют больше мяса, чем остальные члены семьи. В связи с естественным дефицитом, мясо населением заготавливалось впрок к майским праздникам и приобреталось у частных лиц, прибывших в город из сельских районов.

Обнаружение возбудителя сибирской язвы в мясе, изъятом из квартир заболевших и умерших людей, из их крови во время болезни и трупов умерших позволило считать это мясо причиной возникшей вспышки.

Расследованием, проводимым профессором И.С. Безденежных, было установлено, что падеж преимущественно овец, реже коров, имел место в конце марта в восьми деревнях, где мясо больных забитых животных частично вывозилось на продажу в Свердловск. Поступление мяса было прекращено милицейскими кордонами 10 апреля. Среди лиц, забивавших больной скот, были выявлены и госпитализированы больные с кожной формой. И.С. Безденежных установил связь заболевания скота с мясокостной мукой, выпущенной местным заводом, где имели место нарушения технологии ее производства. Одна партия муки (29 т) была продана владельцам частного скота. Эта партия была заражена и послужила причиной заражений скота. Возбудитель сибирской язвы попал в муку из костей павшего животного. В предыдущие годы среди сельскохозяйственных животных были заболевания сибирской язвой. Возможно, что диагноз болезни ветеринарной службой не всегда устанавливался.

Возбудитель болезни позднее был выделен также из остатков костной муки, изъятой у частных лиц, и с оборудования завода, производящего муку, из трупа коровы, сброшенной в заброшенную шахту, вырытую до революции золотоискателями, от двух из трех исследованных трупов собак, заразившихся в результате поедания мяса, выброшенного некоторыми жителями на свалки города.

Как правило, в семье заболел один человек, и только в двух случаях имели место заболевания двух и трех человек.

В качестве комментаторов наших выступлений были преимущественно известные ученые США, ранее занимавшие достаточно высокие посты. Бывшие директора эпидемиологической службы CDC Лангмур и Брахман. В свое время в качестве экспертов они высказали предположение о возникновении в Свердловске легочной сибирской язвы как результате утечки бактериального оружия. Во время пребывания делегации оба в прессе сказали, что представленные материалы свидетельствуют о кишечной форме сибирской язвы. Бывший помощник (заместитель) главного хирурга Стил постоянно поддерживал предположения о возникновении в Свердловске кишечной формы заболевания. Патологоанатом Альбрик, анализируя слайды, высказался за ки-

шечную форму болезни. Кроме перечисленных выше экспертов, в дискуссии принимали участие: Мерфи — директор эпидемиологической службы CDC, Стойнбруннер — политический обозреватель, Касс — профессор медицины Гарвардского университета, Ледерберг — президент Рокфеллеровского университета, Рич — профессор молекулярной биологии Массачусетского института технологии, Вильсон — заведующая инфекционным отделением Бостонского госпиталя (жена декана Гарвардской школы здравоохранения Файнберга). Общий тон всех комментариев был позитивный. Приветствовали открытый и откровенный характер представления материала. Подчеркивали огромную важность для мировой науки данных, представленных нашей делегацией.

Среди негативных проявлений следует отметить кулуарные замечания Ледерберга и профессора Армена (Бостон). Последний резко выступил о недостаточности фактического материала, отсутствии конкретных фактических цифровых данных и их статистической обработки для подкрепления выводов. Ледерберг больше касался общих вопросов взаимоотношения стран и явно выступал в качестве человека, с подозрением относящегося к процессу «потепления».

Основные вопросы, задававшиеся аудиторией

По клинической картине и лечению. Были ли у больных поражения легких, лимфатических желез средостения, почек, селезенки, оболочек мозга, глотки, пищевода? Какова картина и частота легких форм кишечной сибирской язвы? Какие симптомы кишечной формы болезни могли симулировать легочную (отек легких и одышка при высокой температуре тела и шоке)? Точная пропись терапии.

По возбудителю. Есть ли связи необычно высокой летальности с вирулентностью возбудителя? Какова морфология возбудителя — толщина капсулы?

По эпидемиологии. Применялась ли серология для диагностики заболеваний людей (легкие формы) и животных? Распространение больных по территории города, меры профилактики.

Общие вопросы. Какова доля частного скота в общем поголовье? Доля частного мяса, молока, овощей в общих поставках продуктов населению? Чем занимается 19-й городок? Зачем брались пробы воздуха? (Для установления безопасности больного для

окружающих пробы воздуха брались только в палатах и квартирах больных.) Сколько вегетарианцев и как они учитываются, так как в выступлении сказано, что ни один вегетарианец не заболел. Какова доля умерших женщин, что с их мужьями?

В Вашингтоне на докладах среди приглашенных были члены делегаций из Англии, Рубидж, прилетевший в Вашингтон на два дня, из Швеции и из США — Хуксвел. В обсуждении следует отметить выступление Сэбина (США), который сказал, что защитная тематика есть во всех странах. Главное — это обстановка недоверия между странами, когда даже несчастье может вызвать подозрение. Надо бороться с вирусом недоверия. Эту мысль поддержала Баумгартнер — бывший руководитель совета Нью-Йорка по здравоохранению (жена Лангмура). В развитие этого положения выступил Хуксвел (Пентагон). Он сказал, что борьба с вирусом недоверия уже идет интенсивно. Пример этому — успешная встреча экспертов по бактериологическому оружию в Женеве в 1978 г.

Кроме официальных выступлений, ежедневно у членов делегации были встречи с корреспондентами «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Балтимор Сан», «Бостон Глоб», «Нечур-Сайенс», «Нью Сайенс», «Нью-Йоркер». Во время пребывания в США появились четыре публикации — в «Вашингтон Пост» (две), «Нью-Йорк Таймс» и «Балтимор Сан», позитивно отразившие материал, представленный членами делегации, и комментарии американских экспертов.

Состоялись также три рабочие встречи между членами делегации и экспертами США по обсуждению материалов. С американской стороны участвовали Мезельсон, Молоков, Брахман, Альбрик, Лангмур, Стил. Дополнительные вопросы, которые интересовали, — можно ли составить карту города, где будут отмечены места жительства больных, расположение кладбища, 40-й больницы, 19-го городка, а также карт области с расположением завода мясокостной муки, деревень, где были больные животные, список больных с указанием пола, возраста, места жительства и работы, начала заболевания, даты госпитализации, исхода болезни. В связи с отсутствием с собой первичных материалов на большинство вопросов было невозможно дать ответ. Эту позицию американская сторона приняла с пониманием.

Оценка американской стороны визита советской делегации

До визита советской делегации из-за спланированной пропагандистской кампании в разных слоях американского общества, включая окружение президента, вспышка заболеваний сибирской язвы среди жителей Свердловска в 1979 г. неизменно ассоциировалась только с аварией при производстве бактериологического оружия.

В результате выступлений советских специалистов и появившихся публикаций в американской прессе эта абсолютная уверенность оказалась в значительной степени поколебленной. Несмотря на некоторое недоверие к представленным материалам со стороны отдельных сотрудников разведки и военных кругов США, общий тон газетных сообщений подчеркивал обоснованность советской позиции о пищевом происхождении заболеваний сибирской язвой и о необходимости пересмотра ранее сделанных американской стороной утверждений по этому вопросу.

Одновременно американская сторона предупреждала о невозможности ожидать официального опровержения прежних утверждений со стороны действующей администрации США. Во-первых, это наносит определенный и значительный моральный ущерб администрации, что чрезвычайно опасно в условиях проходящей сейчас предвыборной кампании. Во-вторых, аргументы, полученные на основании материалов по Свердловску, были решающими при возобновлении научной программы по совершенствованию разработок бактериологического оружия в США (по сообщению американской стороны, на эти цели за последние пять лет ассигнования увеличились в пять раз). После признания этих аргументов несостоятельными неизбежно встанет вопрос, что делать с начатыми разработками и почему нерационально были потрачены администрацией деньги налогоплательщиков.

Рассматривая результаты визита, следует согласиться с американской оценкой и признать, что в существующих условиях большего делегация за 8 дней пребывания добиться не могла.

Целесообразные последующие мероприятия в будущем

Можно ли в настоящее время окончательно закрыть «свердловский вопрос»? Решающее значение в достижении этой цели может сыграть совместная советско-американская публикация по анализу клинических, патологоанатомических и эпидемиологических материалов. Публикация даже на английском языке

только советских авторов будет гораздо менее убедительна.

Поэтому делегация в целом позитивно прореагировала на предложение американской стороны рассмотреть возможность подготовки совместной монографии на русском и английском языках и ее опубликования в США. При этом, вероятно, денег, выделенных фондом Маккартура (50 тысяч американских долларов) на поддержание контактов и необходимых исследований по Свердловску, не хватит. Американская сторона с возможной помощью Щелокова будет пытаться получить на эти цели необходимые средства из фонда Фогарти.

Предполагается, что американские эксперты могли бы в конце лета — начале осени 1988 г. посетить СССР и ознакомиться с сохранившимися материалами по свердловской вспышке. Советская сторона к этому времени попытается собрать все имеющиеся материалы. При этом сохраняется желание посетить американскими экспертами г. Свердловск.

Представляется необходимым, начав работу над рукописью во второй половине 1988 г., завершить создание книги для передачи ее в издательство в августе 1989 г. Книга будет содержать текстовую часть с отдельными иллюстрациями и в качестве приложения полный набор имеющихся материалов вскрытия, гистологии и т.д. в виде атласа цветных фотографий.

Введение к книге предлагается написать Мезельсону. Он предлагает, что для этой работы в качестве соавторов возможно будет пригласить генерального секретаря Пагоушского движения Каплана, послов США по вопросам разоружения Ленарда или Флориды, а от СССР — Виктора Израэляна.

В качестве американских экспертов, которые приедут в СССР, будут выбраны 2–3 человека из следующего списка: Альбрик и Брахман (как главные кандидаты), Лангмур, Мерфи (CDC) (если последний не сможет, то возможно кто-то из его старших сотрудников), Бернард Дэвис — профессор микробиологии из Гарварда. Список кандидатов в эксперты может неожиданно увеличиться, если директор НИИ доктор Фаучи (это очень влиятельный в настоящее время человек в окружении высшего эшелона администрации) захочет, чтобы его представители тоже участвовали в этой работе. Такое же положение и с профессором Гендерсоном (бывший руководитель Всемирной программы ликвидации оспы — ныне декан Балтиморской школы гигиены и здраво-

охранения им. Дж. Хопкинса), и с участием военных (возможная кандидатура — Хуксвел).

В связи с поднятыми вопросами возможна инициатива Мезельсона созвать во время Пагоушской встречи в августе 1988 г. в районе Сочи рабочее совещание 3–4 представителей США и такого же числа от СССР для обсуждения рабочих аспектов дальнейших мер по укреплению доверия и развенчиванию свердловской вспышки.

Если дальнейшие меры по окончательному закрытию свердловского вопроса будут одобрены, необходимо подготовить следующие материалы.

1. Списки больных с указанием необходимых данных: пол, возраст, место жительства и работы, состав семьи, даты заболевания, госпитализации и исход.

2. Подготовить список из нескольких выживших заболевших и нескольких членов семей умерших для их возможной встречи с американцами и возможного медицинского обследования переболевших по согласованной программе.

3. Карту Свердловска с разнесением заболевших по территории города. На карте указать расположение больницы, свалок, где находили мясо, кладбища, шахты и остальной эпидинформации.

4. Карту области с расположением деревень, где были больные животные, завода по производству мясокостной муки, мест выставления кордонов ГАИ и другой дополнительной информацией.

5. По возможности оригиналы историй болезни и протоколы вскрытий умерших.

Для выполнения такой работы целесообразно организовать рабочую группу, задачей которой будет тщательная подготовка всех необходимых материалов.

Все контакты по этому вопросу с американскими представителями или представителями других стран желательно осуществлять при использовании материалов, согласованных с группой.

В случае прекращения позитивно начавшихся контактов по вопросу Свердловска можно с большой долей вероятности ожидать возобновления использования западными странами заболеваний людей в 1979 г. в откровенно пропагандистских политических целях. Достигнутый положительный результат работы делегации не сможет предотвратить возможные отрицательные

последствия прекращения контактов, и впоследствии результаты визита будут извращены в угоду политическим целям.

Именно поэтому следует предпринять все возможные меры для максимального выполнения предложений американской стороны, что позволит полностью снять «свердловский вопрос» с обсуждения.

*Акад. АМН СССР П.Н. Бургасов
Чл.-корр. АМН СССР В.Н. Никифоров
Докт. мед. наук В.И. Сергиев*

Используя те же известные данные, касающиеся сроков и мест регистрации заболевших, инкубационный период, а также официальные метеосводки по Свердловску того времени, известные ученые Станислав Вениаминович Петров и Михаил Васильевич Супотницкий опубликовали статью «Биологическая диверсия на Урале, штаммы сибирской язвы из ЮАР и Северной Америки убили весной 1979 года почти полсотни советских граждан» (Наука. 2001. № 5. 23 мая).

Эта статья мгновенно стимулировала активность корреспондентов, пытавшихся объяснить свершившуюся трагедию выбросом аэрозоля возбудителя из лабораторий военного института, расположенного в Чкаловском районе. Авторы статьи, приняв распространяемую апологетами лжи о «свердловском выбросе» версию ингаляционного заражения людей, объяснили, что множество возникших очагов и продолжительность этой вспышки заболевания (более 1,5 месяца) при инкубационном периоде заболевания, равном 2–3 суткам, не могут быть вызваны однократным выбросом аэрозоля из одной географической точки. Очаговость заболеваемости сибирской язвы в Свердловске в 1979 г. и растянутость самой вспышки во времени могут быть объяснены только многократным выбросом спор сибирской язвы в различных районах города. И еще пару убийственных для лгунов моментов они отметили в своей статье. Во-первых, штаммы возбудителя сибирской язвы, обнаруженные американскими учеными в секционном материале умерших людей, на территории нашей страны никогда не встречались; во-вторых, и, пожалуй, это самое главное — «Голос Америки» за несколько дней до установления предварительного диагноза «сибирская язва» (10 апреля) известил весь мир 4 апреля, что в результате выброса спор военным

городком № 19 в городе «погибли сотни людей» («Комсомольская правда». 1991. 20 ноября). Так вот откуда появилась эта ложь о «свердловском выбросе». Следовательно, вспышка сибирской язвы в Свердловске была одновременно результатом бактериологической диверсии, совершенной в разгар холодной войны, и информационным террором и не нуждается в определении ее организаторов и исполнителей. Тут все ясно.

Сообщение о характеристике выделенных штаммов стало шоком для многих, особенно американских, средств массовой информации, поскольку это совпало с периодом подготовки нападения США на Ирак и запланированной подготовкой к иммунизации американских войск химической (американской) вакциной, которая вводится пациентам пятикратно и не создает должного иммунитета. Само совершение «свердловской диверсии» свидетельствует о возможности в любой момент на фоне нагнетания психоза в средствах массовой информации подвергнуть страну военной атаке (1991 г. — Югославия) или причислить к странам-изгоям и обосновать необходимость нанесения по ней ядерного удара.

Учитывая, что отечественные представители средств массовой информации, ознакомившиеся с материалами С.В. Петрова и М. Супотницкого, сейчас умолкли, не слышно даже их лидера Льва Федорова, мне остается необходимым ответить только иностранцу — господину Питеру Гамбелу, заведовавшему московским отделением «Уолл Стрит Джорнелл», опубликовавшему статью, касающуюся свердловских событий.

Господин Питер Гамбел!

Своей статьей «Трагическая случайность или утечка биооружия?» («Известия». 1991. 30 декабря) вы возвращаете меня к трагическим событиям в Свердловске в апреле–мае 1979 г. Тогда группа в составе главного эпидемиолога РСФСР профессора И.С. Безденежных, главного инфекциониста республики чл.-корр. АМН, профессора Н.В. Никифорова с помощниками, моего сына — инфекциониста, кандидата медицинских наук С.П. Бургасова прибыла в Свердловск на второй день после регистрации первых случаев заболевания. Мы находились там до конца вспышки. Сейчас я отвечаю один: моих близких товарищей, выполнивших свой исключительно ответственный долг по

защите людей от возможного заболевания, а заболевших — от смертельного исхода, уже нет в живых. За период с 4 апреля по 17 мая 1979 г. в Свердловске заболели сибирской язвой 96 человек, из которых 64 умерли. Среди выздоровевших были и больные кишечной формой болезни, которым была проведена интенсивная терапия в первые часы заболевания, и больные кожной формой, которая возникла у людей при разделке туш больных сибирской язвой животных.

Вы помните, господин Гамбел, что после многочисленных публикаций в Англии и США, трактовавших трагедию в Свердловске как результат утечки биологического оружия, в 1960 г. в США была создана группа из представителей Комитета начальников штабов, Национального совета безопасности и Государственного департамента. В работе группы приняли участие известные эксперты-ученые, такие, как доктор Филипп Брахман и Атланты — ведущий в США специалист по сибирской язве, Джошуа Ледебер — президент Рокфеллеровского университета, Полл Дет — профессор биохимии Гарвардского университета, и профессор Мэтью Мезельсон — руководитель отдела Гарвардского университета.

После всесторонних обсуждений имевшихся материалов группа пришла к заключению о невозможности установления истинных причин возникновения свердловской трагедии. В этой связи следует особо отметить последовательную и настойчивую инициативу в расследовании произошедшего доктора Мэтью Мезельсона, который после нескольких посещений нашей страны и продолжительных бесед с И.С. Безденежных, В.Н. Никифоровым и со мной высказал настойчивую просьбу о посещении нами США для всестороннего рассмотрения собранных по свердловской вспышке данных совместно с американскими учеными.

Эту информацию, господин Гамбел, я излагаю с целью внесения ясности о причинах нашего посещения США. Мы не совершили в стране каких-либо действий, требующих раскаяния или оправдания. Мы не имели также никаких полномочий «урегулировать американо-советский спор по вопросам контроля над вооружениями», как утверждаете вы в рассматриваемой статье.

Второе замечание касается вашего утверждения, что наша «версия отличается непоследовательностью, изобилует примерами полуправды и откровенной лжи». Эту ложь, в частности,

вы усматриваете в том, что в Арамиле якобы по нашему утверждению был мясокомбинат. А кто это утверждал? Ваши термины, господин Гамбел, — «полуправда», «ложь» — не могут быть использованы мною в оценке вашей статьи. Поймите, было бы несправедливо обвинять человека во лжи, когда он не знает, о чем пишет, и главным действующим лицом, опровергающим наши выводы и заключения, выставляет человека «в кепке и резиновых сапогах», который от удивления «на минуту потерял дар речи» — директора комбината хлебопродуктов Мартынова.

Вы, господин Гамбел, утверждаете, что «все жертвы, о которых мне удалось узнать, жили или работали в непосредственной близости к этому объекту» — речь идет о военном объекте. Почему же вас в данном случае не удивляет то обстоятельство, что ни один житель военного городка (около 2 тысяч человек), как и никто из личного состава военнослужащих, несших охрану, действительно работавшие и жившие «в непосредственной близости к этому объекту», не заболел сибирской язвой?

Вы, господин Гамбел, с удивлением спрашиваете: «Если эпидемия действительно вызвана зараженным мясом, то почему КГБ так старательно скрывал все факты?» А какое отношение КГБ имел к инфекционной заболеваемости людей в стране? Как журналист, интересующийся этими проблемами, вы не можете не знать, что в тот период Минздрав СССР не опубликовывал сведения о заболеваемости людей особо опасными инфекциями, к которым относится и сибирская язва. Напоминание о КГБ сейчас, конечно, модно, как и напоминание о брежневских временах, когда, как вы пишете, «частные фермерские хозяйства вызывали активное неприятие в Советском Союзе». Этих «фермерских хозяйств», господин Гамбел, у нас не было. Речь идет о колхозниках, которые, кроме колхозного, имели свой частный скот. Он не обслуживался колхозом, не обеспечивался им кормами, которые владелец приобретал на стороне, в частности в торговой сети.

В заключение статьи вы, господин Гамбел, пишете, что я, «ныне пенсионер, живущий на даче в Подмоскowie, отказался комментировать этот и любые другие факты, поднятые в этой серии статей». Как врач, я допускаю большую фантазию, но и она имеет предел. С вами, господин Гамбел, я не встречался и не разговаривал (я не знаю английского языка). Был только один телефонный звонок женщины, которая спросила, могу ли я встретить-

ся с американским корреспондентом по вопросам, касающимся Свердловска. Я ответил, что исчерпывающие материалы по этому вопросу сохранились в США, в статьях корреспондентов, присутствовавших на наших встречах с американскими учеными и в записях наших дискуссий. Других сведений у меня нет.

За время пребывания в США в 1988 г. мы выступили с докладами и приняли участие в их обсуждении в Национальной академии наук (Вашингтон, 11.04), в Школе гигиены и здравоохранения (Балтимор, 14.04) и в Американской академии наук и искусств (Кембридж, 15.04). В качестве комментаторов по нашим докладам выступили известные ученые Лангмур и Брахман, директор эпидемиологической службы CDC Мерфи, политический обозреватель Сетейнбрукнер, профессор медицины Гарвардского университета Касс, президент Рокфеллеровского университета Ледеберг, профессор Рич, заведующий инфекционным отделением Бостонского госпиталя Вильсон. Среди приглашенных были корреспонденты «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Балтимор Сан», «Бостон Глоб», «Нечур-Сайенс», «Нью Сайенс». Общий тон выступлений был позитивным, подчеркивались открытый и объективный характер изложенных в докладах сведений, его огромная важность для мировой науки. Профессор Сэбин, подаривший человечеству полиомиелитную вакцину, спасающую миллионы детей от тяжелого заболевания, в своем выступлении подчеркнул, что необходимость настоящего обсуждения свердловской трагедии порождена обстановкой недоверия между нашими странами, когда даже несчастье может вызвать подозрение. Эту мысль развил Хуквел (Пентагон), подчеркнувший, что борьба с «вирусом недоверия» идет интенсивно, иллюстрируя эту мысль успешной встречей экспертов по бактериологическому оружию в Женеве в 1987 г., в которой мы принимали участие, обсуждавших конвенцию по запрещению этого оружия.

В итоге обсуждений было сделано предложение об издании в США монографии о свердловской вспышке на английском и русском языках. Такая монография была подготовлена мною совместно с В.Н. Никифоровым, но в связи с безвременной кончиной этого замечательного специалиста, друга и товарища не была отправлена. В этом я чувствую свою вину перед Мэтью Мезельсоном, который был инициатором такого издания.

Не считая возможным объяснять или опровергать каждый абзац статьи «Трагическая случайность или утечка биооружия?», что привело бы к необходимости описывать все детали этой обстановки, а также учитывая желание редакции газеты «Известия» «в ближайшее время вернуться к таинственной истории», я хотел бы просить вас воспользоваться статьей Элиота Маршалла «Свердловск — столица сибирской язвы», в которой Барбара Сейдерс из бюро агентства по разоружению сообщила: «У нас нет причин исправлять нашу позицию. Есть свидетельство, что в Свердловске умерли гораздо больше, чем 64 человека и что смерти явно были результатом утечки биологического оружия, но эти доказательства секретны». Вот так, господин Питер Гамбел, — не там ищите. По-видимому, у госпожи Барбары Сейдерс есть основания скрывать эти секреты — это дело женское.

Чтобы завершить изложение вопросов, относящихся к биологическому оружию, необходимо остановиться на статье В. Орента «Утечка из Москвы» (*The Science*, 1998, May/June). В памяти соотечественников, особенно старшего возраста, остались следы негативного отношения к действиям американского правительства — ядерной бомбардировке мирного населения Хиросимы и Нагасаки, вывозу к себе не для осуждения, а для использования японских специалистов по бактериологическому оружию (1945), нападению на Вьетнам и позорному бегству из него (я был свидетелем этих событий), ничем не обоснованной бомбардировке мирного населения Югославии, вторжению с усиленной бомбардировкой в Ирак с целью поиска оружия массового уничтожения. Ищут то, что сами уже использовали в Свердловске в 1979 г., распыляя в разных местах Чкаловского района споры сибирской язвы и прикрывая свои преступления мифом об утечке биологического оружия из военного городка № 19.

Автор статьи основывает свои суждения на мнении Питера Б. Ярлинга, «известного вирусолога и научного сотрудника института инфекционных болезней армии США в Форт-Детрике», а также на суждениях воришки Алибекова, утащившего в США секретные документы. «Старший правительственный аналитик, с которым я беседовал, — сообщает Ярлинг, — утверждал, что он видел совершенно секретное разведывательное донесение, основанное на сведениях очевидца, в котором говорилось, что русские уже разработали вакцинорезистентные штаммы вируса

оспы и использовали их на заключенных». Автор статьи напоминает нам, что на 30 июня 1999 г. была «назначена публичная экзекуция» по поводу выполнения сроков уничтожения вируса оспы, хранившегося в Советском Союзе и в США. Однако этого не произошло. «Почему, когда иллюзия об искоренении этой болезни разбивается вдребезги, когда тонны смертельного вируса, как представляется, хранятся в России и, возможно, в полдюжине других стран... официальные лица сопротивляются его уничтожению». Против такого уничтожения, автор знает, выступают и многие американцы, однако он заключает: «Это официальное уничтожение запасов вируса оспы заставляет такие страны, как Россия, отказаться наконец от закоренелой приверженности к убийству». Автор статьи пишет, что «точно так же, как Хиросима навсегда разрушила веру в то, что человечество не сможет уничтожить себя, новости о советском исследовании по биологическому оружию развеяли одну из самых больших надежд этого столетия, а именно заветную мечту о том, что человечество совместными усилиями сможет навсегда избавиться от боязни».

Господин В. Орент!

Вы не располагаете никакими новостями о биологическом оружии. Может быть, вы и вирусолог Ярлинг умышленно ссылаетесь на высказывания дикаря в науке — Алибекова, «второго человека по разработке бактериологического оружия в России», и делаете это только для того, чтобы измышления, излагаемые вами, при случае возложить на этого жулика. Неужели среди вас — американских ученых, нет никого, кто бы назвал запасы вируса оспы в России в тоннах больной фантазией?

В статье «Утечка из Москвы» нет ни одного слова уважения или солидарности, относящегося к советским, российским ученым, к их правительствам. Как известно, оспа в мире ликвидирована по инициативе наших ученых, нашими средствами (безвозмездной поставкой оспенной вакцины), активным участием наших специалистов. Я хорошо знаю и ценю доктора Дональда А. Гендерсона, я был членом комитета ВОЗ по ликвидации оспы, видел награды, полученные доктором Гендерсоном от японского правительства, он их заслужил. Но спросите доктора Гендерсона, смог ли бы он так эффективно осуществлять программу ликвидации оспы без участия профессора Светланы Сергеевны

Маренниковой и группы наших специалистов? К сожалению, то, что разумно сделало японское правительство, наше руководство не заметило, никто из наших специалистов, работавших по программе ликвидации оспы и обеспечению этой программы поставкой доброкачественной оспенной вакцины, никто не был отмечен за этот великий гражданский, медицинский подвиг.

В нашей стране был издан доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1995 г. под общей редакцией господина Иванова. В аннотации к этому докладу сказано, что Организация Объединенных Наций ежегодно издает национальный и мировой доклад о развитии человеческого потенциала. Обзорение ситуации, сложившейся в России, впервые было предпринято в 1995 г. Коллективный труд группы российских специалистов увидел свет недавно в Нью-Йорке на английском языке. Именно эта работа теперь и публикуется в авторизованном переводе на русский язык. Она — плод совместных усилий бюро проектов программы развития ООН и Российской Федерации и издается в академии. Доклад наверняка будет интересен научной общественности, работникам госучреждений, организаций и предпринимателям. Да, конечно, он вызывает определенный интерес, у меня — в силу некоторой заинтересованности вопросами, которые в нем изложены.

Прежде всего о названии доклада. Он назван «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации в 1995 г.». Название доклада вряд ли отвечает его содержанию, поскольку речь в нем идет не о развитии, а об угасании этого потенциала. В предисловии заместитель министра иностранных дел РФ Мамедов пишет: «Хотя в докладе дается печальное состояние некоторых сторон жизни российского общества, особенно в области здравоохранения, в нем не обойден и достигнутый прогресс». В чем заключается этот прогресс, Мамедов не сообщает. Возможно, он имеет в виду появление и процветание новой прослойки общества, беспрепятственно торгующей естественными богатствами страны и накоплениями, созданными многолетним трудом нашего народа.

Доклад написан 15 авторами и таким же количеством приглашенных специалистов. Конкретные исполнители, авторы каждого раздела доклада, не указаны. Он содержит семь глав. Четвертая

посвящена здоровью населения и, естественно, состоянию здравоохранения. В кратких сведениях о Российской Федерации на четвертой странице сообщается, что 86% населения России составляют славяне, в основном русские, а также украинцы и белорусы. Авторы этих сведений, по-видимому, не случайно подчеркивают доминирующее положение в нашем обществе этих национальностей, имея в виду возможность всю ответственность за трагедию нашего развития возложить именно на них, поскольку в этих «кратких сведениях» излагается история России начиная с 1917 г.

Автор мог бы указать национальный состав правительства того времени, Совнаркома, который не претерпел серьезных изменений и сегодня. Автор или авторы не могут не знать, что русских в том правительстве из 22 человек было только трое, в том числе Владимир Ильич Ленин. Они даже помнят, что представители этого правительства уничтожили Николая II и его семью, распространив через средства массовой информации версию, что это преступление совершено русским народом. Разве не странно звучит надпись на памятнике Николаю II, воздвигнутому в Подмоскovie: «Покаяние русского народа»? Может быть, такую надпись высечь на могиле известного в России Столыпина?

Эту тему не следует дальше продолжать, чтобы не раздражать представителей средств массовой информации, занятых восхвалением появления на политической сцене крупных деятелей, бизнесменов и миллионеров, в том числе таких, как Березовский и другие. Кто он такой, Березовский?

Поскольку в статье речь идет о развитии человеческого потенциала, а значит, о развитии человека, его способностей, условий его материальной и духовной жизни, необходимо для начала привести лишь выдержки из раздела первой главы на странице девятой, которая в основном характеризует это развитие. Там написано: «Все статистические показатели свидетельствуют о негативной динамике, иллюстрируют резкое падение уровня жизни, тревожные демографические тенденции, рост преступности и в целом говорят о распаде социального организма». Если это утверждение подчеркнуть только одной трагической чертой нашей жизни, сокращением ее продолжительности и увеличением смертности над рождаемостью, что ведет к физическому исчезновению основного славянского народа России, русских, украинцев, белорусов, то итог

развития человеческого потенциала в Российской Федерации очевиден.

Несколько замечаний возникает и при ознакомлении с четвертой главой доклада «Здоровье населения». Поскольку доклад посвящен развитию человеческого потенциала, здоровью человека и системам обеспечения этого здоровья, такая глава должна находиться в числе первых. Однако это формальность. Главное заключается в том, что причинами, определившими ухудшение здоровья человека, автор считает долгосрочные демографические процессы, за какой период — неизвестно, нынешний социально-экономический кризис, усиливающийся неэффективностью системы здравоохранения в стране. Почему появилась такая неэффективность, автор статьи не пишет. Он не скрывает свое отношение к прошлому, отмечая, что оно было достигнуто десятилетиями советского режима. Как известно, при этом советском режиме законом были введены бесплатное медицинское обслуживание, ежегодная диспансеризация, строгая и объективная информация с мест обо всех нарушениях, приводящих к ухудшению здоровья, обязательная по медицинским показаниям иммунизация населения, особенно детского, вакцинами отечественного производства. Отечественная коревая вакцина, например, экспортировалась во многие страны мира, а использованием оспенной отечественной вакцины практически была ликвидирована оспа в мире.

Совершенно мне непонятно вступление автора статьи к разделу «Заболееваемость». «Сообщаю читателям, что общая заболеваемость, включая и инфекционные болезни, не была подвержена "сильным колебаниям", за исключением респираторных заболеваний, число которых значительно снизилось». К такой группе болезней автор относит респираторные заболевания, а значит, грипп. Однако в данном случае заболеваемость смешивается с обращаемостью. Разве не ясно, что обнищание людей в годы перестройки привело к тому, что жители России не обращались к врачу в случае недомогания или повышения температуры тела? Раньше в режимный период такие пациенты не оставались без внимания.

Странно также звучит утверждение автора о том, что данные волны смертности среди мужчин, родившихся в 1930–1940 гг., объясняются хрупкостью здоровья, обусловленного «суровыми годами Второй мировой войны». Что же тогда можно сказать о

хрупкости здоровья мужчин, родившихся в 1915–1930 гг., перенесших ужасы гражданской войны и продолжительного голода?

Говоря о развитии человеческого потенциала, нельзя забывать о месте медицинской науки, ее авторитете среди здравоохранения многих стран мира. Не случайно Всемирный конгресс по здравоохранению состоялся в Алма-Ате. Не случайно также, что инициатива и осуществление кампании по ликвидации оспы в мире принадлежат отечественным ученым. Руководство Всемирной организации здравоохранения, особенно в период управления Кандау, не обходилось без консультации с отечественными учеными и руководителями здравоохранения. К нам приезжали все, кто считал необходимым получить представление о более совершенном, чем в других странах, здравоохранении. Многие наши специалисты занимали руководящие посты в этой серьезной организации. В настоящее время, как известно, мы ждем приезда специалистов из Женевы, мы забыли свое прошлое.

Остается несколько вопросов. Почему предисловие изложено представителем Министерства иностранных дел, а не культуры, образования или здравоохранения? Для какой цели, сообщая об обычной инфекционной заболеваемости, автор пишет о СПИДе: «Потрясающие новости для гомосексуалистов. Подумать только, за десять лет эта чума двадцатого века унесла в нашей стране в могилу 139 человек, из которых половина детей, зараженных по преступной халатности в больнице. Их действительно жалко». Кому нужна такая информация, напечатанная в английских газетах? Для чего такое издание? Мне кажется, оно вносит какие-то другие представления о нашем состоянии, дезинформирует людей, ученых, но все-таки коллектив-то очень крупный представлен в этих статьях, и как будто этим количеством хотят прикрыть безусловную ненужность такой информации, которая ничего не дает, подчеркивая только нашу нищету и пока немножко замедлившееся продвижение к упадку.

Кто познакомится с этим кратким описанием истории, может подумать, что автор, по-видимому, не знал другой жизни, кроме служебной, служебных отношений с людьми. Это не совсем так, да и вообще не так. Мы тоже имели личную жизнь в то время, которое сейчас всячески шельмуется, и говорят, что это был самый тяжелый период. Взять хотя бы студенчество. Не было субботы, чтобы во Втором Московском медицинском институте, в боль-

шом зале Педагогического института не было вечеров встреч. Я помню, в 1934 г. во время танцев появились молодые люди и стали говорить, что они являются представителями горкома комсомола и удивлены тем, что у нас на танцах исполняются только старинные вальсы, «Коробочка», еще что-то, но ни одного западного танца. Мы опешили, потому что это впервые прозвучало, что нам нужны западные танцы. Нам сказали, что их везде уже танцуют, эти танцы пробивают себе дорогу, а вы, студенты, сидите и на старых своих образцах проводите жизнь. Начали работать у нас кружки по западным танцам. Там были всякие преподаватели, а в большинстве случаев люди, которые хотели просто заработать. Я на эти кружки не ходил, но я очень любил танцы, и меня в институте больше знали с других курсов девочки как танцора и спортсмена, а не как студента, который хорошо учился.

Забегая вперед, могу сказать, что, когда узнали, что я кончил с отличием Второй Московский медицинский институт, не могли поверить, как этот человек с веснушками, высокий, известный танцор и спортсмен, вдруг, оказывается, хорошо учился. Это было так.

Начались западные танцы, они нравились всем, ну и мы, конечно, увлекались девушками, а чтобы танцевать на вечерах, нельзя было выходить в лыжных костюмах. Надо было как-то зарабатывать, а стипендия в 25–30 рублей не позволяла ничего делать, кроме того, что кушать на завтрак винегрет, выпить где-то чашку чая, а может быть, кружку пива с сосисками.

Однако в это время в стране очень широко проводилась работа по воспитанию населения в плане готовности к санитарной обороне. Были кружки ГСО первой и второй ступени — «Готов к санитарной обороне». Ну, естественно, мы как студенты знали основы медицинской практики и оказания медицинской помощи и подключились к этой работе. Я вел два кружка: один — ГСО первой ступени, второй — ГСО второй ступени. За кружок по ГСО первой ступени я получал 150 рублей, а за второй — 250 рублей. Эти кружки, как правило, были рассчитаны на 1–2 месяца преподавания, и в конце концов после окончания занятий накапливалось примерно 400 рублей. Это было так, но была и другая проблема, к которой я, в частности, подключился. Однажды меня пригласили в Дом санитарного просвещения — тогда он находился на улице Герцена в Доме медицинского работника — с просьбой,

чтобы я прочел какую-то лекцию. Я спросил: «А в чем дело?» Они сказали, что до них дошли слухи, что я обладаю способностью выступать перед аудиторией, и поэтому им лекторы нужны. Я спросил, какие темы их интересуют. Они сказали: «Да мы сейчас вам покажем». Они показали экран, на котором был запечатлен санитарный самолет У-2 на аэродроме. Я начал с того, что это такой-то самолет, такой-то конструкции, используется для таких-то целей. Они меня прервали и сказали: «Достаточно. Вы нам подходите. Через несколько дней заходите, чтобы получить путевку для лекций, а лекции будут называться "Будущая война и задачи РОККа — Российского общества Красного Креста"». Для меня эта была новая проблема. Тогда у нас с Германией были сложные отношения, готовились к войне очень серьезно, и нужно было основательно готовиться к лекциям. Я этим занялся, читал литературу... Самое главное, что лекции на эту тему на предприятиях мы читали в обеденный перерыв. Одна лекция стоила 45 рублей. И вот, получив путевки на какой-то завод по нескольким цехам, приезжаешь в дирекцию или в местком, обращаешься, что вот, лекция и так далее, получаешь ответ, что обеденный перерыв во всех цехах в одно и то же время, и если мне будет удобно, они эти цеха соберут в одном месте, а мне напишут, что все цеха охвачены этой лекцией. Было здесь, конечно, небольшое жульничество с моей стороны. Ну как не согласиться, когда я спокойно выполнял свои функции, но за это получал уже не 45 рублей, а 45 рублей, умноженные на три.

Я читал эти лекции, деньги у меня скапливались, и, конечно, возникла необходимость приобрести костюм. И вот в ГУМ поступил материал для костюмов. Я стоял в очереди, успел взять материал — 3,5 метра по 55 рублей за метр. Это был серый материал в полоску, очень красивый, но 55 рублей это невысокая цена, когда хороший материал стоил 100–150 рублей. Я этот материал взял и стал искать не обычные мастерские, они меня не устраивали. Я решил найти портного. И друзья мне подсказали, что у Красных ворот в переулке работал один частник, пожилой еврей, который очень хорошо шьет. Это замечательный, душевный человек. Я к нему пришел, он снял с меня все мерки и сказал: «Дня через четыре будет примерка, зайдите, а дней через пять будет готов костюм». Я не стал спрашивать, сколько стоит пошив костюма, потому что деньги у меня были. Он за пять дней сшил мне костюм, и я ему заплатил за пошив 450 рублей, большие деньги, но самое-то главное,

когда я появился в этом костюме в институте на танцах, никто не проходил мимо без того, чтобы не обратить на меня внимание. Это доказывало, что костюм действительно великолепный, хотя никто не знал, сколько он стоит на самом деле.

Это студенческие годы. Ну и, конечно, в это время мы увлекались девушками. Я не говорю, как это происходило, во всяком случае, это не то, что сейчас показывают по телевидению в зарубежных фильмах, когда при первых же встречах начинаются поцелуи, и, главное, не он, а она с него начинает снимать рубашку, а потом он с нее стаскивает кофточку и начинается любовь. Такой «любви», поверьте мне, у нас никогда не было. Мы даже не представляли себе такую «любовь». Мы танцевали, беседовали. Уже в пожилом возрасте, перед уходом на пенсию, я получил одно письмо из Ленинграда. В этом письме женщина меня спрашивает: «Не вы ли тот Петрович, который выступал всегда по телевидению по профилактике гриппа?» Действительно, ежегодно мне приходилось такие выступления делать. Я узнал почерк этой женщины. Это была очень симпатичная, красивая девушка в прошлом, Шура. И вот, представьте себе наши отношения и наши взаимные чувства друг к другу. Однажды с Погодинки до Смоленской площади по Садовому кольцу через Крымский мост, Парк культуры и отдыха, территорию Нескучного сада и обратно пешком мы с этой Шурой прошли, и я ее проводил до дома, она жила около библиотеки Ленина, к десяти часам вечера. С десяти утра двенадцать часов мы были вместе, находили, о чем говорить. Никаких шалостей и пошлостей у нас не было. Мы очень уважительно относились друг к другу и интересовали друг друга. Мне казалось, что это чувство будет усиливаться дальше и все будет хорошо. Однажды мы договорились потанцевать в кинотеатре «Ударник». Танцы там начинались после последнего сеанса кино, это было примерно в 11 часов вечера. Я жил на Якиманке в общежитии. Недалеко было дойти до кинотеатра «Ударник». Приготовился, пришел на Каменный мост, стал ожидать Шуру. Я прождал лишний против назначенного времени час, но Шуры не было. Наконец, я услышал вдали ее голос и смех и мужские разговоры. Она шла в компании ребят. Меня это тогда обидело. Я ушел с моста, не дождавшись ее. На второй день написал письмо, чтобы она вернула все мои письма, и моя фотография у нее была. На том мы с Шурой расстались. И вот эта Шура вспомнила меня, когда увидела по телевидению.

Я ей ответил: «Да, я тот Петрович. Я очень признателен, что у вас сохранилась еще память о тех незабываемых юношеских днях».

Ну и, наконец, были у нас очень серьезные друзья и знакомые. Крупный ученый, руководитель медицинской науки. Это О.В. Бароян. Кто его не знал в Союзе? Его знали все. Его знали за рубежом, он даже выезжал с лекциями в ленинские дни в Швейцарию, он хорошо владел английским языком. Он был директором института им. Н.Ф. Гамалеи в последние годы. И вот на свое 70-летие он устраивает банкет в ресторане «Россия», причем не только приглашает своих близких знакомых, но и выдает письменное приглашение каждому, кто заходит к нему в кабинет, встречается с ним на улице и здороваётся. Он всем давал приглашения. Более того, когда уже банкет начался и люди заглядывали в этот ресторан, он их приглашал, сажал за столик. Подавались закуска и спиртное. Коротче говоря, стоило это тогда, по словам юбиляра, 12 тысяч рублей. А что такое 12 тысяч рублей? Это очень хорошая легковая машина, а может быть, даже и больше. Однако не в этом дело.

Оганес Вагаршакович ждал высокой награды. Он знал, что представлен к званию Героя Социалистического Труда, но нашлись люди, я не хочу их называть, некоторые из них и сейчас живы, которые вмешались в это дело, и когда уже был подготовлен указ Верховного Совета о присуждении ему звания Героя Социалистического Труда, заменили эту награду на обычный орден.

Оганес Вагаршакович узнал об этом уже на банкете, но вида не подал. Банкет вел конференсье Петросян, ныне здравствующий. Он был тогда еще молодым человеком и интересно вел всю программу вечера. И вот, когда Бароян узнал, что он уже не представлен к Герою, на него так это подействовало, что он через несколько дней слег и больше не поднимался. Он ушел из жизни.

Ну, еще я могу сказать следующее об Оганесе Вагаршаковиче. Он многие годы работал в Иране. Я знал его уже пожилым, а в молодости — я видел фото — это был исключительно красивый человек, правда небольшого роста.

Он установил очень хорошие, наверное, близкие отношения с сестрой шаха Ирана. Узнав об этом, шах Ирана настоял, чтобы Оганес Вагаршакович Бароян покинул Иран. Он уехал. В войну отношения с Ираном у нас были натянутые, потому что шах Ирана колебался, какую сторону принять — Гитлера или нашу, и когда почувствовал, что наше наступление стало развиваться и, навер-

ное, Советский Союз все-таки одержит победу, он прислал в Москву свою сестру с подарком для Сталина. Она нашла Барояна, который должен был ее сопровождать. Он добился этого приема и лично мне рассказывал, как все это происходило.

Иосиф Виссарионович принял их поздно вечером, сел с ними вместе за стол. Сестра шаха достала очень богатую табакерку, инкрустированную драгоценными камнями, и сказала: «Вот это подарок от моего брата, шаха Ирана». Иосиф Виссарионович отодвинул подарок в сторону, позвонил Поскребышеву и сказал: «Заберите в музей». Тот забрал эту табакерку. Разговор был всего минут пять, может быть, десять. Тогда Иосиф Виссарионович говорит, а Бароян переводит сестре шаха, что во многих странах, как и в России, очень много было руководителей государств, которые и до сих пор живут в сознании народа, и к ним «не зарастает народная тропа», о них помнят, но есть государственные деятели, о которых быстро забывают. «Пожалуйста, передайте это моему брату», — сказал, встал и ушел. Они долго еще сидели и ждали, что он вернется. Когда зашел Поскребышев, спросили: «А где же Сталин?» Он сказал, что тот уже уехал домой. Аудиенция закончилась.

Что касается личной жизни, нашего отношения к женщинам, то, наблюдая все, что происходит сейчас, эту непрерывную серию тяжелейших картин, где грязная любовь связана с убийствами и выстрелами, это ежедневное насыщение программы телевидения картинками американского и другого происхождения, это, конечно, угнетает нас, пожилых, но, наверное, в какой-то степени импонирует молодежи. Говорят, что сейчас молодежь не та, что была, что сейчас по-другому рассматривают эти вопросы, что по-другому рассматривают также вопросы, относящиеся к девственности, сами девушки. Вот недавно по телевидению я смотрел программу, где одна девочка, ей было 15 лет, сказала: «Мне надоело быть девственницей». И конечно, мы в душе возмущаемся, изменить мы ничего не можем, и это очень плохо.

У меня только возникает один вопрос. То, что человек — создание Бога и природы, не всем ясно. Мне неясно, потому что, когда я стал заниматься генетикой не по существу, а только по литературе, я был редактором журнала «Генетика, микробиология и вирусология». Я вдумался в суть всех процессов, происходящих в гене, а ген представляет собой частицу, которая только в тысячекратном увеличении видна под микроскопом, и если в этой

частице сосредоточивается наследственность, цвет волос, голос человека, цвет глаз, походка, поведение и так далее, то как можно в эту частицу, даже фантазируя, включить все эти свойства, которые передаются ребенку от родителей? Это невероятное, пока неизвестное явление. А с другой стороны, человек остается человеком. Как раньше, так и сейчас он не может жить без соли, сахара, белков, жиров, углеводов. Он должен все это употреблять, чтобы жить. Почему же в духовной жизни он меняет так свои вкусы, и человек, который созерцал природу и любовался ее достоинствами, стал подходить к этим вопросам совсем с других позиций?

Скажем, я люблю слушать некоторых певиц, например Аллу Пугачеву, именно слушать. Однако когда эта пожилая женщина появляется на эстраде с голыми, измененными возрастом ногами, я смотреть на нее не могу. Хотя многие пока восхищаются. Чем там восхищаться? В этих ногах уже нет женской красоты, и сейчас их нужно было бы закрыть платьем до пяток, ну а голос остается голосом, она хорошо поет. В то же время появление сейчас на сцене Эдиты Пьехи, красивой женщины преклонного возраста, прекрасно одетой, доставляет истинное удовольствие.

Так было и в наше далекое время. Если шла девушка или женщина, и у нее платье было выше колен, то на нее уже не смотрели. Платье всегда носили сантиметров на десять ниже колен. Вот это было платье. И мы по фигуре определяли, какая она стройная и какая у нее талия, это уже была мужская фантазия, но перед нами шла женщина, у которой закрыты были эти достоинства. Сейчас эти достоинства, я уже не говорю про фильмы, открыты абсолютно, причем нагло открыты, даже те, на которые неприятно смотреть. А раньше мы это воображали для себя сами, в этом находили удовольствие. И поэтому поцеловать женщину мы решились только тогда, когда к ней уже сформировалось определенное отношение, не случайность. Случайность, может, у кого-то была, но у большинства этой случайности не было. Вот это сейчас невероятно трудно нами переживается. Мы, старики, ворчим, ну а что от ворчания? Что от того, что мы сейчас долбим одно и то же, что это нельзя, что это развращает молодежь. Может быть, не нужно переживать?

Однако есть вещи, которые еще более серьезно сказываются на нашем обществе. Это закрытые школы, это люди, которые остаются безграмотными, это дети, которые остаются без роди-

телей, это бомжи, которые не имеют квартир и курсируют по городам, по поселкам, где только можно. И вот я, как эпидемиолог, представляю себе один момент. Если бы сейчас в страну, в Москву скажем, завезли сыпной тиф, это была бы невероятная трагедия, потому что вшивость в Москве среди бомжей поголовная, она и среди населения наблюдается, а в Москве, как известно, нет так много санитарных пропускников и дезинфекционных камер, где обрабатывается одежда от вшей. Все нужно будет создавать заново, как будто не было истории. А если уж говорить о других инфекциях, скажем, таких, как оспа, чума, то это было бы тяжелейшее происшествие, потому что сейчас при таком скоплении народа в городах, особенно в Москве, при таком движении и при такой, будем говорить, беспомощности органов здравоохранения в решении противозидемических мероприятий было бы трудно что-либо сделать и так бороться, как мы боролись раньше.

В этом году большим тиражом, в отличном исполнении издаются книги, посвященные нашему прошлому, а вернее грубому извращению нашего прошлого.

Проявилась активность таких писателей как Антонов-Овсеенко, по сообщению — сына расстрелянного революционера. Не стесняясь в выражениях, он лжет, характеризуя руководителей партии и правительства Советского Союза, и даже портрет Лаврентия Павловича Бери, помещенный на обложке этого издания, заранее определяет его содержание. Я и мой сослуживец полковник Сергей Алексеевич Морозов, занимавшиеся вопросами защиты войск и населения от ядерного, биологического и химического оружия, за семь дней до убийства (не ареста и расстрела) Лаврентия Павловича докладывали ему в присутствии Булганина и Маленкова о состоянии этих вопросов у нас и за рубежом, главным образом в США.

Я докладывал о материалах по защите от биологического оружия. Справа от Лаврентия Павловича сидел Маленков, с серым, землистого цвета лицом, опущенными веками, абсолютно равнодушный к содержанию наших сообщений, а слева — Булганин, оживленный, опрятно одетый, со сверкающими пуговицами на одежде, с розовым лицом, окаймленным совершенно белой бородой. Я последний раз видел Лаврентия Павловича — корректного, вежливого руководителя с чисто выбритым лицом и не снимаемым во время работы пенсне.

Озлобленность Антонова-Овсеенко, которую разделяют и помогавшие ему А.И. Кокурин, И.В. Левитан, С.Б. Шеболдаев и В.К. Ясный, отразилась в этой книге, по-видимому, потому, что сам автор продолжительное время находился в заключении. За какую провинность, он не сообщает, так же как и фамилии следователей и других лиц, которые имели прямое отношение к его аресту. Может быть, это дефект памяти, но он с ходу называет «фамильной книжонкой» содержательную книгу Серго Берия «Мой отец — Лаврентий Берия». Кто знает Серго Берия по прошлой деятельности, а таких людей осталось очень мало, кто знает его как профессионального, талантливого инженера, кто знает его исключительную дружбу с человеком эпохи — Курчатовым, тот с негодованием отвергнет ложь Антонова-Овсеенко.

Злобно разделавшись с Серго Берией, сомневаясь в искренности воспоминаний жены Берия, Антонов-Овсеенко принимает за генерала М.С. Докучаева. Его книгу «История помнит» 1998 г. автор именует «агрессивным невежеством» и обвиняет М.С. Докучаева в «откровенном антисемитизме», поскольку он «акцентирует внимание читателей на еврейском происхождении некоторых историков и писателей». Касаясь репрессий в аппарате НКВД, М.С. Докучаев писал: «То были, как правило, лица еврейской национальности, насажденные в органы Г. Ягодой и осуществляющие геноцид в отношении своих соотечественников». Может быть, Антонов-Овсеенко не знает, что все заместители Ягоды были евреями, получившими генеральские звания в 1936 г. Исключительно странным в наше время является то обстоятельство, что название человека по его национальности — чувашем, узбеком, грузином, русским и т.д. не считается преступлением, а назвать еврея евреем — это проявление антисемитизма. Странно это еще и потому, что эту тенденцию проявляют сами евреи — нация, обогатившая мировую науку, искусство, литературу исключительными ценностями. В своей ненависти к Сталину и Берии Антонов-Овсеенко даже солидаризуется с позицией Гитлера, который «приказал разработать программу уничтожения советских и партийных руководителей (комиссаров) как носителей и вдохновителей варварско-азиатских методов правления. Что ж, Сталин и Берия дали веский повод для такого именно определения. И в том, что гитлеровцы с таким остервенением уничтожали коммунистов, историческая заслуга "сталинской клики" неоспорима».

А истребление Гитлером миллионов евреев, их детей, женщин, стариков — это тоже заслуга Сталина и Берии? В конце предисловия автор отмечает, что «резкость моего суждения далеко не всем пришлось по вкусу». О вкусах не спорят, поражает наглая ложь и о гибели Лаврентия Павловича, и о ситуации, сложившейся вокруг «подвигов» генерала Власова. Я утверждаю это потому, что был свидетелем этих трагических дней и не пользуюсь для их оценки грязными сплетнями. Что касается антисемитизма, который почему-то очень волнует Антонова-Овсенко, то мне, бывшему слесарю Тульского оружейного завода, русскому человеку, приходится часто благодарить Бога за то, что на трудном пути освоения науки и приобретения рациональной практики исключительно поддерживали меня такие мудрые люди, евреи, как Михаил Михайлович Авербах — декан нашего факультета и научный руководитель по аспирантуре, известный ученый с отцовским отношением ко мне — Леонид Моисеевич Хатаневер. В характере этих людей, как и многих, встречавшихся в студенческие, военные и послевоенные годы, не было тяжелых античеловеческих элементов, составляющих основу поведения березовских, чубайсов, абрамовичей и им подобных, оседлавших Россию и диктующих нам условия жизни на нашей Родине. Может быть, плохое зрение писателя не позволило ему прочитать многие произведения последних лет, такие как «Терновый венец России» Олега Платонова 1998 г., книги Эдуарда Тополя («Китайский проезд»), а также весьма серьезные публикации, посвященные руководителям Советского Союза — И.В. Сталину (Лобанов М.Н., 1995) и А.Н. Косыгину («Премьер известный и неизвестный» — Фетисов Т.И., 1997).

На протяжении многих лет мы привыкли считать, что наиболее доступным, надежным и массовым средством информации является телевидение, я не говорю о радио, тем более о таком радио, как «Радио Свобода». Где были эти активные и, естественно, давно закупленные правительством США комментаторы, когда авиация НАТО, а точнее американские военно-воздушные силы, превращали в руины Югославию? Почему они забыли это слово — свобода, уничтожая женщин, детей, стариков? Где был тогда господин Резник, наш современный Плевако, который немедленно был объявлен адвокатом журналиста-преступника, фактически сбежавшего к своим кровным друзьям — террористам? Сейчас по всем каналам телевидения демонстрируются кинофильмы,

воспитывающие наше население, в особенности молодежь нашей страны. Зарубежные сериалы заполнили все программы телевидения, а наши хранилища заполнены отличными отечественными фильмами, как говорят, советского производства, созданными нашими режиссерами и сыгранными талантливыми артистами. Эти фильмы стали для нас недоступными.

Ну что еще сказать? Вот, смотришь старые фильмы по телевизору, скажем картину «Любовь и голуби». Честно говоря, я могу смотреть эту картину каждый день. Я каждый раз нахожу в ней прелести, это игра артистов исключительная, и даже содержание, глубокое содержание человеческих чувств изложено. Как будто небольшая картина, но какое она впечатление создает! А когда смотришь боевики — бьются машины, горят дома, взрываются подъезды, убивают людей наповал, стреляют, грабят — и как будто ничего не произошло. Невозможно поверить тому, что это происходит в действительности, и не хочется смотреть, а смотреть-то больше нечего. В кинотеатры пойдешь — то же самое. Также и наши компании, подражающие западным, выпускают фильмы, в которых обязательно звучат эти выстрелы, убийства. А поскольку каждый день сообщают нам о террористических актах — там взорвали, здесь взорвали, там убили, там заказное — не проходит дня без этих событий, а они еще окрашиваются вот этими художественными фильмами, в которых эти проблемы еще более резко подчеркиваются, это очень трудно психологически переживать.

Я уже не говорю о том, что если идет хорошая картина, то через каждые 5–10 минут включается реклама всяких прокладок, пеленок, шоколадных конфет и всего остального. Смотришь, настраиваешься на картину, а тебе говорят: «А вы не смотрите рекламу, если вам не нужно». Ну как не смотреть, нельзя же сидеть с ТВ-пультом в руках и все время выключать рекламу. Это невозможно, есть же нервы у человека, а нервное состояние людей, я вам должен сказать, это самое тяжелое из физиологии человека, что может на него воздействовать.

Неужели нельзя всю эту массу рекламных сообщений прокладок с крылышками, памперсов, чая, кофе сосредоточить между основными передачами и не давить на психику телезрителей этим диким грузом? Я могу привести несколько примеров, когда эти нервные потрясения и переживания приводили к трагическому

исходу. Был у меня хороший друг и соратник по работе, рыбак, семья прекрасная. Работали мы вместе. Он занимался производством, технологией, я занимался общей наукой. Крупный человек, остроумный — это Измаил Субботин. Когда я уехал из Свердловска в Москву, он остался там за меня и был представлен — он был полковником — к званию генерала. Он ждал это звание с нетерпением, и, когда вышел указ Верховного Совета и он не получил генерала, слег. Его привезли в Москву в военный госпиталь, и он умер. Измаил Иванович Субботин умер, потому что получил такой нервный стресс, что не мог его выдержать. Вот я, например, когда мне в 1958 г. отказали в звании генерала в первый раз, пережил это спокойно и об этом сейчас не жалею. Однако я вам приведу и второй пример. Был такой генерал Агарков, Всеволод Агарков, друг, многие его знали по работе, душевный человек, хорошая семья, хорошая супруга, ну, все было на месте. Он был директором одного большого института. Ему сообщают, что он освобождается от должности директора и переходит на другую работу, какую, он еще не знал. Заболел человек и через 7–8 дней умер.

И вот такое происходит сейчас каждый день, мы же не знаем, сколько у нас умирает людей. Мы только говорим о том, сколько было расстреляно в 1937–1938 гг., а сколько без расстрелов сейчас на территории России умирает людей от невероятно тяжелых условий жизни, никто ничего не скажет.

Для того чтобы закончить это рассуждение и больше к нему не возвращаться, я могу вам сказать, что у основ того, что происходит, стоят те же самые люди, которые у нас создавали и революцию. Вы поймите, что я коммунист, я об этом говорю спокойно. Эти же люди и сейчас командуют у нас в стране. И сейчас, если даже Березовский или там другой какой-то соратник остались за рубежом и не едут в Россию, то не едут только потому, что знают, что здесь совершили преступление. А кто такой Березовский? Это фигура, которую недавно носили на руках наш президент Ельцин и его окружение. Таких людей у нас очень много, и на них не хочется даже смотреть, а сделать ничего нельзя, такая ситуация.

Мы пережили очень много крови. Довольно этой крови. Мы хотим жить нормальной жизнью, как везде живут люди, а запасов недр нашей земли, к счастью, достаточно, если к ним отнестись серьезно. Они прокормят не только нас, но и другие народы. Мы

можем жить и работать, только нам должна быть предоставлена такая возможность. Пока такой возможности нет. Пока деньги, доллары решают всю нашу судьбу. Есть деньги — все есть. Даже ведь не спрашивают сейчас: ты построил огромную дачу, откуда ты эти деньги взял? А зачем? Это оскорбление. Однако то, что этот человек своровал, утащил, ограбил, потому что заработать такие деньги невозможно, об этом никто не говорит.

Я могу только сказать одно. Вот уехал мой сосед по даче. Замечательный человек, много сделал у нас в стране в области кино. Его сын, которого он, конечно, не мог не любить, где-то в ночном клубе проиграл его дачу. Что вы думаете? Пришли к этому человеку пожилому, которому нужен кислород как жизнь, он без кислорода жить не может, и сказали, что, если его сын не вернет 300 тысяч долларов, то они его просто расстреляют. Что вы думаете? Этот пожилой, уважаемый, исключительный человек отдал эту дачу. Приехали туда непонятные люди, копаются там, приобрели себе к этой даче еще второй участок. Откуда деньги взяли, никто не спрашивает. Орудуют там, а этот человек, который всю жизнь жил для народа, для людей, создавал ценности богатейшие для нас, он, к счастью, имел в Москве квартиру, сейчас уехал и там живет. Скажите, где правда? Это что? Демократия? Это право человека на жизнь? Это подлость против этой правды. Это преступление, которое является у нас сейчас законом.

Я очень извиняюсь, что заканчиваю свое повествование такими тяжелыми словами, но я убежден, что какая бы власть не пришла, какой бы президент у нас вновь не появился, все-таки найдется потенция у людей, у России, у русского человека, чтобы изменить ситуацию в корне, и мы будем все-таки жить. Я имею в виду не себя, мне осталось очень мало для этого. Наши потомки все-таки увидят свет, пусть через 10, через 20, через 30 лет, но Россия станет еще Россией, такой Россией, которой она должна быть по существу. На этом я хотел бы закончить свое откровенное повествование. Прошу извинить меня за длинную и, может быть, не совсем удачную в литературном отношении повесть, которую я написал по сложившемуся у меня убеждению, изменить его не позволяет мне существующая действительность.

Сейчас, при часто повторяющихся террористических актах, уносящих жизни сотен ни в чем не повинных людей, невольно вспоминаешь события свердловской трагедии 1979 г., когда ди-

версантами использовались споры сибирской язвы, не обладающие свойствами передаваться от больного к здоровому. Террористы не унимаются, они избрали для своих действий почему-то нашу страну, США и Израиль. Они совершенствуют оружие убийства, и могут прийти к решению использовать биологическое оружие, не споры сибирской язвы и не просто вирус оспы, а специально приготовленные боевые рецептуры, приготовленные на основе этого вируса. Для этих целей не нужны тонны вируса, о чем напоминает обычный жулик, а сейчас почетный ученый и гражданин Алибеков, а только граммы.

На фоне абсолютной беззащитности населения нашей страны и стран мира от вируса оспы, поскольку прививки против этого вируса прекратились в 1979 г. — после официального объявления о ликвидации оспы в мире, диверсия с использованием вируса оспы может вызвать эпидемический пожар, перед которым поблекнут события ядерных атак США на Хиросиму и Нагасаки.

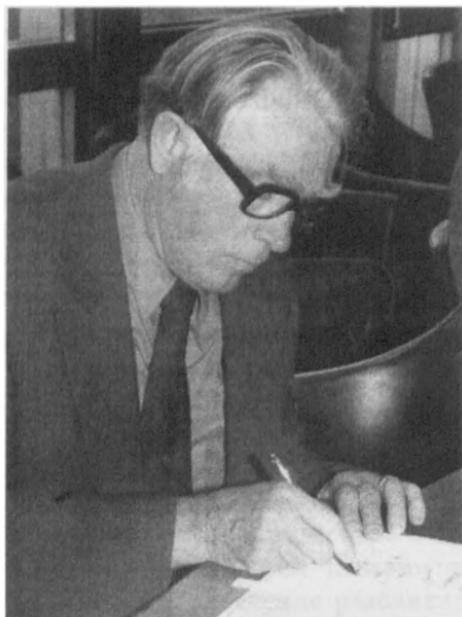
Помимо ослабления иммунитета к оспе, после прекращения прививок население разбавляется ВИЧ-инфицированными субъектами, исключительно чувствительными к воздействию любого возбудителя. Раньше, в прошлые века, как утверждает М.В. Супотницкий (М., Вузовская книга, 2000), эта значительная и быстро увеличивающаяся группа лиц, особенно при широком использовании разовых шприцев для введения наркотиков, периодически исчезала под воздействием протекавших по странам мира волн эпидемий (оспа, легочная чума).

Единственным и высокоэффективным средством предупреждения заболевания оспой являются противооспенные прививки. Их строгая регламентация и четкость осуществления требуют прежде всего постоянного обеспечения всего населения доброкачественной противооспенной вакциной, ее обновления по срокам, доступностью ее получения органами здравоохранения.

Имея не только теоретическое представление о бактериологическом оружии и зная, что такое вирус оспы, я провожу оставшееся для жизни время в ожидании, что проблема защиты населения от возможного использования в террористических целях вируса оспы будет всецело находиться в руках правительства.

В заключение вот что хочется сказать. Я верил. Верил нашему правительству — Алексею Николаевичу Косыгину, не Хрущеву. Верил партии, не Хрущеву и Горбачеву, а многим действительно

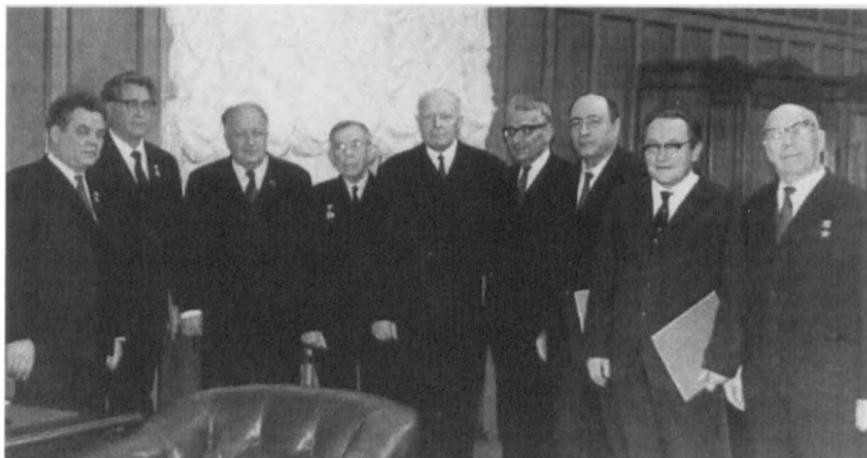
идейным коммунистам, и в этом не раскаиваюсь. Наше правительство и действительная коммунистическая партия позволили мне, слесарю Тульского оружейного завода, в процессе учебы, сложного и упорного труда, после активного участия в двух войнах стать профессором, академиком двух академий, генералом Советской армии. Я глубоко убежден, что не следует дрожать над зелеными бумажками — мы без них прошли большой путь, а надо верить в прекрасное будущее России — оно осуществится, если мы будем активно действовать и возродим ум, честь и совесть, исторически присущие нашим соотечественникам.

Заместитель министра здравоохранения СССР, главный государственный санитарный врач СССР Петр Николаевич Бургасов подписывает Декларацию о глобальной ликвидации оспы на Земле.
Женева, 9 декабря 1979 г.

Заместитель министра здравоохранения СССР, главный государственный санитарный врач СССР Петр Николаевич Бургасов дает интервью по итогам подписания Декларации о глобальной ликвидации оспы на Земле.
Женева, 9 декабря 1979 г.

Руководители здравоохранения и медицинской науки (слева направо): Александр Варламович Павлов, Петр Николаевич Бургасов, Борис Васильевич Петровский, Тихон Ефимович Болдырев, Ефим Иванович Смирнов, Николай Николаевич Жуков-Вережников, Аветик Игнатьевич Бурназян, Виктор Михайлович Жданов, Федор Григорьевич Кротков

Участник
Великой Отечественной
войны,
генерал-майор
медицинской службы
Петр Николаевич Бургасов

Семинар по чуме 1964 г,
слева — представитель ВОЗ доктор Цветанович

П.Н. Бургасов с коллегами. Озеро Байкал, 1968 г.

Профессор П.Н.Бургасов.
Годы работы на кафедре военно-медицинской подготовки
Центрального института усовершенствования врачей. Москва

П.Н. Бургасов. Женева, ВОЗ, 1972 г.

П.Н. Бургасов
на юбилее
О.Г. Анджaparидзе
в институте
вирусных препаратов
Минздрава СССР

Делегация Казахстана
на XVI съезде гигиенистов и санитарных врачей. Москва, 1972 г.

П.Н. Бургасов, представитель США доктор М. Мезельсон,
В.Н. Никифоров. *Москва*

Выступление
П.Н. Бургасова
в Университете
Цинциннати. *Огайо, 1974 г.*

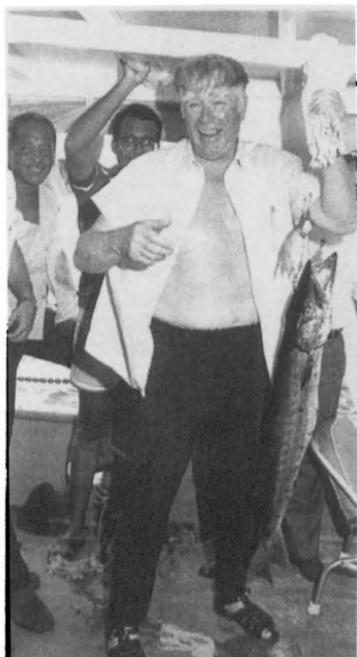
П.Н. Бургасов
и Л. Кинней
на конгрессе
по водоснабжению
в Латинской Америке. *1977 г.*

Встреча с Фиделем Кастро;
в центре — министр здравоохранения Кубы Серхио,
справа — его заместитель Терри. 1982 г.

П.Н. Бургасов с кубинской делегацией. 1982 г.

Удачная рыбалка. Куба, 1982 г.

Сингапур. Посадка дерева в саду посольства

П.Н. Бургасов и министр здравоохранения Вьетнама

Встреча с министром здравоохранения.
Питомник обезьян на острове в заливе Хайфон. Вьетнам

Конференция по генетике. Рядом с П.Н. Бургасовым переводчик В. Феденев. Манила, 1983 г.

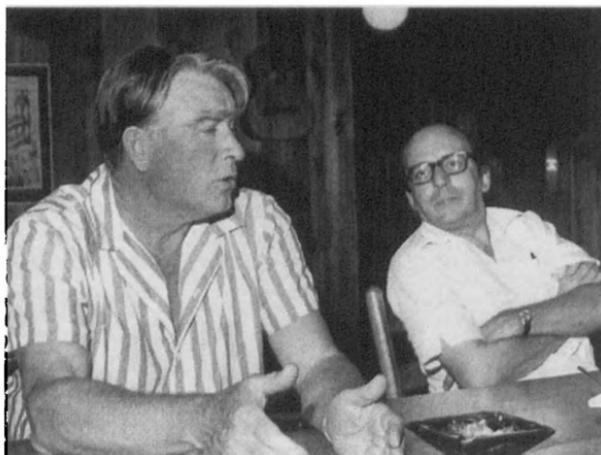
Замечательный
человек,
спасший детей
земного шара
от полиомиелита, —
доктор У. Сэбин

Участники конгресса по генетике. Манила, 1983 г.

Международный
конгресс
по сибирской язве.
Лос-Анджелес,
США, 1989 г.
(В.П. Сергеев,
П.Н. Бургасов,
В.Н. Никифоров)

Встреча
с руководителем
Центра
по инфекционным
заболеваниям
доктором
Д. Спенсером.
Атланта,
США

Выступление
П.Н. Бургасова
на сессии
Академии
медицинских
наук.
1997 г.

П.Н. Бургасов, Г.Г. Онищенко и В.Е. Ковшило в Барвихе

П.Н. Бургасов, О.А. Бургасова, Л.И. Белов, С.И. Пригода

Родители
П.Н. Бургасова
с его братом
Анатолием

П.Н. Бургасов
с женой Татьяной
Эшер, 1954 г.

П.Н. Бургасов
с детьми
Мариной
и Сергеем.
1949 г.

Сергей, сын П.Н. Бургасова

Марина, дочь П.Н. Бургасова

П.Н. Бургасов на рыбалке
(справа от него сын Сергей). *Нерль, 1965 г.*

Кирилл, внук П.Н. Бургасова

Дмитрий, внук П.Н. Бургасова

Петр,
внук
П.Н. Бургасова